

ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

АФГАНИСТАН В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Москва 2004

Научное издание

АФГАНИСТАН В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

М., 2004, стр.

Ответственный редактор: **В. Коргун**

В книге рассматриваются ключевые проблемы современного положения Афганистана – нового государственного строительства, безопасности, национального единства, внутривнутриполитической борьбы. При этом наибольшее внимание уделено внешнеполитическим проблемам, ибо на нынешнем этапе именно зарубежные участники афганских событий в основном определяют процессы его постконфликтного возрождения. Освещены также некоторые вопросы экономики, религиозных и национальных меньшинств.

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения Института.

ISBN 5-89394-132-2

ISBN 5-89394-132-2

ВВЕДЕНИЕ

Афганистан в силу происходящих в нем и вокруг него событий продолжает оставаться в центре внимания мировой общественности. Причем он вызывает не просто интерес, но и понятное беспокойство: большие надежды, которые возлагались на новые власти и зарубежных друзей и спонсоров Афганистана, в силу ряда причин пока не оправдываются. По мнению ряда западных политологов, страна по многим параметрам скатывается на уровень «несостоявшегося государства» (“failed nation”). И если это выглядит явным преувеличением, то есть ряд признаков несостоятельности усилий как администрации президента страны Хамида Карзая, так и мирового сообщества по стабилизации внутривнутриполитической обстановки и вывода страны на путь демократического развития.

Действительно, тот пыл, с которым США и их партнеры по международной антитеррористической коалиции взялись решить в Афганистане проблему ликвидации терроризма и наркотиков, несколько поуяс. По существу, борьба против исламских экстремистов свелась к эпизодическим (хотя временами и масштабным) попыткам локализации разрозненных остатков вооруженных групп талибов и поимке лидеров террористов – муллы Омара и Осамы бен Ладена. Что же касается афганских наркотиков, то их растущее производство и распространение за пределы Афганистана демонстрируют полную беспомощность как национальных, так и международных механизмов по борьбе с этим поистине мировым злом. Она принимает форму многочисленных инициатив, планов, программ, намерений, которые пока весьма далеки от практической реализации.

На фоне вялотекущей военной кампании против остатков террористов возникают и усугубляются новые проблемы, представляющие угрозу не только афганской государственности, но и безопасности региона. Это в первую очередь неуправляемость страны, неспособность центрального правительства контролировать общую ситуацию, углубляющийся этнический и политический раскол, конфронтация между Центром и локальными лидерами, произвол местных властей, бандитизм.

Тревогу вызывает и экономическая ситуация в стране. Здесь тоже нет недостатка в широкомасштабных международных и национальных программах восстановления и развития, подкрепленных внушительными суммами внешней финансовой помощи. Однако именно ввиду отсутствия безопасности в стране и сильного прави-

тельства, обладающего реальной властью на всей территории, искренние усилия афганской администрации и ее зарубежных друзей по восстановлению страны дают минимальный эффект. В результате продолжается стагнация экономики и социальной сферы.

Однако такого рода мрачная картина все-таки не дает оснований относиться к происходящему в Афганистане с полным пессимизмом. И об этом свидетельствуют мнения и оценки крупнейших российских экспертов по Афганистану, содержащиеся в статьях данного сборника.

Действительно, за неполные три года после разгрома талибов страна сделала заметный рывок на пути выхода из продолжительного кризиса, вызванного гражданской войной и правлением обскурантского режима исламских экстремистов. Доказательством тому служит новая либеральная конституция, принятая в январе 2004 г., которая положила начало строительству государства на новой, демократической основе. Функционирование многопартийной системы, равенство всех граждан перед законом, возможность проведения демократических выборов, всеобщий доступ к социальным благам – все это можно отнести к бесспорным достижениям нового Основного закона страны. И хотя такого рода либерально-демократические идеалы ограничиваются рядом традиционных институтов, в первую очередь исламом, сохранившим видное место в структуре нового, формирующегося общества, у Афганистана есть шанс трансформироваться в современное цивилизованное государство и стать полноправным членом мирового сообщества.

Но пока это лишь радужные перспективы, которые могут быть реализованы в результате решения многочисленных трудных задач, которые стоят перед правительством Афганистана. И их решение во многом зависит от усилий международных участников политико-экономических процессов, происходящих в стране: Афганистан аккумулировал энергию и ресурсы более трех десятков государств, участвующих в его восстановлении и борьбе с терроризмом на его территории. Именно они по существу определяют характер этих процессов. К сожалению, пока мы наблюдаем дефицит координации их усилий и, что хуже, видимой заинтересованности и целеустремленности в деле восстановления Афганистана.

Именно преобладающая роль внешнего участия в судьбах народа Афганистана подвигла авторов настоящего сборника акцентировать наибольшее внимание на афганской политике соседей этой страны. А она представляется весьма неоднозначной: в Афганистане идет жесткая борьба за влияние, которая далеко не всегда оборачивается благом для страны. Предлагая Афганистану амбициозные планы и проекты, зарубежные участники при этом просчитывают будущие политические и экономические дивиденды для себя. Однако авторов внешнеполитического раздела сборника более всего беспокоит геополитическая ситуация, складывающаяся в регионе в резуль-

тате многовекторной политики «друзей Афганистана». Ведет ли она к установлению мира и стабильности на Среднем Востоке и в Центральной Азии или создает новые вызовы и угрозы? Вопрос далеко не риторический. Ибо от того, по какому пути пойдет Афганистан, во многом будет зависеть расстановка и баланс сил во всем регионе. Кто будет играть здесь доминирующую роль – США, Россия, Иран или Пакистан? Усилятся ли соперничество между ними или они найдут приемлемую для всех формулу взаимодействия в интересах народа Афганистана и всех стран региона? Сегодняшняя политика ведущих игроков на афганском поле пока не дает ответа на эти вопросы.

Не меньшую значимость приобретают и проблемы внутривнутриполитического развития Афганистана, которым посвящены несколько статей настоящего сборника. В центре внимания авторов этого раздела – политическая нестабильность в стране, отсутствие безопасности, хаотичность процессов национального, политического и социального возрождения. Общая политическая неустойчивость в Афганистане порождает непредсказуемость вектора его социально-экономического и политического развития. Надежда на то, что выборы президента страны в октябре 2004 г. и последующие выборы парламента весной 2005 г. прояснят ситуацию, определяют конфигурацию новой политической системы, введут в спокойное русло общественно-политическую жизнь страны, достаточно эфемерна. Переломный этап в развитии Афганистана будет продолжаться. Поэтому политические перемены представляются неизбежными. Избранные правительством Х.Карзая (при существенном внешнем участии) внутри- и внешнеполитические ориентиры, закрепленные в новой конституции, еще не могут служить гарантией неизменности нынешнего курса государственной политики. Традиционные ценности еще долгое время будут превалировать в инертном афганском обществе, медленно уступая место современным общечеловеческим идеалам или неохотно синтезируясь с ними.

Рассмотрение проблем восстановления национальной экономики Афганистана в сборнике носит достаточно ограниченный и фрагментарный характер, и это обусловлено разорванностью и неопределенностью самого процесса. Наиболее выпукло представлены лишь задачи в этой области и подобие механизма по их практической реализации, опять же в рамках сотрудничества с соседними и иными странами. И здесь имеется обилие планов, программ и проектов, для практического осуществления которых пока не созданы благоприятные условия.

Наконец, в сборнике представлен еще один раздел, посвященный проблемам национальных и религиозных меньшинств, участие которых в общественно-политической жизни страны покажет степень действенности декларированных новой конституцией прав и свобод граждан. Материал статей этого раздела по-своему уникален – это результат полевых исследований российских ученых в Афганистане,

дающих возможность читателям познакомиться с жизнью афганской глубинки.

В целом рассмотренные в сборнике проблемы и сюжеты, охватывающие далеко не все стороны жизни современного Афганистана, дают представление о том, насколько тернист путь страны, восставшей из пепла, к миру и стабильности. Афганский пример служит наглядным свидетельством необратимости процессов глобализации, в рамках которой только и возможно решение проблем постконфликтного возрождения страны, ибо эти проблемы носят универсальный характер и затрагивают интересы всего мирового сообщества. Оно и должно решать их, приняв это как обязательство, а не как благотворительность.

Доктор исторических наук
В.Г.Коргун

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

АФГАНИСТАН ПОСЛЕ ТАЛИБОВ

Время, прошедшее после ликвидации режима талибов в Афганистане, дает основания для умеренного (или осторожного), как любят выражаться российские дипломаты, оптимизма по поводу происходящих в стране процессов перехода к мирной жизни и восстановления экономики и социальной сферы страны. Сегодняшнюю ситуацию в Афганистане можно оценить как неустойчивое равновесие, хрупкий баланс противодействующих сил.

Пока видимые, наиболее ощутимые успехи наблюдаются в области государственного строительства, которое после разгрома талибов началось практически «с чистого листа». При активном содействии (более того, под сильным нажимом и при прямом участии) ведущих стран-участниц международной антитеррористической коалиции на Боннской конференции в декабре 2001 г. были выработаны основные принципы государственного переустройства Афганистана и сформировано Временное правительство страны на коалиционной основе.

В январе 2002 г. на международной конференции в Токио было принято решение об оказании финансовой помощи в восстановлении Афганистана и выделении финансовых средств на сумму 4,5 млрд. долларов.

В июне 2002 г. опять же при негласном участии США и их союзников по коалиции была созвана Лоя джирга, на которой Хамид Карзай был избран президентом страны и сформирована Переходная администрация Афганистана под его руководством.

Наконец, в январе 2004 г. был сделан самый важный шаг в области политических преобразований – принята новая конституция Афганистана, которая заложила основы для нового государственного устройства и зафиксировала демократические принципы общественной жизни и права граждан Афганистана. Она сформулировала политические, идеологические, экономические и организационные параметры новой государственной модели.

Согласно Основному закону, в стране устанавливается президентская форма власти, унитарная система административного устройства, провозглашаются демократические права и свободы граждан, равенство всех перед законом, в том числе равенство прав мужчин и женщин. В то же время авторам конституции пришлось пойти на компромисс с консервативными кругами общества: в общественно-политической жизни и в судопроизводстве сильные позиции

сохранили ислам, признанный государственной религией, и мусульманское духовенство, которым отведена определенная регулирующая роль в духовной и политической жизни общества. Под давлением консервативных сил страна получила название «Исламская Республика Афганистан». Впрочем, это нельзя рассматривать как победу консерваторов, поскольку как новое законодательство, так и сама государственная власть сохранили светский характер.

Между тем такого рода баланс между светским либерализмом и исламом представляется довольно хрупким, и пока он лишь зафиксирован на бумаге. Можно вполне предположить, что в процессе практической реализации конституционных положений борьба между сторонниками и противниками либерально-демократических идей окажется неизбежной. И об этом свидетельствуют сегодняшние реалии: нынешняя судебная система, в том числе и в первую очередь высшие судебные органы, по существу, контролируются консервативными элементами, жестко отстаивающими исламистские позиции. Отсюда неоднократные попытки ущемления прав женщин, провозглашенных конституцией.

Важным достижением в деле создания демократического государства является формирование новой политической системы страны. В Афганистане идет бурный процесс партийного строительства. Наряду с активизировавшимися старыми партиями и движениями моджахедов появляются десятки новых политических организаций, заявляющих о себе как о полноправных участниках общественно-политической жизни. Этому способствовал новый Закон о политических партиях, утвержденный президентом страны в ноябре 2003 г., который предоставил право всем гражданам Афганистана создавать политические и общественные организации. И здесь Х.Карзай пришлось пойти на уступки консерваторам: программы и деятельность партий, согласно Закону, не должны противоречить положениям ислама.

Довольно успешно реализуется и положение конституции о свободе слова: в стране издаются более трехсот независимых периодических изданий, упразднена цензура.

Наконец, в сентябре 2004 г. Афганистану предстояло важное испытание: планировались всеобщие выборы президента и парламента страны, которые должны действовать на постоянной основе. И тогда будет в общих чертах определена конфигурация складывающейся новой политической системы, общая расстановка политических сил, будут выявлены настроения и симпатии населения. Пока процесс регистрации избирателей идет крайне сложно и медленно. К началу выборов предстояло зарегистрировать 10,5 млн. избирателей (по последним данным – 9,5 млн.). К началу июля 2004 г. было зарегистрировано 4,5 млн. человек. Этот процесс проходил в условиях политической нестабильности и продолжающейся борьбы сил терроризма и исламского экстремизма против правительства Х.Карзая и поддержи-

вающих его западных партнеров. Впрочем, ввиду сложности и медленных темпов процесса регистрации избирателей, а также возрастающей активности остатков талибов и их союзников Центральная избирательная комиссия приняла решение о переносе выборов президента на 9 октября 2004 г., а парламента – на весну 2005 г.

Однако по-прежнему самой острой проблемой сегодняшнего Афганистана остается политическая, экономическая, этническая и религиозная нестабильность, основу которой представляет отсутствие всеобщей безопасности. Борьба за ее достижение является одним из приоритетов правительства Х.Карзая. Эта проблема складывается из продолжающейся борьбы остатков отрядов талибов и боевиков «Аль-Каиды», а также их союзника – Исламской партии Афганистана во главе с Г.Хекматъяром против Переходного правительства и войск международной коалиции, всевластия локальных лидеров, ограничивающих власть центрального правительства в провинциях, вооруженных столкновений между ними за передел власти и контролируемые территории, проблемы производства и распространения наркотиков, практического отсутствия сильной национальной армии и правоохранительных органов, экономической безопасности, бандитизма, национальных противоречий.

И хотя американцы заявляют о том, что силы террористов в Афганистане локализованы и их окончательная ликвидация неотвратима, факты свидетельствуют об обратном. После разгрома основных сил талибов и их иностранных союзников в октябре-декабре 2001 г. США и их партнерам по коалиции на протяжении 2002 года пришлось провести несколько крупных боевых операций с участием афганских воинских частей против террористов. Надо сказать, что их результат был достаточно впечатляющим: с осени 2002 г. талибы резко снизили свою активность.

Однако позже выяснилось, что экстремисты вели подготовку к будущим боям. В местах дислокации их отрядов на пограничной с Пакистаном территории и даже в самом Пакистане (Баджаур, Мансера, Кветта) появились лагеря по подготовке смертников-диверсантов, где обучение вели афганские и арабские инструкторы¹. Уже в феврале 2003 г. талибы имели заметное присутствие в южных и юго-восточных провинциях Кандагар, Заболь, Урузган, Пактия, Хост. Они фактически контролировали ряд сельских районов. В июле лидер талибов мулла Омар даже назначил одного из своих командиров – муллу Абдул Джабара альтернативным (теневым) губернатором провинции Заболь².

С началом войны в Ираке в марте 2003 г. талибы и «алькаидовцы» произвели перегруппировку своих сил, изменили тактику борьбы, создали единое командование и отработали координацию своих действий. И уже в июле 2003 г. произошла их проба сил в новых измерениях: крупные силы талибов (до 800 человек) вторглись в пограничную

провинцию Заболь, пытаясь поставить под свой контроль ряд уездов. Правительство было вынуждено отправить туда более 1 тыс. солдат, включая небольшое подразделение вновь создаваемой Национальной армии, которые использовали поддержку американской авиации. В ходе ожесточенных боев в течение первых двух недель стороны понесли крупнейшие после разгрома талибов в 2001 г. потери: было убито 124 талиба и около 100 солдат правительственных войск. Операция по ликвидации отрядов террористов приняла затяжной характер и завершилась лишь в октябре 2003 г.

В последующем исламские экстремисты не проводили крупных боевых операций и скорее стремились закрепить свое влияние, а местами и контроль в ряде районов южных провинций страны. Одновременно они усилили действия подрывного и террористического характера, избрав своей мишенью «мягкие цели» – военнослужащих войск международной коалиции и афганской армии, полиции, служащих международных и неправительственных организаций, государственных чиновников и вообще всех лиц, сотрудничающих с режимом Х.Карзая.

Их действия приняли настолько масштабный характер, что командование американским контингентом приняло решение провести крупную операцию с участием подразделений афганской армии в пограничных с Пакистаном районах с целью их «зачистки» от боевиков. Она получила название «Буря в горах» и началась 15 марта 2004 г. Одновременно в эту операцию включился Пакистан, которого афганские руководители и американские союзники неоднократно упрекали в попустительстве действиям афганских экстремистов на его территории. Пакистанские войска начали планомерную операцию в Южном Вазиристане вместе с американскими и афганскими войсками, действовавшими на пограничной территории Афганистана, сжимая кольцо окружения талибов в горном районе Шаваль. При этом союзники надеялись захватить второго человека в иерархии «Аль-Каиды» египтянина Аймана аль-Завахири, который предположительно находился среди боевиков организации в этом районе. Это один из основателей международной сети «Аль-Каиды», он имеет богатое террористическое прошлое: в 1981 г. участвовал в убийстве президента Египта Анвара Садата, а в 1996 г. организовал взрыв египетского посольства в Исламабаде, за что был заочно приговорен к смерти в Египте³.

В целом операция «Буря в горах» не принесла видимых результатов: аль-Завахири не был захвачен, хотя, по некоторым предположениям, получил ранение, талибы и их союзники из «Аль-Каиды» не были полностью ликвидированы в районе боевых действий, а пакистанские войска столкнулись с враждебностью местных племен, симпатизирующих экстремистам, и понесли значительные потери.

Талибы по-прежнему контролируют ряд районов провинции Заболь. В частности, как указывает афганская газета «Паям-е моджахед»,

в их руках находятся 8 уездов и только в одном уезде главой администрации является представитель правительства, в прошлом также талиб⁴.

Второй после талибов серьезной угрозой безопасности страны остается противостояние центральной власти и неуправляемых, полуавтономных локальных и региональных лидеров (warlords) различного калибра, которые управляют большей частью страны, лишь номинально подчиняются Кабулу и обладают всей полнотой власти на контролируемых ими территориях. Многие из них занимают посты губернаторов провинций. В мае 2003 г. президент Х.Карзай подписал соглашение с 12 губернаторами пограничных провинций. В соответствии с соглашением губернаторы приняли на себя обязательства поддерживать правительство и обеспечивать закон и порядок в своих провинциях, переводить все таможенные пошлины, доходы и другие поступления в Центральный банк, не совершать визитов в соседние страны без уведомления правительства, не создавать собственной армии, не вмешиваться в дела других провинций, не использовать титулы типа «эмир» (это относилось к губернатору Герата Исмаил-хану), «специальный посланник президента» (прямо указывалось на генерала А.Р.Достума, контролирующего ряд северных провинций), следовать в русле внешней политики правительства и не выступать с заявлениями, противоречащими правительственному курсу, не подписывать соглашения с иностранными государствами без уведомления и разрешения правительства.

Кроме того, правительство запретило командующим войсками провинций вмешиваться в гражданские дела, а также проводить боевые операции без разрешения центральных властей. В соглашении также указывалось, что назначение начальников финансового управления каждой провинции и начальников таможни является прерогативой правительства⁵. Таким образом, была предпринята попытка ограничить власть и влияние бывших полевых командиров, а ныне губернаторов и укрепить власть правительства в провинциях.

Однако ситуация с тех пор изменилась незначительно. Более того, наиболее крупные из региональных лидеров – генерал Абдуллах Дустум и Исмаил-хан – удерживают власть не только в провинциях, в которых правительство было вынуждено назначить их губернаторами, но и фактически контролируют север и запад Афганистана соответственно. Оба сохраняют свои вооруженные формирования, превосходящие по численности медленно формирующуюся Национальную армию Афганистана (у одного Исмаил-хана под ружьем находятся около 25 тысяч вооруженных людей), всячески противятся процессу разоружения, на словах заявляя о своей готовности содействовать его реализации.

Самое главное, их действия подрывают стабильность в стране и усилия мирового сообщества по восстановлению мира и экономиче-

скому возрождению. Так, в течение всего постталибского периода вооруженные столкновения отрядов генерала Достума, являвшегося советником президента по военным вопросам и безопасности, с формированиями генерала Атта Мухаммада, соратника министра обороны, в борьбе за контроль над северными провинциями стали рутинными. При этом не только обе стороны несут потери, но и страдает мирное население. Стремясь сохранить свою армию в условиях, когда он вынужден идти на частичное разоружение, Достум недавно выдвинул идею формирования под его руководством отдельного 20-тысячного корпуса параллельно с создаваемой Национальной армией⁶.

Между тем растут и политические амбиции генерала Достума: в январе 2004 г. он заявил корреспонденту Би-би-си, что ему должны предоставить крупный пост в структурах власти. Если он не получит такого предложения, то станет политиком и будет баллотироваться на пост президента⁷. Видимо, его не удовлетворяла должность советника президента.

Испытывая на прочность правительство Х.Карзая, генерал Достум недавно предпринял попытку расширить зону своего влияния: в апреле 2004 г. его вооруженные отряды неожиданно захватили г. Маймана, центр северной провинции Фарьяб, вынудив бежать из города губернатора и командующего войсками провинции. Захват Майманы сопровождался насилием и грабежами⁸. Реакция центральных властей не заставила себя ждать: в провинцию были направлены 750 солдат Национальной армии, которым в подкрепление были приданы 200 полицейских. Отряды Достума покинули Майману, законная власть в городе была восстановлена. Оправдываясь за свои действия, генерал обвинил губернатора и командующего войсками провинции в пособничестве талибам. Он заявил, что население города подняло восстание против местных властей, и его отряды пришли на помощь горожанам⁹. Однако это объяснение не убедило правительство. С осуждением действий генерала выступил министр внутренних дел Али Ахмад Джалали. В ответ Достум обвинил министра обороны и министра внутренних дел во вмешательстве в дела провинции Фарьяб и потребовал их отставки¹⁰.

В Маймане ходили слухи о том, что истинной причиной захвата города стала попытка Достума взять под контроль небольшой пограничный пункт с Туркменией, через который проходит поток наркотиков в СНГ¹¹. В том же апреле вновь произошли столкновения между отрядами Достума и генерала Атта Мухаммада в районе завода азотно-туковых удобрений в окрестностях г. Мазари-Шарифа. В результате завод перешел под контроль генерала Атта Мухаммада¹². Вслед за этим в Кабуле состоялись демонстрации жителей, потребовавших от правительства принять меры для обуздания неояльных полевых командиров.

Месяцем раньше, в марте 2004 г. неожиданные драматические события потрясли доселе спокойный, экономически процветающий Герат. Они были непосредственно связаны с именем его губернатора, «эмира юго-запада Афганистана» Исмаил-хана. В соответствии с подписанным в мае 2003 г. соглашением между президентом Х.Карзаем и губернаторами туда был назначен из Кабула командующий войсками провинции, при этом ряд близких сторонников Исмаил-хана был уволен с военной службы, и «эмир», таким образом, был лишен военной власти в своей вотчине. Губернатор не скрывал своего недовольства. И в марте 2004 г. в городе вспыхнули столкновения между солдатами правительственных войск и вооруженными сторонниками губернатора. В ходе перестрелки был убит сын Исмаил-хана, министр туризма и гражданской авиации Мирвайс Садек. Это уже третье убийство высокопоставленных лиц, совершенное по политическим мотивам после ликвидации режима талибов (февраль 2002 г. – министр гражданской авиации Абдуррахман, июль 2002 г. – вице-президент Абдул Кадир).

Конфронтация между бывшими полевыми командирами и кабульской администрацией не исчерпывается вооруженными инцидентами. Влиятельные региональные лидеры в условиях усилившейся политической борьбы в стране накануне всеобщих выборов пытались использовать и политические методы в стремлении удержаться у власти в провинциях и ослабить позиции центрального правительства. Так, в апреле 2004 г. были предприняты попытки сформировать коалицию оппозиционных сил против президента Х.Карзая: в Герате состоялась встреча представителей генерала Достума с Исмаил-ханом и одним из лидеров хазарейской партии «Вахдат-е мелли», министром планирования М.Мохаккеком, уволенным из правительства за критику влиятельного министра финансов Ашраф Гани Ахмадзая, соратника президента. Участники встречи договорились о создании политического оппозиционного движения. Кстати, в начале года М.Мохаккек выдвинул свою кандидатуру на пост президента страны на предстоящих выборах. Противников Х.Карзая активно поддержал бывший президент Афганистана Б.Раббани, глава самой влиятельной политической партии – Исламского общества Афганистана, возглавлявший оппозицию на конституционной Лоя джирге в декабре 2003 г.¹³

По-прежнему серьезную угрозу безопасности страны представляет проблема наркотиков. Она связана не только с собственно наркопреступностью, подрывом национальной экономики, коррупцией государственного аппарата, угрозой соседним государствам, но и финансированием криминальных группировок, а также талибов и «Аль-Каиды».

В феврале 2004 г. в Кабуле состоялась международная конференция по проблемам производства и незаконного оборота наркотиков. По оценкам ООН, производство опиума в Афганистане продол-

жает расти, несмотря на ряд позитивных шагов, предпринятых в последнее время Переходным правительством Афганистана. По данным исследования, проведенного Департаментом ООН по борьбе с наркотиками (UNODC) в октябре 2003 г., объем произведенных в стране наркотических средств вырос по сравнению с 2002 г. на 6% – с 3400 до 3600 тонн. В настоящее время опиумный мак культивируется в 28 из 32 провинций страны (в 1999 г. – в 19 провинциях). Недавние исследования показали, что площади под посевами мака в 2004 г. могут еще более возрасти. В процесс производства наркотиков в стране вовлечены 1,7 млн. человек¹⁴.

Выступая на конференции в Кабуле, исполнительный директор Департамента ООН по борьбе с наркотиками Антонио Мария Коста заявил: «Борьба против терроризма будет более эффективной, если удастся сломать наркотрафик. (У нас) есть множество свидетельств того, что наркоденеги используются для финансирования преступной деятельности, включая терроризм». «Если мы в соответствии со своими обязательствами, – выразил свои опасения исполнительный директор, – не добьемся снижения производства наркотиков, то столкнемся с риском того, что опиумная экономика подорвет все, что было достигнуто в деле построения нового, демократического Афганистана»¹⁵. Он обратился к руководству миротворческих сил в Афганистане с призывом включиться в организуемые афганскими властями акции по пресечению транспортировки наркотиков и уничтожению подпольных лабораторий по их производству, а также плантаций опиумного мака, в чем активное содействие афганцам в последнее время оказывают войска США.

Надо признать, правительство Х.Карзая предпринимает энергичные шаги по борьбе с наркопроизводством. Наряду с мерами экономического поощрения крестьян, переходящих на производство традиционных сельскохозяйственных культур, правительство разработало жесткое законодательство в сфере борьбы с наркотиками, а также приняло Национальную стратегию контроля за производством и транспортировкой наркотических веществ, в соответствии с которой планируется добиться полного прекращения производства опиума в стране в течение 10 лет.

Что касается вопросов восстановления национальной экономики, то здесь успехи достаточно скромны. В целом за последние два года отмечен значительный экономический рост: по данным президента Государственного банка Афганистана д-ра Анвара Ахади, объем ВВП страны в 2002 г. вырос на 30% и в 2003 г. – на 20 %. При этом объем производства в основной отрасли экономики – сельском хозяйстве – в период после свержения режима талибов увеличился на 60%¹⁶.

Одна из главных проблем восстановления экономики – недостаточное финансирование. На прошедшей в начале апреля 2004 г. Берлинской конференции стран-доноров Афганистана ее участники

согласились выделить ему 8,2 млрд. долларов сроком на 4 года, хотя, по подсчетам афганского министра финансов А.Г.Ахмадзая, на полное восстановление Афганистана потребуется 27,5 млрд. долларов сроком на 7 лет¹⁷.

Львиную долю в этой сфере составляют восстановление и строительство экономических и социальных объектов, которое осуществляется преимущественно благодаря усилиям стран-доноров – в основном США, Германии, Японии, Франции, Индии, Ирана, Китая, Великобритании. В их активе наиболее крупные объекты экономической инфраструктуры – дороги, энергетика, ирригация.

Наиболее значительные средства вкладываются в строительство и восстановление дорожной сети. Так, в марте 2004 г. была завершена капитальная реконструкция автотрассы Кабул-Кандагар, которую осуществили США, Япония и Корея. Завершается восстановление автодороги Кабул-Джалалабад в направлении афгано-пакистанской границы. Начинается строительство автодороги Кабул-Бамиан, которая свяжет столицу с экономически наименее развитым труднодоступным горным районом в центральной части Афганистана. Строительство объекта финансируется правительством Италии. Немалую активность в расширении дорожной сети Западного Афганистана проявляет его сосед Иран. Летом 2003 г. руководители Ирана, Афганистана и Узбекистана подписали соглашение о строительстве железной дороги из Ирана через Афганистан до Узбекистана. Это будет первая железнодорожная линия на территории Афганистана. Она даст возможность странам Центральной Азии получить доступ к портам Персидского залива с использованием иранской железнодорожной сети. Дорога будет проходить через афганские провинции Герат, Бадгис, Фарьяб и Джузджан и содействовать экономическому развитию этих районов.

Реанимируется давний проект транспортировки туркменского газа в Пакистан через афганскую территорию, который был прерван разрывом контактов США с талибами в 1997 г. Газопровод длиной 1600 км будет построен усилиями компаний ряда стран, которые создали международный консорциум. В него входят американская компания UNOCAL, правительство Туркменистана, российский Газпром, правительства Афганистана и Пакистана, две южнокорейские компании и саудовская компания «Delta International». Общая стоимость проекта составит 2,5 млрд. долларов. На его реализацию уже выделено более 1 млрд. долларов Азиатским Банком Развития.

Постепенно набирает обороты процесс промышленного и гражданского строительства. К сожалению, он серьезно тормозится отсутствием безопасности в стране. Тем не менее, по данным министра торговли Афганистана Сайеда Мустафы Казими, готовность вложить финансы в промышленное развитие изъявили более 1000 местных и иностранных фирм. Одни только национальные компании и предпри-

ниматели готовы выложить на эти цели 4,5 млрд. долларов¹⁸. Среди наиболее значимых объектов – восстановление текстильной фабрики к северу от Кабула, которая обеспечит занятость 5 тыс. человек. За это взялся американский предприниматель из Флориды Стивен Хилл, который предполагает создать консорциум инвесторов и быстро восстановить предприятие, оснащенное немецкими станками.

Ныне Кабул являет собой картину бурного строительства – на фоне страшных руин, свидетельств прошедшей войны, строятся сотни жилых домов, отелей (причем два из них высшего класса – «Хаят» и «Серена» с вложением американского частного капитала – 40 и 25 млн. долларов соответственно), ресторанов, офисов компаний, других предприятий сферы обслуживания, планируется строительство целых кварталов высотных зданий жилого комплекса. В то же время в центре города власти вынуждены завершать возведение довольно мрачного и помпезного здания новой мечети, строительство которой не было закончено талибами. При этом продолжает лежать в руинах комплекс зданий бывшего Дома советской науки и культуры, считавшийся в свое время достопримечательностью афганской столицы.

Идут вложения и в другие сферы экономики. Так, международный Фонд Ага Хана выделил 120 млн. долларов на создание системы сотовой связи в Афганистане, а американская авиакомпания World Airlines планирует открыть прямую авиалинию Вашингтон-Кабул с посадкой в Женеве.

Впрочем, все эти объекты не делают погоду в экономике. Афганское правительство жалуется на скудость донорских средств, поступающих в страну. И хотя президент Х.Карзай все чаще говорит о необходимости перехода от восстановления к новой фазе – экономическому развитию, общая стагнация экономики продолжается.

Пока процесс восстановления идет в основном за счет усилий международного сообщества. Однако страны, оказывающие содействие Афганистану, чаще руководствуются своими собственными интересами в ущерб общей цели – строительству мирного, демократического Афганистана. Наибольшую вовлеченность в процесс восстановления страны демонстрируют США, которые вместе с Европейским Союзом выделяют львиную долю средств на эти цели. США возглавляют международную антитеррористическую коалицию, насчитывающую 18 тыс. человек. Численность их военного контингента составляет 11,5 тыс., включая прибывших в марте 2004 г. в Афганистан 2200 морских пехотинцев для проведения спецопераций в пограничных с Пакистаном районах.

США играют также ведущую роль в создании Афганской национальной армии, которая к середине лета 2004 г. насчитывала 9 тыс. человек. Этим же занимаются Германия, Франция, Испания, Турция, Россия.

Кроме того, американцы возглавляют шесть интернациональных Бригад по восстановлению провинций. Это военно-гражданские группы, которые призваны помочь утвердить власть правительства Х.Карзая в провинциях, поддерживать безопасность и содействовать экономическому и социальному развитию провинций (ремонт и строительство школ, медицинских центров, дорог, колодцев, ирригационных сооружений и т.д.). К началу июля 2004 г. в стране действовали 12 таких бригад.

Впрочем, у администрации Х.Карзая и некоторых партнеров США по коалиции есть немало претензий к Вашингтону. В частности, американцы уклоняются от активной борьбы с производством и транспортировкой афганских наркотиков, заявляя, что выполняют задачи по ликвидации исламских экстремистов, а борьбой с наркотиками занимается Великобритания. Между тем именно США имеют богатый опыт борьбы с наркобизнесом (например, в Колумбии), а также необходимые технические и финансовые возможности. Правда, в последнее время по настоятельной просьбе президента Х.Карзая они все чаще подключаются к решению этой проблемы.

Немало критики вызывает деятельность (а фактически бездеятельность) Международных сил по содействию безопасности (ISAF). Они состоят из подразделений армий 31 страны (США не входят в их состав) и насчитывают 8500 человек. Все они дислоцируются в Кабуле, кроме одного немецкого батальона, расквартированного в северной провинции Кундуз. Они патрулируют столицу, но не принимают участия в боевых действиях. Ядро ISAF составляют воинские подразделения Германии и Канады.

Правительство Х.Карзая вот уже два года настаивает на расширении зоны ответственности ISAF за пределы Кабула. Поскольку силы коалиции, ведущие вооруженную борьбу против террористов в южных и юго-восточных районах Афганистана, не несут ответственности за безопасность в стране, а афганская армия и полиция находятся в стадии зарождения, западные миротворцы могли бы помочь афганским властям поддерживать мир и порядок в неспокойных провинциях. Однако именно США при поддержке ряда своих партнеров по НАТО долгое время противодействовали принятию такого решения на уровне ООН. Особенно после начала войны в Ираке они жаловались на нехватку личного состава и боевой техники. Аналогичные жалобы поступали со стороны других членов НАТО.

И хотя за последний год было принято немало решений о расширении деятельности ISAF и необходимости увеличения их численности (в частности, на сессии Совета НАТО в октябре 2003 г. в Брюсселе), этот вопрос был вновь поднят на последнем саммите НАТО в Стамбуле 28–29 июля 2004 г. НАТО взяла на себя функции командования силами ISAF в августе 2003 г. с санкции ООН. С требованием выполнить взятые на себя обязательства по расширению

участия организации в обеспечении безопасности в Афганистане к участникам саммита обратился ее генеральный секретарь Яап де Хууп Схеффер (Jaap de Hoop Scheffer). Время принятия обязательств на бумаге прошло, заявил он¹⁹. Больше всего на этом настаивает президент Дж.Буш: ведь успешное проведение выборов в Афганистане даст весьма существенные очки в его избирательную копилку на выборах в ноябре 2004 г. на фоне видимых неудач на иракском фронте.

На саммите в Стамбуле было принято решение об увеличении численности ISAF на 1200 человек. В частности, Голландия обязалась удвоить свой контингент. Страны НАТО выразили готовность сформировать пять Бригад по восстановлению провинций. Было также решено силами ISAF оказывать содействие в обеспечении безопасности на избирательных участках.

Судьба выборов в Афганистане, а во многом и его дальнейшее развитие зависят от деятельности международных участников афганских событий, в первую очередь НАТО. Это первая миссия Североатлантического альянса за пределами Европы. И если она окажется успешной, можно ожидать наступления перелома в военнополитической ситуации в Афганистане в пользу сторонников реформ и демократизации страны.

¹ «*Al-Kaida plans for Afghan attacks reported*». Associated Press, Pakistan, December 13, 2002.

² *Afghans Urge U.S. Actions on Free Roaming Taleban*. Reuters, July 28, 2003.

³ Sam F. Ghattas. *Egyptian thought to be cornered in Pakistan is considered 'brain' behind Osama bin Laden*. The Associated Press, March 19, 2004.

⁴ Паям-е моджахед, Кабул, 15.04.2002.

⁵ Kabul T.V. News in Pashto. May 20, 2003.

⁶ Эрада, Кабул, 21.01.2004.

⁷ Там же.

⁸ Афган гар, Кабул, 15.04.2004.

⁹ Машарекат мелли, Кабул, 12.04.2004.

¹⁰ Кабул, 07.04.2004.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Кабул, 14.04.2004.

¹⁴ *Afghanistan's drug economy is fuelling terrorism, senior UN official says*. UN News Centre, February 6, 2004.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ *Afghan economy picking up, says bank governor*. PPI, Karachi, January 4, 2004.

¹⁷ *US has come to stay*. Dawn, March 17, 2004.

¹⁸ *Afghanistan slowly recovering from war wreckage*. Xinhua, May 24, 2004.

¹⁹ *Afghanistan: Istanbul Summit To Make More Aid A Priority*. Eurasia, June 26, 2004.

**«НОВАЯ СТРАТЕГИЯ» ХАМИДА КАРЗАЯ
И ЕГО ЗАОКЕАНСКИХ СПОНСОРОВ**

11 июля 2004 г. на встрече с представителями афганских и международных кругов в Кабуле президент Карзай, выступая в качестве руководителя Переходной администрации Афганистана, заявил о намерении осуществлять «новую стратегию» в области стабилизации обстановки в стране. В числе основных проблем он назвал следующие¹.

1. Основной опасностью для страны на текущий момент являются действия частных армий, которыми командуют местные авторитеты, вышедшие из-под контроля центрального правительства. И эта опасность более серьезная, чем нападения талибов.

Карзай сказал, что центральное правительство пыталось решить этот вопрос методом убеждения, однако, по всей видимости, придется «прибегнуть к использованию кнута». Какие конкретные действия он намерен предпринять, президент не уточнил.

Его не устраивают темпы разоружения частных вооруженных формирований. Из 100 тысяч их участников разоружено только 14 тысяч, реализация программы идет крайне медленно, особенно в последние месяцы. Выражается надежда на то, что до апреля 2005 года, то есть до начала парламентских выборов будет разоружено от 60 до 70% этих отрядов, которые «тормозят развитие страны», «угрожают жизни народа, а этого дольше терпеть нельзя».

2. Лидеры Северного альянса, как считают критики политики президента, отказали ему в своей поддержке, поскольку он пытается заключить с ними сделку. Однако Карзай заявил, что никакого соглашения с деятелями Альянса достигнуто не было, однако в их отношении, особенно по вопросам разоружения местных вооруженных группировок полевых командиров, необходимо продолжать гибкую политику компромиссов и соглашений.

Его косвенно поддержал руководитель миссии ООН в Афганистане Д.Арно, заявив, что ООН предпочитает разоружение через сотрудничество, а не применение санкций.

3. Карзай считает, что ему удалось привлечь в Афганистан финансы, что позволило «стабилизировать экономику». В то же время, по его признанию, не удалось преодолеть коррупцию и разоружить местные вооруженные формирования.

К числу успехов он относит и создание правительства, которое работает: «Два года тому назад, – сказал он, – правительства фактически не было. Сегодня же я могу решать вопросы». Усилия должны быть направлены на создание «более профессионального, технократического правительственного кабинета». Одновременно нужно стремиться к привлечению к руководству страны лояльных местных авторитетов и выражающих готовность к сотрудничеству лидеров вооруженных формирований в провинциях. «Успех придет тогда, когда будет достигнут приемлемый баланс между этими силами», – подчеркнул Карзай.

У него вызывает озабоченность продолжающееся «иностранное вмешательство» во внутренние дела страны, и не только со стороны Пакистана. Он полагает, что за некоторыми акциями насилия стоят «зарубежные государства». В качестве примера Хамид Карзай привел взрыв бомбы в Герате в июле 2004 г., в результате которого было убито пять и ранено 21 гражданское лицо. Причем он ясно дал понять, что талибы к этому инциденту отношения не имеют.

По его словам, на территории Пакистана по-прежнему осуществляется подготовка боевиков-террористов, группы которых затем оказываются в южных и юго-восточных провинциях Афганистана. Этот вопрос ежедневно обсуждается с пакистанскими представителями, но афганское руководство ожидает от них больших усилий в этом направлении. Тем не менее Карзай считает угрозу со стороны талибов и сторонников «Аль-Каиды» меньшим злом по сравнению с акциями частных вооруженных формирований.

Он также считает, что необходимо развивать отношения с Ираном и Пакистаном на основе сотрудничества в сфере бизнеса, базирясь на взаимовыгодной торговле.

Высказывания Карзая говорят о том, что он осознает угрозу, создаваемую целостности государства местными авторитетами, но не знает, каким образом можно преодолеть эту трудность. Применение военной силы, при котором придется прибегнуть к помощи натовских войск, чревато обвинениями в опоре на чужеземцев и иноверцев. Видимо, поэтому он старательно обходит «острые углы» и ни слова не говорит о роли Международных сил по содействию безопасности (IS-AF) и НАТО в стабилизации обстановки.

Полевые командиры, естественно, спекулируют на своей интерпретации независимости от иностранного вмешательства, пользуясь, во-первых, отсутствием боеспособных правительственных войск, а, во-вторых, ссылаясь на необходимость выдвижения на первый план задач борьбы против талибов. Кстати, в связи с этим можно вполне допустить, что часть вооруженных акций «списывается» соперничающими вооруженными группировками на счет талибов, хотя действия тех и других можно отличить, если обратить внимание на характер объектов нападений. Этим же приемом пользуются и талибы, хотя

основные атаки ими совершаются в Кабуле и в южных провинциях, а вооруженные столкновения в провинциях, расположенных к северу от столицы, вряд ли относятся к разряду спровоцированных и осуществленных ими акций.

Как сообщалось ранее, президентские выборы были перенесены на 9 октября текущего года, а парламентские отложены до весны 2005. Основные причины: нестабильность обстановки в стране, вызванная произволом и неподчинением центру местных авторитетов и полевых командиров, а также беспокоящими нападениями группировок талибов. И те, и другие препятствуют проведению предвыборной кампании, физически уничтожая работников избирательных участков.

На фоне лихорадочной подготовки к президентским выборам, на спешном проведении которых настаивала американская администрация, создавая, в преддверии выборов в самих США, новый имидж президента Дж.Буша, представляют интерес результаты проведенного «Asia Foundation» выборочного опроса 804 респондентов из числа жителей северо-западных и южных провинций Афганистана, опубликованные 13 июля 2004 г. Организаторы опроса обратили особое внимание на две проблемы: обеспечение безопасности в стране и отношение населения к личности президента Карзая и его администрации². Их главный вывод заключается в том, что мнения жителей северо-запада и юга страны, т.е. представителей нацменьшинств и «титупной нации» (пуштунов), существенно отличаются в оценках.

На северо-западе (регион, в основном населенный нацменьшинствами) были опрошены жители провинций Герат, Бадгис и Фарах, на юге (регион проживания большинства пуштунского населения) – Пактия, Пактика, Хост, Кандагар, Заболь, Гильменд.

Общее направление. В целом 64% опрошенных считают, что события в стране развиваются в благоприятном направлении, 12% ответили на этот вопрос отрицательно.

17% «северян» и 39% «южан» высказались с оптимизмом в отношении развития событий в стране, 35% и 19% соответственно полагают, что страна находится на неверном пути.

Наиболее острые проблемы. Более всего (37%) народ обеспокоен отсутствием безопасности, затем по степени тревожности следуют проблемы экономики (29%), инфраструктуры, водо- и электроснабжения (до 12%), а также образования (9%).

В отношении безопасности 52% всех опрошенных считают, что в их местности обстановка спокойная, а у 46% она вызывает в большей или меньшей степени тревогу. Тем не менее как на Севере, так и на Юге процент «обеспокоенных» достигает 2/3 от общего числа и даже больше.

Отношение к президенту и его правительству. В национальном масштабе 62% (около 2/3 населения) дают Карзаю оценку «хорошо» и «отлично», а его правительству – 57 %.

Однако на Юге рейтинг Карзая оценивается на «хорошо» и «отлично» только 35% респондентов, а 46% дают оценку «посредственно» и «плохо».

На Севере его рейтинг еще хуже: 20% оценили его деятельность позитивно, а 71% – «посредственно» и «плохо».

Деятельность правительства в обоих регионах оценивается значительно ниже, чем работа президента.

Свобода слова. В целом 52% считают, что они имеют возможность свободно высказывать свое мнение. Проводят сравнение с ситуацией, которая была при режиме талибов, когда свободно высказываться мог только 1% населения.

И опять наблюдается разница в оценках, даваемых респондентами Севера и Юга: 74% «северян» ответили «нет» на вопрос, могут ли они свободно высказывать свое мнение; на Юге: 42% – «нет», 21% – «да».

Отношение к талибам в основном негативное, хотя 13% высказались о них положительно. Трое из четырех афганцев относятся к режиму талибов отрицательно, а большинство – резко отрицательно. За эту планку особенно «зашкаливает» отношение «северян» в Мазари-Шарифе. Однако это не весь Север. Например, в северных, но заселенных преимущественно пуштунами районах (например, Кундуз) один из четырех респондентов отозвался о талибах положительно.

Отношение к США и их воинскому контингенту в Афганистане 2/3 респондентов назвали положительным. Остальные: на Юге 50% высказались резко отрицательно по поводу их присутствия, а на Севере почти 60% – «просто негативно».

Примечания:

– *Опрос проводился в период с 22 февраля по 13 марта 2004 г. С тех пор ситуация могла измениться в ту или другую сторону.*

– *Опрашивались как жители сельских, так и городских районов. Опрос 80% респондентов проводился по месту жительства, на языках дари или пушту.*

– *47% опрошенных назвали себя пуштунами; 39% – таджиками; по 6% – узбеками и хазарейцами. Соответственно, 55% назвали своим родным язык пушту; 47% – язык дари; 5% – узбекский.*

В целом результаты опроса (несмотря на запаздывание с его публикацией) можно считать до определенной степени отражающими реальность положения в стране. На сегодняшний день, даже сделав поправку на произошедшие изменения в виде смещения губернаторов в трех провинциях под давлением вооруженных группировок, участвовавших в нападении на представителей вооруженных сил США, международного контингента ISAF, сотрудников неправительственных организаций и ООН и т.д., общий индекс отрицательных результатов представляется даже заниженным. Тем не менее результаты опроса не могут удовлетворять уже хотя бы потому, что акцией была охвачена ничтожная доля населения, не отраже-

но мнение политических партий, деятельность которых пока остается «в тени» и т.д.

Обращает на себя внимание сохранение (а кое-где и обострение) крайне неприязненных отношений нацменьшинств Севера к пуштунам Юга, а на самом Севере – к местным пуштунским анклавам. При этом не стоит забывать существенный момент: несмотря на то, что Юг пытается контролировать американский контингент НАТО с небольшой «примесью» союзников, а Север – многонациональные силы ISAF, афганцы (в целом, в особенности «северяне») не в состоянии отличить натовские «миротворческие» войска ISAF от войск международной коалиции во главе с США. Во-первых, они для них, в любом случае, – иностранцы. Во-вторых, все они говорят по-английски. Объяснение военнослужащего ISAF, что он, предположим, из Словакии, ему не поможет, так как афганец понимает только то, что перед ним неафганец, чужак.

Появившаяся свобода для населения отслеживать сообщения СМИ о международных событиях вполне достаточна для создания у афганцев впечатления о том, что идет широкомасштабная война Запада против мусульманского мира. Особенно на фоне сообщений из Ирака, информации о пытках заключенных в тюрьмах Ирака и на американских военных базах в Афганистане.

Выступления Х.Карзая с настоятельными призывами об увеличении численности иностранных войск в Афганистане, независимо от «мощности» приводимых им аргументов, не могут создать ему имидж борца за демократию, о которой большинство населения имеет смутное представление. Данные о снижении рейтинга личности пуштун Карзая свидетельствуют о том, что он не пользуется преобладающим авторитетом и в «пуштунской зоне» страны, причем скорее всего не из-за его конфронтации с талибами, а за политику коллаборационизма с США (не забудем, что ранее Карзай также сотрудничал с талибами против правительства моджахедов, а потом – с ЦРУ против режима талибов).

Эксперты и советники НАТО, несомненно, знают болевые точки нынешней ситуации, но, по всей видимости, не понимают, что с самого начала «болезни» Афганистана был поставлен неверный «диагноз», а посему не могут найти и нужного рецепта. В сложившейся ситуации руководство НАТО и США, подгоняемое неустойчивым рейтингом Дж.Буша в процессе его предвыборной кампании, вновь наступает на те же грабли.

В первой половине июля 2004 г. США принимают решение о проведении очередной военной операции, направленной против вооруженных группировок талибов. По скудным сведениям, объявленным генерал-лейтенантом Дэвидом Барно, операция носит название «Молниеносное решение» (Lightning Resolve), будет построена по схеме нанесения «сокрушительного наступательного удара» и иметь характер целенаправленных рейдов³.

По словам Д.Барно, 2-тысячный контингент морской пехоты, прибывший в марте для проведения предыдущей операции (имеется в виду «Буря в горах», закончившаяся безрезультатно – В.П.), покидает Афганистан и не примет участия в новой операции. Остающиеся 17 тысяч военнослужащих будут обеспечивать безопасность проведения выборов. «Конкретные детали операции сейчас вырабатываются», – сказал Барно.

Помимо схемы «новой стратегии», озвученной Х.Карзаем, рассматриваются некоторые черты новой стратегии США в Афганистане. «Нью-Йорк Таймс» опубликовала редакционную статью, содержание которой слегка конкретизирует тезис Карзая о первоочередности «разборки» с полевыми командирами⁴. В ней подтверждается мнение многих политических обозревателей о том, что частные вооруженные формирования, использованные Вашингтоном для разгрома талибов, ныне представляют большую опасность, чем сами талибы. «По большому счету, за создание такой ситуации несет ответственность президент Буш. Сначала он решил быстро и «задешево» покончить с талибами, а затем оставить все хлопоты с национальным строительством и перенаправить американские войска в Ирак. Теперь же американская администрация должна внимательно изучить предупреждения Карзая и помочь ему справиться с этими частными армиями и опиумным бизнесом, который их финансирует».

К этому, говорится в статье, привели грубые промахи Буша, последовавшие из-за проведения близорукой американской политики, десятилетиями взращивавшей силы этих самых командиров вооруженных формирований. Многие из них начали свою карьеру в процессе финансировавшегося США партизанского движения, заставившего уйти советские оккупационные войска. После захвата власти в Кабуле командиры начали сводить счеты друг с другом, открыв дорогу талибам. Впоследствии они получили неожиданный шанс восстановить свою власть, когда администрация Буша решила целиком положиться на них, используя их силу для изгнания талибов в конце 2001 года. После войны Пентагон, уже принявший решение о посылке своих войск в Ирак, сохранил в Афганистане небольшую часть боевых подразделений для «добивания» талибов и оставил Карзая «на милость полевых командиров». Сейчас они имеют больше войск, чем неукомплектованная армия Карзая.

Автор цитируемой статьи считает, что первым шагом в сложившейся ситуации должна быть «мобилизация международного давления на одного или двух наиболее одиозных авторитетов, надеясь, что остальные примут это к сведению». Наибольшее внимание следует уделить «воинствующему исламисту, которого долгое время поддерживала Саудовская Аравия», Абдуррасулу Саяфу, боевики которого несут ответственность за массовые убийства, военные преступления, включая резню в Кабуле в 1993 г. Он якобы пытается заставить Выс-

ший суд страны интерпретировать Конституцию в духе свирепого исламского фундаментализма. Разоружение Саяфа и его сторонников должно стать «международным» приоритетом.

Другой опасной личностью считается министр обороны маршал Мухаммад Касим Фахим, в распоряжении которого находится частная армия численностью не менее 50 тысяч боевиков. Он стремится сохранить пост вице-президента и всячески сопротивляется разоружению своих частей. Чтобы справиться с оппозиционными президенту Карзаю силами, считает газета, «НАТО должна расширить свою миротворческую роль». Надо также в рамках осуществления программы по разоружению и демобилизации обеспечить работой тех, кто зарабатывает на жизнь в качестве боевика по найму.

И еще два мнения, высказанные в «Нью-Йорк Таймс»: 1) нет необходимости расширять территорию проведения боевых операций американскими воинскими частями; даже на юге, где сконцентрирована их большая часть, необходимо осуществлять смешанные действия; 2) достижение окончательной победы в Афганистане требует создания эффективного национального правительства, не зависящего как от талибов, так и от полевых командиров.

Показательно, что в число влиятельных полевых командиров, *препятствующих стабилизации обстановки*, не включены такие авторитетные фигуры, как Исмаил-хан, Достум, Атта Мохаммад, Хаджи Мохаммад Мохаккек, генерал Хусейн «Анвар», Б.Раббани и другие влиятельные лица. Видимо, Карзаю удалось договориться с ними, или же переговоры продолжаются. В то же время после прочтения статьи создается ощущение, что автор, называя в первую очередь имена Саяфа и Фахима, подсказывает президенту Карзаю (и НАТО), как принято выражаться военным языком, «направление главного удара».

Явный акцент на противостояние некоторым местным авторитетам (а не группировкам талибов) может свидетельствовать также о том, что планируемая НАТО новая операция будет проводиться в другом режиме, который, по задумкам ее инициаторов, должен принести «молниеносное решение» по нейтрализации акций талибов.

Военно-политическая и экономическая обстановка в стране усложняется по мере приближения к дате президентских выборов и в Афганистане, и в США. Европейский Союз (ЕС) встревожен сообщениями о якобы тесных контактах Х.Карзая с лидерами провинциальных вооруженных группировок, которые не намерены признавать центральную власть в Кабуле⁵. Следует помнить (принимая во внимание афганские *государственные вековые* традиции), что независимо от политической окраски той или иной партии, добивавшейся власти в Кабуле, основная роль в принятии окончательных решений принадлежала пуштунским племенам (Юг и Юго-восток). Позитивное (или негативное) разрешение проблем зависело от персоналий (политических авторитетов), межплеменных и межнациональных связей. Просматри-

вался некий баланс в противостоянии и разделе власти между центром и периферией. Вторжение в страну иностранных войск – сначала советских, а затем НАТО во главе с США – нарушило это относительное равновесие, которое нужно рассматривать как: а) ментальную настроенность к присутствию чужестранцев; б) вмешательство во внутренние дела афганской (пуштунской) и мусульманской общины; в) злостное нарушение государственной (хотя и не признанной де-юре) границы иностранной державой.

Факт провала операции «Буря в горах» по захвату бен Ладена заметно подорвал доверие к истинным «антитеррористическим» намерениям США в регионе.

18 июня 2004 г. командующий контингентом ISAF генерал-лейтенант Р.Хиллер заявил, что пребывание международных сил в Афганистане нужно считать временным фактором, то есть – нахождение этих сил в стране измеряется «терпимостью афганцев к их присутствию с учетом реальных результатов» военной операции против талибов и «Аль-Каиды». Следовательно, по заключению экспертов, поскольку руководство талибов, Осам бен Ладен и его ближайшее окружение смогли избежать пленения, то администрация США не выполнила тех обещаний, которые были даны афганскому народу в отношении «борьбы с терроризмом» и «установления демократии»⁶.

Американские эксперты подчеркивают наличие двух взаимоисключающих концепций, принятых на вооружение инициаторами вторжения в Афганистан. С одной стороны, было объявлено о начале «глобальной войны с терроризмом». С другой – интервенция описывалась как «легкая прогулка» («light footprint»). Все это было рассчитано на то, чтобы вызвать доверие у стран-доноров, озабоченных положением дел с «установлением демократического порядка» в отсталой варварской стране.

Военная коалиция во главе с США, сконцентрировав свои усилия на ликвидации режима талибов и групп «Аль-Каиды», рассчитывала найти опору в борьбе с террористами в лице полевых командиров с их «частными армиями». На деле же оказалось, что вооруженные силы коалиции более всего озабочены «собственной безопасностью».

Цена, оплачиваемая простыми афганцами за «легкую прогулку», оказывается слишком высокой. Эксперты задают вопросы о результатах действий сил коалиции за период с октября 2001 г. по июль 2004 г. Результаты неутешительные: власть основных полевых командиров значительно усилилась, они действуют более нагло, не считаются с центральной властью, грабят и унижают местное население; производство наркотиков взлетело на небывалый уровень.

Рядовой афганец, не говоря уже о сотрудниках неправительственных организаций, членах избирательных комиссий, чиновниках, не чувствует себя в безопасности. Только в июне 2004 г. убиты: один провинциальный министр, один начальник полиции, один солдат

Национальной армии Афганистана, один переводчик, 12 полицейских, 6 сотрудников МВД. Кроме того, за этот же месяц убиты 18 сотрудников международных организаций. В течение последних двух недель июля в южных провинциях талибы открыли настоящую охоту за жителями, осмелившимися получить бюллетени для голосования. В июне в восточной провинции Нуристан были убиты три сотрудника ООН – специалисты по выборным технологиям, двое из них были англичанами⁷.

На периферии обстановкой владеют только вооруженные отряды племенных авторитетов. Прибыли, получаемые ими в ходе контроля за плантациями опиумного мака, которые в этом году приносят небывалый урожай, используются для оснащения их вооруженных отрядов. Доходы от наркобизнеса составляют, как и раньше, более половины ВВП страны. Большая часть национального дохода уходит на финансирование той части местной милиции, которая сотрудничает с воинскими подразделениями США.

Политические партии, не имеющие собственных вооруженных формирований, не в состоянии проводить свои избирательные кампании и принимать участие в выборах, не подвергая себя опасности и не имея возможности себя защитить. В то же время, согласно конституции, к выборам не допускаются партии, имеющие свои вооруженные формирования и финансируемые из зарубежных источников. Однако какие это «зарубежные источники», не уточняется, и финансовая помощь по инерции не принимается от афганских эмигрантских организаций.

В целом ситуация стала хуже по всем параметрам. Без малого 20 тысяч личного состава американских войск и их союзников, дислоцированных в стране, брошены исключительно на поимку бен Ладена и талибов, а не на обеспечение безопасности мирных жителей. Корпус же миротворцев (ISAF) во главе с НАТО численностью 8500 человек практически полностью расквартирован в Кабуле. Исключение – 250 немцев, входящих в состав «провинциальных команд восстановления» (ПКВ) в Кундузе.

Важный вопрос – взаимоотношения США со своими союзниками в Афганистане. Директор Международной кризисной группы (МКГ) Марк Шнейдер называет отношение американцев к своим коллегам в ISAF до июля прошлого года «сдержанным». США противились расширению деятельности международного контингента миротворцев, опасаясь, что он перехватит у них инициативу. В итоге был упущен момент в установлении стабильности и порядка, и администрация Буша многое потеряла в смысле политического влияния на европейских союзников⁸.

Специалист по контрповстанческим операциям Джон Стюарт Блэктон, возглавляющий «Службу советников по вопросам стратегии» (группу военных консультантов) США сказал, что, во-первых, «афганская армия малочисленна и не имеет опыта», во-вторых, она не име-

ет мандата ООН, и в-третьих, США продолжают считать приоритетной задачей охоту на талибов и бен Ладена. Администрация в Вашингтоне упорно добивается успеха в осуществлении этой акции, которая необходима Дж.Бушу в ожидании президентских выборов.

Координатор Государственного департамента США по афганской проблеме У.Тейлор в начале апреля заявил, что зарегистрировано более 4 млн. избирателей, и каждый день регистрируется около 100 тыс. человек. 36% зарегистрировавшихся составляют женщины. По его словам, для легитимизации выборов надо набрать 6 млн. избирателей. Однако он выразил сомнение в осуществлении плана, отметив применение методов грубого давления и запугивания населения как со стороны местных властей, так и оппозиции. Так, с апреля по июль 2004 г. отмечены три случая, когда назначенные из центра губернаторы вынуждены спасаться бегством, покидая свои посты под давлением вооруженных отрядов местных авторитетов.

Обращает на себя внимание такое серьезное упущение со стороны войск коалиции и сил ISAF, как идущее от непонимания психологии афганцев нежелание налаживать тесные контакты с племенными авторитетами, через которых только и можно предпринимать какие-либо действия. Вожди пуштунских племен открыто признавались в актах противодействия и даже убийствах, например, сотрудников неправительственных организаций, которые принимали участие в строительстве дорог, мостов, школ и т.д. Доводы приводятся абсолютно оправданные (с точки зрения менталитета пуштунских племен): вы строите дорогу через нашу территорию и не спрашиваете у нас разрешения. Мы, мол, готовы оказать вам помощь, обеспечить охрану за соответствующую плату, а вы почему-то ведете переговоры только с кабульскими представителями, «с теми, у кого есть деньги и оружие. Карзай должен осознать, что он ничего не сделает без поддержки местных племен»⁹.

В течение двух с половиной лет, прошедших со времени свержения режима талибов, идет война «племя на племя, деревня на деревню». Талибы и «Аль-Каида» знают местную расстановку сил, дух, настроение местных жителей, традиции лучше, чем американцы, и, вероятно, лучше, чем урбанизированные правительственные чиновники в Кабуле, которые сейчас пытаются править страной из столицы.

Этот момент исключительно важен сейчас, когда центральное правительство не имеет серьезного авторитета. Афганистаном веками правила ханская верхушка племен, власть эмиров всегда была ограничена Кабулом, в который отправляли обговоренные с племенами (в первую очередь с титульными, т.е. пуштунскими) пошлины и сборы.

Интернациональные провинциальные команды восстановления не решают проблемы, поскольку их деятельность будет означать, что материальную помощь получает одно племя, а другие обделены. Со-

перничество и зависть неизбежны, и вооруженные нападения будут продолжаться с целью захвата (или раздела) добычи.

Итак, ключевыми проблемами, требующими решения, на сегодняшний день являются, по мнению экспертов, следующие. Во-первых, ориентация на осуществление мер по стабилизации обстановки должна быть гибкой и варьироваться на международном, региональном, национальном и провинциальном уровнях. Во-вторых, каждой стране-донору, действующей в Афганистане, должен быть выделен «отдельный участок ответственности». В-третьих, самое серьезное внимание должно быть уделено строительству (реформированию, реструктурированию и усилению) государственных институтов. Правительство должно продемонстрировать свою силу в проведении ряда реформ, повышении ответственности за планирование действий в области безопасности.

Нынешняя ситуация требует оценки по многим направлениям. Необходимо разделить подходы к развитию процессов на севере и на юге. Север – регион влияния нацменьшинств, постоянно враждующих между собой за передел собственности (земля, опиумные плантации, газ, уголь, промышленные предприятия). Но они объединяются, когда речь идет о противодействии пуштунам, то есть южным и юго-западным провинциям.

Пуштуны играют на двух полях – собственно афганском и пакистанском и благодаря наличию (реальному или воображаемому) в своем регионе талибов и бен Ладена «стригут» американцев, делая вид, что не жалеют усилий, охотясь за «террористом № 1». Чем дольше продлится «сезон охоты», тем больше прибылей получают пуштуны.

Другая ошибка Белого дома заключается в искусственном распылении сил. Намереваясь взять бен Ладена «живьем», американцы сначала отстранили от участия в «охоте» подразделения ISAF, определив их на «вспомогательные работы». Когда стало ясно, что основной враг ускользает, Пентагон постепенно пришел к идее использования НАТО в качестве инструмента, одновременно рассчитывая разделить ответственность за свои неудачи с западными партнерами.

Третья и самая серьезная ошибка США на «афгано-пакистанском поле» (не забудем, что больше половины пуштунов проживает в Пакистане) заключается в игнорировании опыта трех англо-афганских и одной советско-афганской войны. Ни Пентагон, ни ЦРУ не вели индивидуальную работу с авторитетами в племенах (отдельно!) и с лидерами вооруженных формирований (отдельно!). В мусульманском мире нельзя действовать «нахрапом», а американцы, судя по всему, привыкли именно к таким методам.

Тем не менее кое-какие изменения в тактике действий международной коалиции стали проявляться. О них было объявлено 16 июля в штаб-квартире НАТО в Брюсселе. Касалось это и состава воинских контингентов коалиции и сил ISAF в связи с подготовкой к президент-

ским выбором¹⁰. В настоящее время натовские войска расположены в Кабуле и в пяти из 32 провинций страны. Согласно изложенному генсеком НАТО Я.Схеффером плану, в дополнение к имеющимся контингентам миротворческих сил НАТО численностью 6500 военнослужащих в Афганистан были переброшены еще два соединения, каждое численностью по 1 тыс. солдат. Они расположены в двух зонах страны – северной и южной, условной границей между которыми является горный хребет Гиндукуш. Эти соединения представляют собой силы «быстрого реагирования» и созданы специально на период обеспечения безопасности президентских выборов. Одно из этих соединений согласилось обеспечить Испания, другое составлено из натовского резерва в Европе.

Кроме того, предусмотрено привести в боевую готовность еще два батальона бригадного уровня численностью по 1 тыс. человек каждый. Эти части могут быть переброшены в любое место страны в случае необходимости.

Все названные соединения частей «быстрого реагирования» будут находиться в стране до весны 2005 г., и вопрос об их выводе будет рассмотрен после проведения парламентских выборов.

Схеффер подчеркнул, что основной упор в осуществлении задач НАТО в Афганистане делается на максимальную гибкость в использовании войск. Нет необходимости наводнять страну солдатами, сказал Схеффер, напомнив, что «русские в свое время поняли, что такая концепция нежизнеспособна».

Напомним, что войска НАТО в лице ISAF действуют отдельно от сил коалиции во главе с США, насчитывающих 18 тыс. солдат. Американцы и их союзники, как уже говорилось, используют свои силы на юге и заняты «отловом» талибов и боевиков «Аль-Каиды».

Само создание ISAF было пробным шагом в испытании новых функций НАТО. Североатлантический альянс создавался для борьбы с советскими войсками и их союзниками на европейском театре военных действий. Контингент ISAF испытывается в новой роли, когда он, по замыслу руководства Североатлантического союза, должен принять на себя функции борьбы против «новой угрозы – глобального террора». В ISAF входят войска 36 государств, из которых около дюжины не являются членами НАТО.

После совещания Совета НАТО в Стамбуле, на котором командующий войсками генерал Джеймс Джонс заявил о том, что «афганская миссия находится на грани провала», было принято решение об усилении поддержки Афганистану. Датчане, к примеру, предоставили шесть боевых вертолетов «Апачи», и НАТО постепенно стала продвигаться на север, оставляя в центрах провинций – Мазари-Шарифе, Маймане, Файзабаде, Кундузе, Баглане – провинциальные команды восстановления. Теперь Схеффер поставил задачу найти желающих для обеспечения провинциальных команд в Герате. Он повторил так-

же, что НАТО не собирается брать на себя всю ответственность за обеспечение безопасности в Афганистане, не станет вмешиваться в «разборки», связанные с разоружением полевых командиров или борьбой с наркобизнесом. Эти задачи возлагаются на афганскую армию, которая к августу 2004 г. насчитывала 10 тыс. солдат.

Суммируя все происходящее, можно предполагать (а мы это предполагали и раньше), что НАТО создает в Афганистане плацдарм для опробования новых функций многонационального воинского контингента в новых условиях. Центр тяжести в усилении прессинга переносится на Центральнoазиатский регион, поскольку на европейском театре особых проблем не предвидится. Натовцы намерены «осесть» здесь всерьез и надолго, и никаких «выводов» войск по завершении президентских и парламентских выборов в Афганистане ожидать не приходится. Руководство блока прекрасно осознает: переходная администрация во главе с Х.Карзаем в настоящее время физически не в состоянии обеспечить стабильность страны, а потому вынуждена опираться единственно на военную помощь НАТО и финансовую поддержку государств Запада и США.

* * *

28 июля 2004 г. завершилась регистрация кандидатов на пост президента Афганистана, выборы которого назначены на 9 октября 2004 г. Всего выдвинуто 23 человека, из которых трое пока не определились с выбором своих кандидатов на пост вице-президента.

По данным на 1 августа, бюллетени для голосования получили 8,7 млн. человек из 9,8 млн. афганцев, имеющих право голоса. 41% зарегистрированных избирателей составляют женщины. Из общего числа избирателей 2,5 млн. составляют беженцы, временно находящиеся на территории Ирана и Пакистана, которые будут принимать участие в голосовании.

Национальная армия Афганистана (НАА), создаваемая инструкторами из США и Франции, составляет 12 тыс. военнослужащих. Полицейские силы, подготовку которых проводят инструкторы Германии и США, по словам министра внутренних дел Али Джалали, к октябрю 2004 г. будут составлять 30 тыс. человек.

Обстановка в стране по-прежнему остается сложной. Тем не менее уже можно слегка обозначить контуры нынешней расстановки сил, на изменение которой основное влияние оказывают такие факторы, как национальный вопрос (пуштуны и нацменьшинства), авторитет командиров частных армий, наркобизнес, присутствие воинских контингентов ISAF и США.

На сегодняшний день наиболее важной, как об этом упомянул президент Хамид Карзай, является проблема поиска баланса между проправительственными и оппозиционными по отношению к центру силами. Этот баланс приходится искать на пути тщательной оценки и

уравновешивания влияния тех и других с учетом их влияния на схематично уже наметившуюся, но еще довольно слабую, «неоперившуюся» политическую систему страны. Официально зарегистрированные 60 политических партий, естественно, не представляют собой гаранта «стабильности и демократии». Это, скорее всего, – в большинстве своем – политические группировки, созданные на основе узконационалистических и частнособственнических интересов в рамках компактного расселения той или иной народности или этнической группы. На данном этапе предвыборной кампании главную роль играют политические интриги, которые активно используются в деле усиления позиций лидеров различных группировок. Х.Карзай, конечно, не только внимательно следит за этими играми, но и принимает в них деятельное участие.

26 июля он сделал неожиданный ход, который внес смятение даже в лагерь его американских спонсоров. В списке кандидатов на пост вице-президента он заменил ожидавшуюся всеми кандидатуру министра обороны маршала М.К.Фахима на Ахмада Зия Масуда, посла Афганистана в Российской Федерации. Вне всякого сомнения, Фахим – личность очень авторитетная: таджик, один из видных лидеров Северного Альянса, сыгравший важнейшую роль в успешном разгроме талибов. Фактически он всегда считался первой сильной личностью после Карзая. Тем не менее против него часто выдвигались обвинения в блокировании институциональных реформ, nepотизме, протекционизме в отношении лояльных к нему полевых командиров в провинциях, широкомасштабной коррупции, захвате земельных участков, контроле наркобизнеса.

Вместо него Хамид Карзай выбрал кандидатом на пост вице-президента Ахмада Зия Масуда, который, во-первых, является родным братом национального героя страны Ахмад Шаха Масуда, погибшего 9 сентября 2001 г. от рук наемных убийц из «Аль-Каиды». Во-вторых, он – таджик (как и Фахим). В-третьих, он – зять Бурхануддина Раббани – бывшего (до декабря 2001 г.) президента Афганистана, т.е. до заключения Боннских соглашений и выдвижения на этот пост Х.Карзая. Таким образом, Карзай в лице Ахмада Зия пытается: 1) сохранить национальную преемственность в составе будущего правительства; 2) избежать упреков в избрании своей кратурой такую, ставшую одиозной, личность, как Фахим; 3) наладить и укрепить связь с лидером Исламского общества Афганистана (ИОА) таджиком Б.Раббани и 4) в итоге – сблизиться с общиной афганских таджиков – второй по численности народностью страны. Должность Ахмада Зия Масуда в качестве посла в РФ также должна означать внешне дружественное отношение к бывшим советским оккупантам.

Многие обозреватели до сих пор считают, что такой шаг со стороны Карзая потенциально мог угрожать даже попыткой военного переворота со стороны сторонников Фахима. Тем более что за последние

три месяца президент сместил трех губернаторов провинций, в которых произошли вооруженные столкновения с командирами местных вооруженных формирований. Однако весомые аргументы против замены Фахима Ахмадом Зия Масудом найти затруднительно.

Кандидатом на пост второго вице-президента Карзай избрал Абдул Карима Халили, который представляет группу министров и политиков, поддерживающих реформы Карзая. Мало того, Карим Халили – представитель хазарейцев, наиболее угнетенной в прошлом народности страны, и в то же время – лидер партии Исламское единство Афганистана. Здесь Карзай также выигрывает на балансе межнациональных отношений, подборе сторонника реформ и привлекает на свою сторону одну из влиятельнейших партий Северного альянса, которая в определенной степени может компенсировать утрату такой фигуры, как Фахим. Несомненно, Карзай принял во внимание и то обстоятельство, что во времена правления моджахедов (1992–1996) Халили выступал против правительства Б.Раббани, был членом Совета джихада, министром в правительстве непримиримого исламиста Г.Хекматъяра, остающегося ярким противником присутствия США в Афганистане. В 1993 г. Халили посетил Москву в качестве представителя руководства исламских партий Афганистана. Таким образом, Карзай пытается и здесь примирить таджиков и хазарейцев, в разные периоды войны то становившихся союзниками, то сражавшихся по разные стороны баррикад.

Отказавшись от Фахима, Карзай получил среди таджиков еще одного оппонента в лице бывшего министра образования Мохаммада Юсуфа Кануни, который зарегистрировался кандидатом на пост президента в тот день и в тот момент, когда из заявления Карзая последовало, что он отвергает кандидатуру маршала Фахима на пост вице-президента. За день до объявления о своей регистрации в качестве кандидата на пост президента Юсуф Кануни заверял: «Фахим – это единственный человек, кто может гарантировать национальную стабильность и безопасность. Я уверен в том, что если Карзай потеряет поддержку Фахима, то для него наступят тяжелые времена». Поскольку Кануни ясно заявил, что «организованной общиной является именно таджикская община», то понятно, почему он решил (или выразил решение общины) выставить свою кандидатуру. Конечно, Ахмад Зия Масуд тоже таджик, но он – «панджширский таджик», а это уже другая категория, другое сословие, другая ветвь со своими связями, историей, традициями.

Стратегической задачей Карзая является попытка объединения афганцев под лозунгами общей государственности. Для этого ему необходимо развалить этнополитические группировки и, в первую очередь, довести до конца замысел по отрыву от Северного альянса наиболее активных и авторитетных его членов.

Следовательно, в планах Х.Карзая по поводу президентских выборов сегодня замышляется создание своего рода межнационального

триумвирата: пуштун Карзай – президент, таджик Ахмад Зия Масуд – 1-й вице-президент, хазареец Карим Халили – 2-й вице-президент.

Из колоды, которую тасует Карзай, пока выпал один из лидеров Северного альянса, бывший помощник президента по вопросам обороны, узбек, генерал Абдуррашид Достум. Он выставил собственную кандидатуру на президентский пост, и мотивы его расхождений с Карзаем пока еще не ясны. Однако нет сомнений в том, что он свою игру продолжает.

Гораздо более сложной задачей представляется налаживание связей центра с пуштунскими племенами. Вновь и вновь подтверждается историческая истина, содержащаяся в известной пословице: «Афганцы живут в мире тогда, когда они воюют», т.е. племена постоянно воюют между собой из-за земли, воды, скота, женщин и т.п., но прекращают распри и объединяются, когда речь идет об изгнании чужеземцев. Неудачи 18-тысячного воинского контингента во главе с США в деле поимки главарей талибов, Осамы бен Ладена и его ближайшего окружения, скрывавшихся (или скрывающихся до сих пор) в приграничной полосе племен между Афганистаном и Пакистаном, объясняются влиянием нескольких факторов:

- пуштунами еще не утрачены древние традиции покровительства лицам, обратившимся к ним за помощью; американцы же недооценили исключительную важность налаживания дружественных отношений с племенами, которая хотя и требует значительных финансовых затрат, но часто вполне окупается;

- американцы самоуверенно полагаются на знание обстановки в зоне племен своими пакистанскими союзниками, не понимая, что те никогда не пойдут на конфронтацию с племенами, предпочитая сваливать все неприятности на США по формуле «американцы как пришли, так и уйдут, а нам с племенами жить»;

- афганцы-пуштуны относятся к политической категории «этнически разделенных наций» (как, например, курды), но ввиду особенностей своего национального менталитета умело пользуются сложившейся обстановкой в интересах пуштунов вообще и в интересах своего племени, в частности.

Поэтому кандидатура Карзая как пуштуна их устраивает на уровне нации, но он не устраивает как конкретный лидер группы племен (племенной общности). Во-первых, поскольку родился в Кандагаре, а позицию племенного авторитета занял в провинции Урузган, которая ныне считается самой беспокойной. Во-вторых, не забывается, что Карзай активно сотрудничал с талибами и в 1996 г. был назначен ими непризнанным представителем при ООН. Затем, как считается, он предал талибов, перейдя на сторону американцев и поддержав боевые операции Северного альянса против талибов. Эти крутые повороты и зигзаги в его политической карьере не могут не вызвать по отношению к нему чувства подозрения и недоверия. Сей-

час он может твердо рассчитывать только на американскую поддержку, и его личная охрана состоит из морских пехотинцев США.

Тем не менее создается впечатление, что он действительно отдает много сил для сохранения курса на стабилизацию обстановки в стране, прибегая к неизбежным в таких ситуациях всевозможным способам маневрирования, хитросплетениям и интригам.

¹ Afghan President Describes Militias as the Top Threat. By Carlotta Gall and David Pohde // The New York Times, July 12, 2004.

² Eurasia Insight: Big Regional Differences Found in Major Afghanistan Poll. By Jim Lobe, 7/14/04 – EURASIANET.org

³ U.S. Seeks to Protect Afghanistan. By Stephen Graham. – AP, July 13, 2004.

⁴ См.: A Threatened Afghanistan // New York Times, July 15, 2004.

⁵ EU Concerned at Afghan Leader's Ties to Warlords. – Reuters from Brussels, July 7, 2004.

⁶ Minimal Investment, Minimal Results: The Failure of Security Policy in Afghanistan. – Afghanistan Research and Evaluation Unit (M. Bhatia, K. Lanigan, Ph. Wilkinson), 29.06.2004.

⁷ Ibid.

⁸ US in Search of Allies in Afghanistan. By Jim Lobe. – <http://www.atimes.com>.

⁹ Key to governing Afghans: the clans. By Scott Baldauf // The Christian Science Monitor, June 24, 2004.

¹⁰ NATO to Boost Force in Afghanistan for Election. By Keith B. Richburg. – From Interview of NATO Secretary General Jaap de Hoop Scheffer at NATO headquarters in Brussels, July 16, 2004.

**БУДУЩЕЕ – В ПРОШЛОМ?
(ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ)**

После разгрома талибов одной из важнейших задач нового афганского правительства стало восстановление и без того отсталой, а к тому же разрушенной в ходе продолжительной гражданской войны национальной экономики. Задача поистине сложная, если учесть, что по существу в рамках создания новой государственности в восстановлении народного хозяйства приходится начинать «с чистого листа» – крупнейшие инфраструктурные и экономические объекты или разрушены или просто не функционируют, устарело их оборудование, не хватает финансовых средств для их восстановления, нет инженерно-технического персонала (большинство находится в эмиграции), нет квалифицированных рабочих, сельское хозяйство трансформировалось в наркопроизводство. При наличии в стране спутниковой связи невозможно наладить производство мыла и спичек. Все товары повседневного спроса ввозятся из-за границы, причем низкого качества.

Все правительственные и международные программы экономического возрождения Афганистана гладко выглядят лишь на бумаге. Правительство больше обеспокоено тем, как можно выплатить зарплату министрам и пристроить поток беженцев из-за рубежа, а также проведением всеобщих выборов, нежели повседневными заботами по восстановлению экономики. Государственный бюджет ничтожно мал и явно уступает доходам властных локальных лидеров, которых несколько не волнуют общегосударственные проблемы. Экономически государство беспомощно и уповает лишь на иностранные инвестиции и частную инициативу.

Между тем международные доноры не торопятся вкладывать средства в строительство крупных промышленных объектов и больше заняты транспортной, коммуникационной и энергетической инфраструктурой Афганистана, которую можно использовать в собственных нуждах (для обслуживания войск международной коалиции и Международных сил по содействию безопасности (ISAF)).

Пока заметен лишь быстрый рост гражданского строительства (жилые дома, отели, офисы банков, компаний, торговые центры, рестораны). Но это все сфера приложения частных капиталов. Иностранные фирмы пока лишь присматриваются, где выгоднее инвестировать. Крупные международные проекты (газопровод Туркмения-

Пакистан через афганскую территорию), транснациональные автомобильные и железные дороги, которые свяжут Афганистан с соседями, переброска электроэнергии из Таджикистана, транспортный коридор «Север-Юг» и другие – все это находится в стадии или изучения или поисков спонсоров для создания международных консорциумов.

Планируя будущее развитие Афганистана и прежде всего его восстановление, было бы полезным обратиться к его прошлому. Многолетнее техническое и экономическое сотрудничество нашей страны с Афганистаном, а оно с перерывами насчитывает восемь десятилетий, дает основание посмотреть назад, оценить все, что было в этой области полезного, и использовать его для создания будущего.

Мотивация оказания довольно обширной помощи Афганистану в те времена была различной и изменялась в зависимости от требований времени.

Если в 20-е годы прошлого столетия дружба с Афганистаном оценивалась как прорыв в международных отношениях молодой России (напомним, что Афганистан был первой иностранной державой, которая признала независимость России после Октябрьской революции), и сразу же афганская территория стала рассматриваться большевиками и Коминтерном как возможный плацдарм для идеологической (и не только) пропаганды в Индии, для разжигания очередного очага «мировой революции», то после Второй мировой войны территория Афганистана воспринималась уже как плацдарм столкновения интересов двух сверхдержав – Советского Союза и Соединенных Штатов, каждая из которых стремилась заручиться поддержкой афганского руководства в своих интересах. Афганцы же, об этом можно сказать совершенно объективно, использовали свое геостратегическое положение с большой выгодой для Афганистана, и в этом смысле политика «позитивного нейтралитета», объявленная афганским руководством, оказалась наиболее выгодной для страны. Получая помощь с двух сторон, Афганистан не склонялся ни к одной из них, что и приносило свои дивиденды.

В качестве иллюстрации можно привести достаточно показательный пример строительства автомобильных дорог. Когда США в конце 50-х годов предложили Афганистану безвозмездно построить автодорогу Кабул – Кандагар – Спинбулдак и аэродром в Кандагаре, афганцы с благодарностью приняли этот подарок, но исполнявший в то время обязанности премьер-министра Мухаммад Дауд прилетел в Москву и встретился с Н.С.Хрущевым, во время беседы с которым он заявил, что принятие такого подарка от американцев не означает, что Афганистан изменил к ним свое отношение. Просто Афганистан является бедной страной и не может отказаться от строительства таких объектов, тем более, что они нужны для развития страны.

В свою очередь от своего северного соседа Афганистан просил бы помощи в сооружении автодороги от советской границы до Канда-

гара и военного аэродрома в западных районах страны. Преисполненный добрых чувств к Афганистану, Хрущев сначала не хотел говорить о строительстве аэродрома, акцентируя внимание Дауда на том, что надо проводить политику мирного сосуществования и военный аэродром Афганистану не нужен, тем более, что с нашей помощью уже построен военный аэродром в районе Баграма. Дауд согласился с тем, что мирное сосуществование необходимо и что Афганистан его всячески поддерживает, но в случае возможного нападения на страну с запада Афганистан не сможет остановить вражеские самолеты, поскольку единственный военный аэродром находится в районе Кабула и не может быть использован для перехвата нарушителей границы.

Хрущев снова попытался поднять вопрос о мирном сосуществовании, но Дауд бы тверд и заявил, что военный аэродром в западной части страны Афганистану совершенно необходим, и если Советский Союз откажется оказать афганцам содействие в его строительстве, они будут вынуждены обратиться к американцам. Однако в этом случае у границ Советского Союза появится американская база, и северный сосед будет вынужден держать на границе лишние войска, что обойдется ему в десятки миллионов, а строительство аэродрома не превысит части этой суммы.

Таким образом, на свет появились автодорога Кушка-Герат-Кандагар протяженностью 679 км и военный аэродром в районе Шинданда. Интересно, что когда наши организации подготовили проекты соглашений на строительство этих объектов, как обычно, на основе долгосрочных кредитов, высокий чин в нашем Генштабе вычеркнул слово «кредит» и написал вместо него «безвозмездно». Таким образом, мы тоже преподнесли афганцам довольно дорогой подарок.

Примечательно, что как американцы, так и русские составляли проекты строительства «своих дорог» до Кандагара, поэтому получилось, что с запада и востока к Кандагару подходили две современные дороги – асфальтовая американская и бетонная русская, а один километр городской улицы у губернаторского дворца в Кандагаре между этими дорогами не имел никакого покрытия вообще, и автомашины ездили по грязи. Понадобилось специальное обращение губернатора, чтобы ликвидировать эту оплошность проектировщиков и заасфальтировать центральную городскую улицу.

Ну, а если отвлечься от подобных анекдотических ситуаций, которых за всю историю наших отношений было немало, то нужно сказать, что при содействии Советского Союза в Афганистане было построено много различных предприятий, причем таких, которые становились основой создания новых отраслей промышленности, хотя и существуют до настоящего времени иногда в единичном числе, как, например, завод азотных удобрений (ЗАУ) в Мазари-Шарифе или Джангалакский авторемонтный завод, который кроме капитальных ремонтов автомашин может выпускать широкую номенклатуру метал-

произделий, электростанции Наглу, Дарунта, Пули-Хумри-2, ТЭС ЗАУ, дававшие стране более половины всей вырабатываемой энергии. В этом же списке три аэродрома, ирригационные системы в Сарде, Джалалабаде, на реке Кокча, автодороги, связавшие центр страны с северными районами, современный порт на Пяндже, участки железных дорог в Кушке и у моста через Амударью в районе Хайратана, Политехнический институт и два техникума, построенные безвозмездно для подготовки афганских национальных кадров, более 60 тысяч афганских рабочих, получивших технические специальности на рабочих местах и краткосрочных курсах на строительстве объектов, госпиталь на 400 коек и Центр матери и ребенка в Кабуле, хлебокомбинат и несколько современных мельниц, геологические работы, позволившие найти нефть, газ, барит, слюду, определить и подсчитать громадные запасы железной руды, – все это в свое время способствовало общему развитию страны, которое хоть и шло медленными темпами, но в какой-то степени помогало Афганистану ускорить темпы роста и выйти из разряда наиболее бедных стран мира.

Конечно, можно только предполагать, как развивалась бы страна и какое место занимала бы в настоящее время, если бы не гражданская война, которая нанесла громадный урон народному хозяйству и отбросила экономику Афганистана на несколько десятилетий назад. Сейчас нужно все начинать сначала, и нам кажется, что, хорошо изучив прошлое и определив наиболее узкие места, можно более быстрыми темпами и с наименьшими затратами не только восстановить, но и значительно превзойти достигнутые в прошлом темпы развития.

Существующее положение подсказывает, что наибольшим вниманием в настоящее время должны пользоваться дороги, энергетика и сельское хозяйство.

Без хороших исправных дорог и мостов невозможна транспортировка оборудования и прочих грузов (можно вспомнить, что когда началось строительство хлебокомбината в Кабуле, а дороги через Гиндукуш еще не было, паровой котел для комбината пришлось везти из порта на Пяндже через Герат и Кандагар).

Более серьезной представляется проблема обеспечения Афганистана электроэнергией. Собственное производство не обеспечивало растущих потребностей страны раньше, тем более оно не сможет удовлетворить растущий спрос сейчас. Правительство Таджикистана готово дать (и уже в небольших объемах перебрасывает) электроэнергию на афганскую территорию, но увеличение поставок может столкнуться с определенными трудностями. Дело в том, что основным крупным источником воды для трех республик: Таджикистана, Узбекистана и Туркмении служат пограничные реки Пяндж и Амударья, берущие начало в месте слияния Пянджа с Вахшем. Подавляющая часть водосбора этих рек расположена на территории Таджикистана, который по рельефу местности может построить на этих реках

несколько весьма крупных водохранилищ типа Нурекского (Рогунское, Сангтудинское) и аккумулировать значительную часть стока реки, используя собранную воду как для орошения (в меньшей степени, поскольку в республике нет достаточных площадей, пригодных для орошения), так и для производства электроэнергии, которую в получаемом объеме Таджикистан в ближайшей перспективе не сможет потреблять внутри и может ее экспортировать. Кстати, когда решался вопрос о возможности и целесообразности строительства Нурекской ГЭС на Вахше, Н.С.Хрущев, прибывший в 1960 г. с официальным визитом в Кабул, заявил, что когда ГЭС Нурек будет построена, один агрегат станет специально вырабатывать энергию для подачи ее в Афганистан.

В настоящее время все электростанции Таджикистана производят ежегодно 14,4 млрд. кВтч. электроэнергии (из них около 11 млрд. на Нуреке) при собственном потреблении 14,6 млрд. Экспорт в Узбекистан и Киргизию составляет 0,28 млрд., импорт из Узбекистана и Туркмении – 0,54 млрд. кВтч. Электростанции вырабатывают 92% всей энергии, тепловые станции в Душанбе и Яване дают только 8%, причем из-за недостатка газа и мазута, их высокой стоимости и низкой платежеспособности населения тепловые станции работают в основном как источники технологического пара.

Окончание строительства Рогунской и Сангтудинской ГЭС, начатых еще до 1991 г., позволило бы Таджикистану удвоить производство электроэнергии и не только обеспечить свои возрастающие потребности, но и экспортировать ее как в Казахстан, где сегодня дефицит энергии составляет около 10 млрд. кВтч, в Согдскую область (дефицит 3 млрд. кВтч), а также в Пакистан (с которым у Таджикистана имеется соглашение о поставке ежегодно 5,5 млрд. кВтч.) и Афганистан, где потребности гораздо меньше. Однако вопрос окончания строительства гидростанций на территории Таджикистана требует вложения более миллиарда долларов. За последние 10 лет завезенное оборудование было растащено, вырытые котлованы и машинный зал затоплены, разрушены дороги и подсобные объекты, паводком 1992 г. была смыта возведенная часть плотины, значительная часть жилфонда разрушена и не подлежит восстановлению. Кроме того, эти проекты имеют низкую коммерческую привлекательность, и их завершение за счет привлечения коммерческих кредитов не представляется возможным. При существующих в Таджикистане тарифах на отпускаемую энергию проекты не окупаются, а увеличить плату за энергию вряд ли возможно (при средней зарплате людей в 5–6 долларов).

Есть еще один фактор, который может сделать передачу энергии на территорию Афганистана неосуществимой. Из Туркмении сейчас по построенным линиям электропередач вырабатываемая на газовом топливе более дешевая энергия подается до Герата (в перспективе возможен охват всего западного района Афганистана), построена

также ЛЭП до Анджоя и тянется линия до Шиббергана, центра нефтегазовой промышленности Севера Афганистана. Таким образом, туркменские поставки, по расчетам специалистов, могут полностью покрыть дефицит электроэнергии в западной и северной промышленной зоне Афганистана с учетом возрастания потребностей по крайней мере в течение 5 лет, и Туркмения станет монополистом по снабжению энергией этих районов.

Вместе с тем это даст возможность афганцам направлять добываемый ими газ, запасы которого не так велики, на производство химических удобрений на заводе в Мазари-Шарифе, или наладить другую его глубокую переработку. Роль Туркмении может быть ограничена, если будут построены Трансасиатские газопровод и нефтепровод из Туркмении через территорию Афганистана в Пакистан, так как для питания электропривода нефтеперекачивающих станций потребуется не менее 220 МВт мощности, обеспечить которую могут только туркмены.

Вторым фактором, ограничивающим роль Туркмении, может быть формирование единой энергосистемы Туркмении, Ирана и Армении (мощная ЛЭП 400 кВ на Иран из прикаспийского района Туркменистана уже сооружается), внутри которой чрезвычайно дефицитная энергосистема Армении через Иран оттянет на себя часть избыточной генерирующей мощности Туркменистана. Третьим фактором, который может сказаться в ближайшие 4–5 лет, это износ оборудования тепловых станций Туркмении, в частности Марыйской ТЭС как основного энергоисточника в приграничной с Афганистаном зоне, и снижение их рабочей мощности, что в свою очередь снизит готовность к гарантированным поставкам электроэнергии в Афганистан и уменьшит их конкурентоспособность по сравнению с поставками из Таджикистана.

И последнее, что следует упомянуть, это восстановление и дальнейшее развитие сельского хозяйства, как земледелия, так и животноводства, которому недавними засухами был нанесен значительный урон. Развитие земледелия невозможно без увеличения орошаемых площадей. До 1979 г. кроме уже построенных оросительных систем планировалось строительство плотины Салма на Герируде для повышения водообеспеченности Гератского оазиса, а также мощной насосной станции в районе селения Хоштепе и оросительного канала, который бы обеспечивал водой крупные массивы плодородных земель на левом берегу Амударьи.

Однако здесь возникает вопрос о разделе вод Пянджа-Амударьи между центральноазиатскими государствами и Афганистаном. В международной практике совместное использование водных ресурсов двумя или более государствами находит все большее распространение. Имеются примеры использования рек, проходящих транзитом по территории ряда государств. Так, например, использование вод Нила Египтом потребовало учета интересов Судана. США и Канада совместно используют Ниагару и Колумбию, которые разделены госу-

дарственной границей таким образом, что верхнее течение этих рек находится в Канаде, а нижнее – в США. Имеются также случаи совместного использования водотоков, проходящих по границе сопредельных стран, как, например, совместное использование Румынией и Югославией Дуная (ГЭС «Золотые ворота»), Ираном и республиками бывшего СССР рек Аракс и Атрек, Россией и Норвегией гидроэнергетических ресурсов пограничной реки Раатсо-Йока.

До настоящего времени международная практика не выработала каких-либо твердых правил и законов, регламентирующих распределение водно-энергетических ресурсов. В каждом отдельном случае заинтересованные стороны заключают соглашения, определяющие правила использования и эксплуатации рассматриваемых ресурсов. Очевидно, это связано с тем, что при совместном использовании водотока встречаются весьма разнообразные географические, природные, экологические и экономические условия, которые не поддаются обобщению. Все это многообразие фактов может быть регламентировано только двусторонними соглашениями, которые могут учесть все специфические особенности, характерные для каждого конкретного случая. Разнообразие условий соглашений можно проиллюстрировать целым рядом примеров как в случае, когда граница разделяет реку на верхнюю и нижнюю части, так и в случаях, когда река служит границей между государствами.

Начиная с 60-х гг. прошлого века афганская сторона несколько раз поднимала вопрос о необходимости строительства на Пяндже-Амударье большого водохранилища, вода которого могла бы использоваться как для орошения новых земельных массивов на севере Афганистана, так и для получения значительного количества электроэнергии, в которой Афганистан весьма заинтересован.

Первый проект – Келифский гидроузел на выходе Амударьи на советскую территорию был отвергнут советской стороной, которая длительное время не передавала афганцам результаты изысканий под тем предлогом, что следует сначала изучить всю реку, поскольку могут быть найдены более удобные варианты решений. А дело заключалось в том, что при всей своей привлекательности (строительство плотины позволяло использовать ее и как мост для переброски железной дороги на афганский берег, и как крупное водохранилище, которое могло дать начало Бухарскому и Каракумскому каналам на нашей территории), оно в то же время позволяло афганцам оросить самотеком около 140 тыс. га целинных земель на своей территории (а с учетом возможности подъема воды насосами афганцы могли оросить до 220 тыс. га при общей орошаемой площади в стране около 3 млн. га). Такой большой отбор воды из Амударьи противоречил интересам наших среднеазиатских республик, и это обстоятельство сыграло решающую роль: проект был положен под сукно, и результаты изысканий афганской стороне не передавались.

Следующий этап работ включал производство изысканий по всему течению Пянджа-Амударьи с целью определения наиболее целесообразного места строительства будущей плотины. Было найдено около двух десятков створов, из которых наиболее экономичным по всем параметрам оказался Верхнеамударьинский (или как его еще называли – Нижнепянджский), расположенный на Амударье при слиянии рек Пяндж и Вахш. Это водохранилище могло вместить 25–30% всего стока Амударьи и служить регулятором подачи воды вниз по течению. При этом количество воды в низовьях Амударьи, зарегулированной таким образом, было бы недостаточно для орошения хлопковых массивов.

Этот проект также не был осуществлен. Советские организации сослались на протест таджикского правительства, которое не хотело, чтобы вода построенного водохранилища залила заповедник под названием «Тигровая балка», расположенный в низовьях р. Вахш. Кроме того, как объяснили представители советских организаций, это водохранилище зальет большую территорию на афганском берегу, где выращивается хлопок, и водохранилище, образованное на равнине, будет иметь очень большое зеркало при небольшой глубине, что приведет к большой и неоправданной потере воды на испарение. Вместе с этими доводами было выдвинуто предложение провести вначале изыскания на территории Северного Афганистана с целью определения возможности развития орошения на местных реках, как впадающих в Пяндж и Амударью (реки Кокча и Кундуз), так и не достигающих в настоящее время этих рек и разбираемых на орошение раньше (реки Балх, Кайсар и др.). Эти работы были осуществлены, однако решение о строительстве плотины так и не было принято.

Положение, однако, изменилось после свержения монархии и образования республики во главе с Мухаммадом Даудом. На своей первой встрече с советскими специалистами президент Афганистана попросил в число первоочередных объектов, которые могли быть построены с советской помощью, включить сооружение водозабора на Амударье для орошения плодородных целинных земель в этом районе. При наличии воды Афганский Туркестан мог бы стать реальной житницей страны и центром выращивания хлопка. Советское руководство пошло навстречу пожеланиям афганской стороны, и была достигнута договоренность о проектировании на афганском берегу в районе поселка Хош-тепе насосной станции и самотечного канала протяженностью около 190 км для орошения земель Северного Афганистана. Однако на последней встрече Дауда с Брежневым афганский президент предложил записать в проект подписываемого документа слова «и строительство», что генеральный секретарь и сделал своей собственной рукой.

Правда, подписание такого документа вызвало немедленную и резко отрицательную реакцию со стороны руководителей среднеази-

атских республик, обратившихся в ЦК с требованием денонсировать подписанный документ. В разъяснении, направленном в ЦК по указанию правительства, было написано, что если Афганистан построит все запланированные сооружения на всех реках, включая Амударью, то к 2000 г. он сможет забирать из Амударьи не более 3% стока, между тем как по всем международным нормам он может претендовать минимум на 15%, поскольку на афганской территории собирается, по нашим данным, около 15% всего стока рек Пяндж-Амударья (по афганским данным – 25%). На время подписания указанного документа афганцы забирали из пограничных рек не более 0,3%, между тем как на советский берег для орошения отбиралось около 40% стока. Инцидент был исчерпан, однако справедливости ради следует сказать, что большая часть запланированных ирригационных сооружений на территории Афганистана в силу известных причин так и не была построена.

Сейчас положение в корне изменилось. Афганистан, население которого за прошедшие почти 30 лет существенно выросло при одновременном выводе из оборота значительных площадей сельскохозяйственных угодий, будет вынужден изыскивать любые возможности для обеспечения населения основным продуктом питания (а в Афганистане около 65–70% рациона населения составляли пшеничные лепешки). Недавно появилась информация о том, что президент Афганистана Хамид Карзай заявил о необходимости рассмотреть вопрос о строительстве гидроузла на пограничной реке. Это ухудшит положение с водой в Узбекистане и Туркмении, где давно ощущается ее дефицит, вызванный, в частности, большими потерями при транспортировке на испарение и фильтрацию в почву. Например, при строительстве Каракумского канала считали, что идущая по нему вода быстро пропитает дно и фильтрация уменьшится, на самом же деле вода из канала уходит в почву до сих пор, выходя на поверхность в низменных районах пустыни, где образуются соляные озера.

Для сокращения неоправданных потерь воды при транспортировке в этих районах нужно в корне менять технологию орошения (сокращение холостых ходов, изоляция днища каналов, строительство бетонных лотков-арыков и др.), что позволило бы уменьшить неоправданные расходы воды и увеличить КПД систем. Можно вспомнить, что в некоторых южных странах, где наблюдается дефицит воды, в сельском хозяйстве используются уже системы капельного орошения с электронными датчиками, а в Узбекистане и Туркмении основным орудием крестьян продолжает оставаться лопата и кетмень.

Кроме того, афганское правительство сейчас может строить водозаборные сооружения на своем берегу, никого не спрашивая, как

это делали мы в свое время, и можно предположить, что при наличии средств оно без особых трудностей найдет исполнителя работ.

Мы выделили здесь проблемы, которые, на наш взгляд, имеют первостепенное значение для восстановления и дальнейшего развития страны, хотя вопросы подготовки кадров, возвращения в страну научной и технической интеллигенции, организация просвещения и здравоохранения, создание действующей системы управления в центре и на местах, сил правопорядка и боеспособной армии, возможно, не уступают упомянутым проблемам по значимости, и тут афганцы должны сами решать, с чего начинать. Просто нам бы хотелось, чтобы новое афганское руководство по достоинству оценило все то, что уже было сделано и успешно работало в прежнее время и что может быть использовано сейчас.

**СЕВЕРО-ВОСТОК АФГАНИСТАНА
И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА**

Как и в период 1950–1970-х гг., экономическая отсталость Афганистана обуславливает тот факт, что объективно одной из стратегически важных задач развития Афганистана становится необходимость привлечения материальных ресурсов и заимствования технологий из других стран. Практика подобного рода сотрудничества в указанный период продемонстрировала невозможность сохранения самостоятельности. В условиях противостояния двух мировых систем балансирование между их интересами было трудноосуществимо, Кабул оказывался перед необходимостью примкнуть к одному из геополитических полюсов тогдашнего мира. Сближение с СССР вкупе с событиями Апрельской революции 1978 г. и последовавшей гражданской войной с участием ограниченного контингента советских войск повлекло распад государственных структур и усугубило специфическую и имманентную особенность афганской социально-политической структуры: стремление регионов и этнических общин к максимальной самостоятельности. Афганистан всегда довольно условно признавал центральную власть, ориентируясь на безраздельную власть повседневного права, авторитет старейшин и вождей, каждая территория жила в соответствии с шариатом, локальными вариантами адатов и местными традициями.

Регионализм в высокой степени продолжает оставаться характерным и для государствообразующего этноса – пуштунов. Активное участие пуштунских племен в войне 1979–1989 гг. привело к усилению их автономности по отношению к центральным органам власти. Высокая степень автономности пуштунских племенных ополчений (лашкаргов) вела к преобладанию локальных интересов. И.Катков верно отмечал, что «племенное ополчение всегда сохраняет значительную автономность и является лишь временным союзником той или иной армии – органа государственной власти»¹. В итоге это еще больше ослабило связи пуштунских племен с централизованным государством. Система связей между государством и пуштунскими племенами, существовавшая при монархическом режиме и президенте М.Дауде, была к 1990-м гг. в значительной степени разрушена. С падением правительства Наджибуллы и уже тем более – с приходом к

власти в Кабуле президента-таджика Бурхануддина Раббани в 1992 г. множество местных пуштунских полевых командиров предпочло полную самостоятельность в пределах своего племени или уезда борьбе за единое афганское государство. В этом смысле многие пуштунские племена фактически солидаризировались с национальными меньшинствами в борьбе за интересы локальные в противовес интересам общегосударственным². Война могла изменить политическую карту страны, но не административную. Этой особенностью традиционной государственности, отмеченной С.Олимовой для средневековой Средней Азии, можно уверенно объяснять и прочность и устойчивость современного афганского регионализма, основой которого на уровне ментальности является региональная самоидентификация как часть персональной идентичности, которую могло изменить лишь что-то подлинно чрезвычайное³. Административное районирование не совпадало с этническим расселением, так как в основе административного деления лежали природные, географические факторы, типы землепользования, рынки и коммуникации, а не этнические территории, которые никогда не были реальностью в Центральной Азии⁴.

На этом историческом фоне не в пользу центральной власти развивается ситуация в военно-политической сфере. К середине 2004 г. военно-политическая нестабильность сохраняется на высоком уровне и остается одним из основных факторов, определяющих состояние сферы безопасности не только в самом Афганистане, но и всего региона Южной и Центральной Азии. По сравнению с затяжным противостоянием по линии Северный альянс – «Талибан» второй половины 1990-х гг. – 2001 г. уже к концу 2002 г. ситуация с точки зрения региональной безопасности становится значительно менее предсказуемой. Американская деятельность в Афганистане в 2002–2004 гг. носит примерно тот же характер, что и действия ограниченного контингента советских войск в 1980-х гг. Правительство Хамида Карзая, по существу, контролирует лишь Кабул и ряд районов Кабульской провинции. В большинстве крупных городов общегосударственного значения – например, в Герате, Мазари-Шарифе, Кундузе, некоторых других региональных центрах – существуют самодостаточные силы, лидеры которых (Исмаил-хан, Абдуррашид Достум, Мухаммад Дауд) лишь формально признают правительство Карзая. В тех же случаях, когда руководство провинций назначено центром, у провинциальных администраций нет, как правило, ни достаточных сил, ни политической воли для реализации своих решений. Для таких провинций характерна кадровая чехарда, высокая сменяемость ключевых должностных лиц. Новые назначения обычно мотивируются необходимостью «усилить влияние центрального правительства на афганские провинции, где не исполняется закон»⁵. Отстранение реальных региональных лидеров от административных постов проблемы не решает. Новые назначенцы – как правило, выходцы из других провинций – реальных

рычагов воздействия на местную ситуацию не имеют, вдобавок они воспринимаются местным населением не всегда положительно. Отстраненные же лидеры становятся потенциальными, как минимум, противниками правительства, продолжая занимать свое место в местной социальной иерархии и имея при этом возможности воздействия на ситуацию в своих регионах.

В этих условиях эффективность административно-правовой и финансово-хозяйственной деятельности кабульского правительства оказывается чрезвычайно низкой. Правительство выносит постановления, но они не действуют. По сути, все более усугубляется сложившаяся ранее фрагментация страны, при которой реальной властью обладают локальные лидеры, не всегда имеющие даже какой-либо официальный статус. Они определяют характер морально-этической и социально-политической оценки населением той или иной местности любых решений или действий властей или иных сил общенационального масштаба. Население Афганистана в основной массе видит беспомощность правительства Карзая и испытывает растущее недоверие к работающим исключительно через это правительство западным организациям, поскольку реальной помощи от них население получает слишком мало. Правительственная кампания по выплате компенсаций крестьянам за уничтожение посевов опийного мака является лишь наиболее ярким примером беспомощности правительства Х.Карзая и работающих в Афганистане международных организаций.

В этих условиях экономические и иные социальные отношения на местах продолжают регулироваться не столько государственными законодательными актами, сколько адатом, местными традициями и обычаями, авторитетом основных собственников, являющихся, как правило, и родоплеменными лидерами. Данное обстоятельство обуславливает тот факт, что для реализации любых проектов приоритетной является поддержка со стороны местных властей, традиционных лидеров, включая религиозных, нежели одобрение центрального (кабульского) правительства или министерств, носящее характер скорее формальный. Таким образом, определенного успеха, по крайней мере, для граничащих с Афганистаном государств могут достичь экономические проекты, реализуемые в полосе приграничных провинций, основанные на взаимопонимании с местными реально действующими властями.

Исследование, проведенное автором в сентябре-августе 2003 и в июне 2004 гг. на северо-востоке Афганистана, лишь подтвердило эти выводы.

Основным методом исследования являлось интервьюирование официальных лиц и представителей частного бизнеса четырех северо-восточных провинций Афганистана – Кундуза, Тахара, Баглана и Бадахшана⁶. Понятно, что весьма общие мнения, высказанные данными лицами, не могут служить базой для формирования некоего

плана социально-экономического развития той или иной провинции. Тем не менее представления локальных лидеров о первоочередных проблемах своих территорий могут стать основой для организации того или иного производства, для реализации тех или иных отдельных проектов.

При интервьюировании в качестве основных ставились следующие вопросы.

1. Преобладающие виды хозяйственной деятельности населения.
2. Реальные возможности местной (провинциальной) администрации в экономической (и социально-экономической) сфере.
3. Наличие программ международной помощи по развитию экономической сферы и ассигнований центрального (кабульского) правительства.
4. Потребности местного рынка (видение администрации) в товарах и услугах, не обеспечиваемых за счет внутренних источников.
5. Готовность местной администрации оказывать содействие в реализации проектов и коммерческих сделок.
6. Состояние и безопасность коммуникаций, формы транспортировки грузов, таможенные процедуры, формы и методы финансовых расчетов.

Исследовательские поездки осуществлялись по маршруту Душанбе – Нижний Пяндж – Кундуз – Баглан – Талукан – Калафгон – Кешм – Файзабад – Джурм – Зебак – Ишкашим с возвращением в СНГ через Хорог – Мургаб – Ош.

Среди опрошенных лиц в провинции Кундуз были губернатор провинции Амир Латиф Ибрахими, мэр города Кундуза Сейид Джахангир, а также имеющие в Кундузе свои резиденции представитель МИД по северо-восточным провинциям Нурулла Нурулла и представитель министерства планирования по северо-восточным провинциям Абдулманнан Хашеми.

Основным видом хозяйственной деятельности населения Кундуза является выращивание пшеницы и риса. По объему производства этих культур провинция занимает первое место в Афганистане и полностью обеспечивает себя, а также поставляет эти зерновые в другие провинции⁷. Монокультурный характер земледелия в Кундузе обуславливает наличие высокой потребности в минеральных удобрениях. Их отсутствие приводит к заболеваниям культур и большим потерям урожая. Строительство завода азотных удобрений, по мнению чиновников, является важнейшей задачей для развития сельского хозяйства. Действующий в окрестностях Мазари-Шарифа (провинция Балх) комбинат по производству азотных удобрений не может обеспечивать Кундуз своей продукцией, к тому же доставка удобрений из Балха резко увеличивает их стоимость. С вводом в действие собственного завода минеральных удобрений Кундуз смог бы увеличить объемы производства пшеницы и риса. Власти провинции готовы выделить для строительства завода необходимые площади, правда,

вопрос о наличии сырьевой базы для данного производства не изучен. Одним из приоритетных направлений развития сельского хозяйства провинциальные власти считают животноводство, в котором, однако, испытывается дефицит питьевой воды. Поэтому очень важным является строительство скважин⁸.

На территории провинции находятся несколько предприятий по переработке хлопка и кунжута и производства масел из этих культур⁹. Все эти предприятия нуждаются в реконструкции и, соответственно, в привлечении финансовых средств. Наличие данных производств может обеспечить сырьевую базу для выпуска мощных средств, которые (очень низкого качества) импортируются из Пакистана. Провинция заинтересована в создании предприятий по производству строительных материалов.

Большинство вопросов, связанных с развитием экономики и инфраструктуры в регионе, можно решать на уровне местной администрации. В Кундузе существует комиссия по восстановлению провинции, в которую входят губернатор, мэр и др., всего 9 человек. По заверениям администрации, на территории провинции могут осуществляться различные проекты, в которых могут участвовать специалисты и рабочие из других стран. Пока такого рода работы не велись, за последний год только американские специалисты оказали помощь в ремонте нескольких школ.

В области торговых отношений мэр предлагает создать в Кундузе киргизское торговое представительство, через которое можно осуществлять торговые сделки с киргизскими бизнесменами, а также сеть фирменных магазинов киргизских предприятий. Кундуз заинтересован в поставке товаров и из других центральноазиатских стран, которые станут конкурировать с пакистанскими товарами, пока монополю распространяемыми в этом регионе.

Уровень торговли с сопредельными Таджикистаном и Узбекистаном кундузские чиновники оценивают как чрезвычайно низкий. В то же время население провинции нуждается в продовольственных товарах, ГСМ, мощных средствах. Эти товары не облагаются никакими налогами, кроме таможенного сбора. Таможенные пошлины на продовольственные товары и товары первой необходимости составляют 1% от их стоимости, на промышленные товары – 35–40%. Процедура прохождения грузов через КПП «Шерхан-Бандар» достаточно проста. Груз регистрируется таможеней на границе, где предъявляются необходимые документы в соответствии с международными стандартами, затем груз предъявляется в департамент экономики в г.Кундузе, где определяется его стоимость, после чего таможенный департамент определяет размер пошлины. Вопросы с получением лицензии решает также таможенный департамент.

По мнению губернатора провинции Амира Латифа Ибрахими, одним из стратегически актуальных проектов является восстановление

гидроэлектростанции в районе г.Ханабада (на границе с провинцией Тахар). Для восстановления ГЭС, по местным оценкам, необходимо около 10 млн. долларов.

Основным респондентом при проведении данных опросов в провинции Баглан являлся тогдашний губернатор Мухаммад Омар¹⁰. Баглан – один из наиболее развитых промышленных районов на северо-востоке Афганистана. Здесь имеются гидроэлектростанция, сахарный завод, текстильная фабрика¹¹, цементный завод, мелькомбинат, четыре угольные шахты. Возраст всех этих предприятий 40–50 лет, строились в основном при содействии СССР. Все предприятия по разным причинам работают не на полную мощность. Сахарному заводу не хватает средств для закупки у населения сахарной свеклы, в результате уменьшились посевные площади. В связи с низким урожаем зерновых по этой же причине простаивает часть мощностей мелькомбината. Не хватает хлопка для работы текстильного комбината: недостаток поливных возможностей не позволяет расширить посевные площади для хлопка, в результате многие крестьяне за годы войны переориентировались на производство риса как более востребованной продукции. Администрация предпринимает попытки по возрождению золотоносного месторождения, которое раньше давало 3–4 кг чистого золота в день. Рабочие получают зарплату из средств предприятий. Однако в связи с тем, что промышленность работает не на полную мощность, в провинции более 20% трудоспособного населения составляют безработные (оценка губернатора провинции).

В сельском хозяйстве Баглана всегда большое значение имели широко известные ореховые леса (в первую очередь фисташковые). Однако после сильных засух и сопровождавших их лесных пожаров в 1999–2000 гг. для возрождения этого промысла требуются средства.

В Тахаре основной вид деятельности сельского населения – выращивание риса, под посевы которого заняты основные плодородные земли. Однако частые разливы реки Талукан (заливаются более 50 тыс. га плодородных земель, фильтруясь через соляные почвы, вода обедняет плодородные) мешают эффективному земледелию. Поэтому чрезвычайно важным администрация провинции считает строительство предохранительной дамбы 140 км длиной. В Кабуле есть проект этой дамбы, разработанный в свое время французскими специалистами, однако из-за войны проект был заморожен. Также был остановлен проект строительства ГЭС в 40 км от Талукана. Важными проектами здесь считают реконструкцию аэропорта в Ходжагаре, строительство дороги Талукан-Файзабад. Местными усилиями заканчивается строительство небольшой фабрики по йодированию соли. В провинции Тахар не работают иностранные компании, мечтой администрации является создание специализированной фирмы по разработке бизнес-проектов для Тахара. Техническую документацию по многим актуальным проектам можно получить, по мнению администрации, в Кабуле.

По информации губернатора провинции Бадахшан Аминуллехана¹², Бадахшан принял в ходе войны 1989–2001 гг. большое число перемещенных лиц, преимущественно этнических таджиков. По оценкам провинциальной администрации, в настоящее время население провинции может составлять до 1 млн. человек. Обеспечение занятости населения является, по мнению губернатора, задачей номер один.

В сельском хозяйстве наиболее приоритетно развитие племенного животноводства, в первую очередь каракулевых овец. В провинции практически отсутствуют молочные продукты, поэтому насущной проблемой является разведение крупного рогатого скота и создание молочных ферм. Перспективным направлением может стать производство фруктовых соков, т.к. в регионе много фруктовых садов: пока большая часть урожая пропадает. Урожай абрикосов составляет 2,5–3,0 тысяч тонн, яблок – 3,5–4,0 тысяч тонн в год. Как и Баглан, Бадахшан известен ореховыми лесами. Ежегодный урожай грецкого ореха составляет более 10 тысяч тонн. В регионе всегда было развито пчеловодство, однако из-за отсутствия оборудования по расфасовке бадахшанский мед не увидишь в магазинах, а в файзабадских лавках продается пакистанский. Как и другие северо-восточные провинции, Бадахшан нуждается в минеральных удобрениях. Перспективна обработка полудрагоценных и поделочных камней.

Провинция Бадахшан непосредственно граничит с Таджикистаном, и со времен существования СССР здесь были налажены транспортные связи. Поэтому для Киргизии, Казахстана и Таджикистана Бадахшан является едва ли не наиболее приоритетным для развития торгово-экономических отношений. В провинции имеются перспективный, текущий и краткосрочный планы развития хозяйства. К перспективным планам относится строительство дорог, что должно дать импульс развитию всей экономики региона. В настоящее время имеется договоренность с Европейским банком реконструкции и развития о финансировании проекта строительства дороги Талукан-Файзабад. Однако пока существует лишь договоренность, да и строительство этой дороги не решит многих проблем. Более острая нужда в дороге Файзабад-Ишкашим. Кроме этого, необходимо строительство дорог от центра к основным населенным пунктам провинции. Фактически отсутствуют дороги в направлении уездов и волостей, таких как Джурм, Дарваз, Шахр-и Бозорг, Шахр-и Мунджан, Зебак, Хандуд, Санглич и других. По оценкам специалистов бадахшанской провинциальной администрации, наиболее актуально ответвление дороги Файзабад – Ишкашим до Зебака и Санглича. Продолжение этой дороги через перевалы Мунджан, Рабат и Анджуман позволило бы напрямую связать восточную часть Бадахшана с Панджширской долиной с выходом на Кабул¹³. Чрезвычайную важность имеет также дорога Ишкашим – Хандуд (Ваханский коридор). В настоящее время здесь имеется очень плохая грунтовая дорога. Большую роль могла бы сыграть

автодорога Файзабад-Шугнан (афганский) – Хорог, наличие которой позволило бы использовать мост через Пяндж, построенный компанией «Agha Khan Development Network»¹⁴.

Разговор о местных коммуникациях был бы неполным, если не упомянуть о том, что во всех провинциальных центрах имеются аэродромы (грунтовое покрытие, минимум навигационного оборудования). Используются только аэродромы в Кундузе и Файзабаде, с которых осуществляются пассажирские перевозки в Кабул и обратно. Рейсы совершаются самолетами АН-26 и АН-28, но нерегулярно, в зависимости от наличия пассажиров и горючего.

Большие потребности Бадахшан испытывает в электроэнергии, причем провинция располагает большими водными ресурсами. По территории Бадахшана протекает одна из крупнейших рек страны – Кокча, среди других сравнительно крупных рек – Зардев, Санглич, Дараим, Шахдара, Раванджаб, Гуламдара, Ярхдара, Вардудж, Дара-и Бозорг, Зарринаб, Вахан-Дарья. На краткосрочную перспективу имеет смысл создание сети каналов, на которых можно установить мини-гидроэлектростанции. В целом же вопрос водопользования (как для энергетики, так и для орошения) в Афганистане, включая и северо-восток, должен решаться более масштабно.

Общеизвестно, что водные ресурсы являются составной частью природных богатств, величина и распределение которых во многом определяют темпы социально-экономического развития страны. Афганистан относится к числу стран с возрастающим водопотреблением и растущим водным дефицитом, что отмечалось еще в 1920–1930-х гг.¹⁵ В 1968 г. советский исследователь В.Л.Шульц по материалам кратковременных наблюдений и экспедиционных исследований выполнил первую попытку оценки ресурсов речного стока Афганистана. Знание условий формирования стока в горах Средней Азии позволило ему определить объем стока рек, близкий к действительному – 55 км³, и составить схематическую карту нормы стока рек северного Афганистана¹⁶. Рядом зарубежных фирм по изучению водных ресурсов в рамках создания проектов гидротехнического и мелиоративного строительства в 1950–1970 гг. были также проведены отдельные исследования¹⁷. В дальнейшем с использованием материалов многолетних наблюдений (1969–1978 гг.) получены уточненные сведения о водных ресурсах и водном балансе Афганистана¹⁸. На общем фоне сухого климата на территории Афганистана выделяются районы с достаточным и даже с избыточным увлажнением. Наиболее обеспечены водой провинции Кунар, Бадахшан, Парван и Тахар, охватывающие северо-восточную часть Гиндукуша. Удельная водообеспеченность этих провинций составляет соответственно 1200, 300, 250 и 220 тыс. м³ в год на 1 кв. км площади¹⁹.

Площадь бассейна Амударьи на территории Афганистана составляет 242100 кв. км, из них 191307 кв. км занимают горные обла-

сти. На территории Афганистана формируется более 25% общих водных ресурсов Амударьи ($2540 \text{ м}^3/\text{с}$)²⁰.

В 1946 г. СССР и Афганистан подписали соглашение по Амударье, согласно которому последний имел право использовать до девяти кубических километров воды Пянджа. По некоторым оценкам, к настоящему времени Афганистаном используется около двух кубических километров²¹. Годовой сток реки Пяндж составляет девятнадцать кубических километров, и полное использование Афганистаном своей квоты по соглашению 1946 г. коренным образом изменит сток воды в Амударье. В советский период Москва стремилась поддерживать потребление Афганистаном воды Пянджа на минимальном уровне путем содействия Афганистану в развитии орошаемого земледелия на юге. Тем более что площади орошаемого земледелия на севере сравнительно скромны (отчасти по причине рельефа). После 1991 г. центральноазиатские страны попытались наладить с Афганистаном более тесные отношения, связанные с проблемами Амударьи. Когда в 1993 г. был создан Международный Фонд Спасения Арала (МФСА), было предложено пригласить к участию в нем Афганистан. И хотя Афганистан в силу известных причин военно-политического характера этого не сделал, информация о работе МФСА регулярно направлялась в Кабул.

В январе 2002 г. японский «Global Infrastructure Fund»²² объявил, что считает невозможным спасение Аральского моря, и предложил направить усилия на максимальное увеличение выгоды для сельского хозяйства от водных ресурсов рек Сырдарья и Амударья, уделяя особое внимание Афганистану. Этот вопрос обсуждался в Токио в феврале 2002 г. на международной конференции доноров Афганистана, хотя ни о каких решениях объявлено не было. Японские ученые-экологи обращают внимание на то, что все усилия международного сообщества могут пойти прахом, если развитие сельского хозяйства в Афганистане будет основываться на интенсивном использовании водных ресурсов региона без учета экологической обстановки²³. Объективно стержнем всех программ по восстановлению Афганистана должны являться проекты развития сельскохозяйственного производства и ликвидации нехватки продовольствия. Упор на структурные преобразования, главными из которых считаются развитая банковская система и условия для инвестиций, в ситуации, когда не решены насущные экономические задачи – восстановление городов и инфраструктуры, устройство беженцев и восстановление производства, – и банковская система, и инвестиционный климат оказываются не востребованы.

Инициатива японских экологов вызвала большое возмущение в Узбекистане. Первый заместитель председателя Хорезмского департамента мелиорации и водного хозяйства заявил, например, что Узбекистан боится последствий для своих областей: «Помогая Афганистану, международное сообщество не должно забывать о нас... Не

дай бог, нам придется давать воду еще и Афганистану. Что тогда будет с нами?»²⁴. Представляется маловероятным, что какие-либо доноры помогут Афганистану резко увеличить потребление воды из Пянджа и Амударьи, учитывая огромные ресурсы, необходимые для этого, а также политическое и экономическое воздействие на Центральную Азию. Однако Афганистан не сможет восстановить свое сельское хозяйство, не увеличивая забор воды из Амударьи²⁵. Все дальнейшие инициативы в сфере управления водными ресурсами в Центральной Азии должны принимать в расчет возможные требования Афганистана. Наилучший способ удовлетворения таких требований – это подлинно региональные переговоры с участием всех стран, расположенных на Амударье²⁶.

Столь же широкий региональный (и шире) характер имеет транспортная проблема, связанная с любой внешнеэкономической активностью на афганском северо-востоке. В первую очередь транспортный вопрос касается, конечно, стран-соседей.

Налаживанию новых экономических связей Таджикистана, находящегося по большому счету в геоэкономической изоляции, препятствуют такие факторы, как удаленность республики от мировых транспортных артерий, высокая стоимость перевозок, отсутствие дорог, которые связывали бы Таджикистан с перспективными торгово-экономическими партнерами – Пакистаном, Индией, Ираном. Так, например, для того, чтобы отправить товары из Пакистана в Таджикистан, их необходимо перевозить морем через Суэцкий канал до черноморских портов Одесса и Новороссийск, затем железнодорожным транспортом через целый ряд стран – в Таджикистан. И это притом, что два государства разделяет лишь Ваханский коридор²⁷. Немного отличается ситуация для Киргизии или даже Казахстана. Для всех трех названных центральноазиатских стран и, объективно, для России первостепенное значение имеет создание транспортных коммуникаций в направлении «Север-Юг», априори предполагающих использование территории и учет интересов Афганистана.

Отчаявшись дожидаться стабильности в Афганистане, в конце 1990-х гг. Китай и Таджикистан (при активном содействии Пакистана) форсировали проект строительства автодороги Мургаб – Каракорум. Уже к сентябрю 1998 г. участок автодороги Мургаб – Каракорум до границы с КНР был открыт для «чернового проезда» автомобильного транспорта. В течение первой половины 2000 г. был завершен первый этап строительства автодороги. 25 мая 2004 г. на перевале Кульма открылся автомобильный переход между Таджикистаном и Китаем. В соответствии с таджикско-китайским протоколом, подписанным в сентябре 2003 г., автомобильное сообщение через контрольно-пропускной пункт Кульма–Карасу в качестве эксперимента открыто на летне-осенний период (с 1 мая до 1 октября). Официальные представители Таджикистана и Китая отмечали, что открытие

КПП имеет большое значение для развития торгово-экономических отношений между двумя странами. В тот же день первый пассажирский микроавтобус отправился из Хорога в Кашгар по маршруту протяженностью 683 километра. Предположительно этот маршрут должен быть регулярным и осуществляться пять раз в месяц²⁸.

В перспективе таджикско-китайская автомобильная магистраль должна соединиться с Каракорумским шоссе, выходящим на Равалпинди, Кашмир и Карачи. Это придаст ей статус международной автомобильной транзитной магистрали и превратит Таджикистан из тупиковой зоны в транзитную, с выходом к портам Индийского океана и странам Южной и Юго-Восточной Азии. В случае продолжения реализации проекта этот путь, вполне вероятно, будет доступен и российским грузоотправителям. Речь идет о сообщении через Казахстан, Ташкент и западные области Китая в пакистанский порт Карачи на побережье Аравийского моря.

Этот маршрут существует в нескольких вариантах, из которых, видимо, станет в будущем главным только какой-то один.

Вариант 1. Ташкент – Худжанд – Душанбе – Хорог – Лянгар – Вахан – перевал Барогиль – Карачи. Этот маршрут – самый короткий. Его первый недостаток политически детерминирован сложными отношениями между Ташкентом и Душанбе²⁹. Другая сложность – отсутствие круглогодичного сообщения между Худжандом и Душанбе. Проблемным является и участок Душанбе – Курган-Тюбе – Калай-Хумб – Хорог, или Душанбе – Тавильдара – перевал Хабуработ – Калай-Хумб – Хорог. Оба варианта занимают до двух суток пути на автомобильном транспорте. Эти дороги являются сезонными, в зимнее время основные перевалы закрыты³⁰. Весьма спорным является продолжение этого маршрута – через территорию Ваханского уезда Афганистана и перевал Барогиль. Обратимся к первоиспытателям: «Проход Барогиль самый доступный в хребте Гиндукуш. Он открыт в течение круглого года, имеет не более 12 тыс. ф. высоты и представляет седловину, шириною до 5 верст, покрытую отличной травой. Вследствие указанных свойств перевала и принимая во внимание, что от него ведет удобная разработанная дорога по р.Архуни, следует признать, что проход Барогиль имеет выдающееся значение для движения с Памирского поста в Читраль, через который открывается самый легкий доступ в равнины северного Индостана. Для движения же к Гильгиту направление через перевал Барогиль менее удобно, так как оно более кружно и за проходом Барогиль имеется в этом направлении еще второй перевал – Даркот через параллельный кряж Гиндукуша. Перевал Даркот покрыт ледником, закрывается на ½ года... Важнейшие перевалы в западной части Гиндукуша – Дора и Мандаль. Они закрыты не более, как на 4 месяца в году...»³¹. «... Перевалы через Гиндукуш, лежащие к востоку от Читральской стены и ведущие в Кашмирскую долину, несравненно более доступны, чем

перевалы, ведущие в Кафиристан. Самым удобным из них считается Барагильский перевал, называемый Барагильской степью, который не только доступен большую часть года для лошадей и верблюдов с выюками, но даже и для телег с кладью. От этого перевала одна дорога, по расспросам, весьма хорошая, ведет в Читральский город Мастучь, а другая, через города Ясин и Гилгит, к верховьям Инда и далее в долину Кашмира»³². В качестве контраргумента для использования этого направления обычно указывают на сложную военнополитическую ситуацию в Афганистане, хотя специалистам известно, что как раз Ваханский уезд в этой ситуации задействован в последние десятилетия не был. Строительство же дороги межгосударственного значения позволило бы заметно стабилизировать в данном регионе социально-экономическую обстановку на основе создаваемой параллельно дороге инфраструктуры³³.

Вариант 2. Ташкент – Худжанд – Душанбе – Хорог – перевал Кульма – Каракорумское шоссе – Карачи. Открытие перевала Кульма³⁴ является, собственно, этапом реализации этого варианта. Предполагает выход через Таджикистан в Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) КНР и далее на Каракорумское шоссе, проходящее через территорию Джамму и Кашмира³⁵. Для КНР Каракорумское шоссе является звеном в воссоздании стратегического единства центральноазиатских государств. Создание системы, включающей две оси – Север-Юг (через Россию, Казахстан, Узбекистан, западные районы Китая и Пакистан) и Запад-Восток (через весь Китай, Среднюю Азию и Россию в Европу), – должно позволить Китаю эффективно контролировать соседние страны и обеспечить себе на случай войны независимость от морских коммуникаций, которые легко перерезать. Несмотря на постоянную напряженность в штате Джамму и Кашмир, Каракорумское шоссе – удобный и короткий путь в Южную Азию. Однако ни российские, ни казахские или узбекские компании маршрутом через Душанбе пользоваться не могут по политическим причинам. Автотрейлерами обычно (хотя и очень редко) используется объездной путь через территорию Киргизии: город Ош и таможенный пункт Иркештам.

Вариант 3. Ташкент – Андижан – Ош – Иркештам – Каракорумское шоссе – Карачи. Фактически это прямая линия из Ташкента на юг. Этот путь вряд ли будет интенсивно использоваться в обозримой перспективе. Во-первых, огромные инвестиции, направляемые Китаем в железнодорожное строительство в 2001–2005 гг. (350 млрд. юаней, или около 42 млрд. долларов) в рамках программы «Сибу да кайфа» («Западный поход»), предназначены прежде всего для достраивания Цинхай-Тибетской железной дороги и на совершенствование уже имеющейся железнодорожной инфраструктуры в СУАР (в частности, на севере СУАР, в направлении Урумчи-Дружба). Другими словами, ждать скорого строительства железнодорожной ветки и со-

ответствующих терминалов с китайской стороны не приходится. Одной из причин низкой актуальности этого направления является и тот факт, что условия строительства (железнодорожного отрезка) оставлены крайне невыгодно для Киргизии (например, склонность китайской стороны к строительству нетрадиционной узкоколейной дороги). Да и в целом этот маршрут для Китая сориентирован в первую очередь на Узбекистан, Киргизия же по условиям контракта мало что получает даже от транзита³⁶.

В России любой из трех указанных маршрутов мог бы быть интересен экспортерам и импортерам Урала и Западной Сибири, работающим со странами Азии, и финансово-промышленным группам, которые собираются выходить на рынок автоперевозок в Средней Азии. Маршрут через Казахстан, Ташкент и Каракорумское шоссе – самый короткий маршрут в Пакистан (и в Индию тоже, что по политическим соображениям, однако, неосуществимо), а также через порт Карачи в страны Персидского залива, Сингапур, Бангладеш, Малайзию и Индонезию. Кроме того, это самый короткий путь в западные, центральные и отчасти южные провинции Китая. Доля перечисленных регионов в общем грузообороте регионов Урала и Западной Сибири со странами Азии составляет (в зависимости от области) от 10 до 30%. Основные грузопотоки из Сибири и Урала в Азию идут через балтийские, черноморские и дальневосточные порты. Часть грузов в Китай отправляется по Забайкальской железной дороге и около 5% – через Казахстан³⁷.

Разговор о коммуникациях, имеющих отношение к Афганистану, был бы абсолютно неполным и не был бы вполне компетентным без рассмотрения возможностей знаменитого «Памирского тракта». Это дорога (М-41) Ош (Киргизстан) – Мургаб (Таджикистан) – Хорог – Ишкашим (Афганистан) – Файзабад была построена в 1930-х гг., неоднократно реконструировалась и совершенствовалась в советское и постсоветское время³⁸. Протяженность участка Ош–Хорог – 817 км, общая протяженность до Файзабада – примерно 1100 км. Преобладающая часть участка Ош–Хорог имеет хорошее асфальтовое покрытие (за исключением перевальных участков). На трассе расположено несколько перевалов средней и высокой сложности: Кой-Тезек (4271 м), Найза-Таш (4137 м), Харгуш (4165 м), Ак-Байтал (4655 м), Кызыл-Арт (4280), Талдык (3615). От пограничного пункта пропуска «Ишкашим» в Мургаб идет одно из ответвлений трассы – через таджикский Ишкашим вдоль границы к перевалу Харгуш. Участок Ишкашим-Файзабад протяженностью около 300 км проходит в основном на высоте около 3000 м, покрытие грунтовое, среднего качества. Дорога Ош-Хорог-Файзабад действует круглый год, это единственная круглогодичная наземная дорога через Памир. Серьезная ее реконструкция была проведена в январе-феврале 2002 г. в связи с реализацией МЧС России, Киргизии и Таджикистана гуманитарных поставок в Файзабад по

программе WFP. Трасса Ош-Хорог-Файзабад активно использовалась в ходе реализации этой программы с января 2002 г. до весны 2003 г., имея в виду наличие в Оше (станция Кара-Суу) железнодорожных подъездных путей.

Разговор о коммуникациях рано или поздно должен привести к разговору о товарах. В обозримой перспективе Афганистан – страна преобладающего импорта. Традиционные для афганского экспорта статьи – орехово-плодовая продукция, ковры и каракуль – вряд ли займут сколько-нибудь значимое место в экспортно-импортной структуре. Что же касается импорта, то в Афганистане востребовано буквально все. Простой опрос бизнесменов и чиновников в Кундузе, Талукане и особенно Файзабаде говорит о дефиците любых товаров, прежде всего российского производства либо производства стран СНГ. Это автомашины российского производства и комплектующие к ним, запчасти³⁹, минеральные удобрения, товары бытовой химии⁴⁰. Востребована и любая текстильная продукция как российского, так и китайского производства, обувь. Особый спрос имеют строительные материалы: лес, цемент, кровельное железо, в меньшей степени – стекло⁴¹. Существует постоянная потребность в ГСМ и любых продуктах питания. Во всех провинциальных центрах северо-востока есть бизнесмены, работающие через банки в Кабуле, Мазари-Шарифе, Пешаваре, Мешхеде, Душанбе. В Талукане это, например, «Farhar Bastan LTD» и «Nesar-Ansar LTD» с годовым объемом продаж свыше 500 тысяч долларов, каждая имеет офисы в Кабуле, Мазари-Шарифе и Талукане. Перевозки осуществляют из Ирана автомобильным транспортом, из Казахстана и Узбекистана железной дорогой до Термеза-Хайратана и далее автомобильным транспортом. Расчеты производят через частные коммерческие банки в Кабуле и Мазари-Шарифе. Часть расчетов производят за наличные. Там же работают «Mahbub LTD» – поставщик ГСМ, арматуры и других стройматериалов из Узбекистана, и «Gadir Nadir Co. LTD», специализирующаяся на поставках в Тахар продуктов питания, минеральной воды и других напитков. Частная специализированная фирма «Fakharistan Construction Company LTD» занимается строительством дорог и постоянно испытывает потребность в строительной технике.

Местными властями установлен и определенный порядок регистрации и деятельности юридических лиц для осуществления хозяйственно-экономической деятельности в Афганистане. После подачи заявления, в котором должны быть указаны цели и задачи создания организации, местное (региональное) отделение министерства планирования составляет все необходимые документы, в т.ч. устав, и направляет для регистрации в Кабул. Участвовать в таких организациях могут граждане Афганистана и других государств. Региональное отделение министерства планирования по северо-востоку (исследо-

ванные четыре провинции) находится в г.Кундузе. После оформления документов министерство планирования представляет регистрируемую организацию международным финансовым организациям и определяет направление, в котором она будет работать. Организация может участвовать в тендерах и получать средства на реализацию своих проектов. Основные направления деятельности, которые финансируются при содействии министерства планирования – строительство и ремонт школ, строительство и реконструкция дорог, строительство больниц, работы по ирригации и мелиорации, строительство и реконструкция электростанций, объектов связи, газоснабжение, строительство промышленных объектов, которые обеспечат население рабочими местами.

Впрочем, за прошедшее после падения режима талибов время все программы международной помощи по развитию экономической сферы, как и ассигнования центрального (кабульского) правительства для северо-восточных провинций, остаются пока лишь программами благих намерений и возжелений. Другое дело, что реальные возможности местных администраций в экономической и социально-экономической сферах сами по себе не так уж малы⁴².

Готовность местных администраций по всем четырем провинциям к содействию в реализации проектов и коммерческих сделок можно было бы оценивать как довольно высокую, если бы не обстоятельство, о котором уже шла речь в начале статьи. Это – непредсказуемая сменяемость региональных чиновников. В этом – еще один аргумент в пользу того, что гарантировать безопасность коммуникаций и транспортировки грузов, соблюдение таможенных процедур, легитимность форм и методов финансовых расчетов могут в основном реальные лидеры, не всегда обладающие формальной властью.

Экономическая двусторонняя активность на локальных уровнях в какой-то мере, наверное, усугубит традиционный афганский регионализм. Однако с точки зрения здорового эгоизма несоизмеримо более важными представляются любые позитивные перемены в экономической ситуации провинций, граничащих с постсоветским пространством. Экономическое развитие, влекущее создание рабочих мест и повышение уровня жизни, способно создать в указанных провинциях своеобразную полосу безопасности, население и особенно традиционные лидеры которой будут больше заинтересованы в экономическом сотрудничестве, нежели в иной, деструктивной деятельности.

¹ Катков И.Е. Социальные аспекты племенной структуры пуштунов // Афганистан: история, экономика, культура. – М., 1989. – С. 44.

² Даже в ходе конституционной Лоя джирги в декабре 2003 – январе 2004 гг. было очевидно, что лидеры всех основных этнополитических сил и

группировок в большинстве являются убежденными сторонниками той точки зрения, что региональные интересы должны превалировать над попытками создания некой всеафганской идентичности.

³ См. например: Бартольд В.В. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в. // Соч. в 9 т. – М., 1964. – Т. 2, ч. 2.

⁴ Олимова С. Национальные государства и этнические территории // Многомерные границы Центральной Азии. – М.: Гендальф, 2000. – С. 16.

⁵ Такая формулировка содержалась, например, в указах о замене губернаторов Заболя, Бадгиса и Фарьяба в январе-феврале 2004 г. – *Afghan Islamic Press*. – Islamabad, 2004, February, 3.

⁶ Записи всех интервью хранятся в архиве автора.

⁷ По оценкам администрации. Согласно архивным материалам конца XIX в., район Кундуза являлся и в те времена одним из основных регионов по производству зерна. Наряду с другими центрами Кундуз, а также район бадахшанского Файзабада специализировались и на производстве риса. В горных районах северного Афганистана широко распространено также возделывание бобовых культур. – Махмадшоев Р. Таджики Афганистана в новое время. Очерки истории, хозяйства и материальной культуры. – Душанбе: Дониш, 2001. – С. 62–64.

⁸ Вопрос спорный, поскольку в результате четырех лет засухи и бесконтрольного хаотичного бурения уровень грунтовых вод в Кундузе, как и в большинстве других провинций страны, резко снизился. При поливах в Афганистане применяется преимущественно способ затопления полей, т.е. используются максимальные возможности водных источников без учета нормы орошения (как правило, вода отводится из рек или от скважин каналами). На орошение расходуется приблизительно 21 км³ воды или 32% общих ресурсов речного стока. Из них 17 км³ составляют безвозвратные потери. Оценки в величинах орошаемых земель в Афганистане значительно расходятся, но если принять наибольшее значение – 2,0 млн. га, то на полив 1 га в вегетационный период тратится 10500 м³ воды. – См.: Игошин Н.И. и др. Норма стока рек, водный баланс и водные ресурсы Афганистана. Межведомственный научный сборник Украины «Метеорология, климатология и гидрология». – Вып. 32. – Одесса: Мидина, 1995. – С. 137–163. События последних десятилетий разрушили многие километры «кяризов» – древних традиционных подземных водосборных и оросительных каналов.

⁹ Выращивание кунжута и некоторых других масличных культур издавна было присуще жителям многих районов Кундуза. – См.: Махмадшоев Р. Таджики Афганистана в новое время. Очерки истории, хозяйства и материальной культуры. – Душанбе: Дониш, 2001. – С. 64–65. В апреле 2002 г. автору довелось интервьюировать Хакима Палвана, жителя кундузского уезда Ак-Тепе, занимающегося выращиванием опийного мака. С разрушением оросительной системы в начале 1990-х гг. он и начал выращивать опий взамен традиционного для этих мест кунжута и хлопка, за которыми скупщики приезжали раньше из Пакистана. Запись интервью в архиве автора.

¹⁰ С 2004 г. губернатор провинции Кундуз Амир Латиф Ибрахими был переведен в Саманган.

¹¹ Работает на электроэнергии собственного генератора на жидком топливе.

¹² До 2004 г.

¹³ Возможен также вариант строительства дороги Бахарак–Джурм–Анджуман–Панджшир–Кабул. По всем этим направлениям местами существует грунтовая дорога, местами это караванные тропы.

¹⁴ И Файзабад – Дарваз (афганский) – Калай-Хумб (Таджикистан). О мостах через Пяндж см. ниже.

¹⁵ См.: Вавилов Н.И., Букинич Д.Д. Земледельческий Афганистан. – Л., 1929.

¹⁶ Шульц В.Л. Реки Афганистана. Труды Среднеазиатского научно-исследовательского института. Вып. 42 (57). – Ташкент, 1968. Работа была использована при написании отчета Межведомственного Комитета по МГД ЮНЕСКО; Мировой водный баланс и водные ресурсы Земли. – Л.: Гидрометеиздат, 1974.

¹⁷ В частности, в рамках известного Гильмендского проекта. – См.: Садриддинов З. Экономическая «помощь» США Афганистану на примере освоения Гильмендской долины // Афганистан: (вопросы истории, экономики и филологии). – Ташкент: Фан, 1978. – С. 33–38.

¹⁸ Для территории Афганистана элементы водного баланса характеризуются следующими значениями: осадки – 338 мм, речной сток – 126 мм, испарение – 212 мм. Суммарные водные ресурсы составляют примерно 276 км³. Из них 190 км³ – это запасы, сосредоточенные в ледниках, 22 км³ – озера и водохранилища и только 64 км³ – речной сток. В течение года на территории страны в среднем выпадает 203 км³ воды в виде твердых и жидких осадков. Из них 156 км³ испаряется, 40 км³ стекает в крупные речные системы (Инд и Амударья) и 7 км³ теряется в песках Сеистанской впадины и Бактрийской равнины. – Игошин Н.И. и др. Норма стока рек, водный баланс и водные ресурсы Афганистана. Межведомственный научный сборник Украины «Метеорология, климатология и гидрология». – Вып. 32. – Одесса: Мидина, 1995. – С. 137–163.

¹⁹ Для сравнения, в южных и юго-западных районах, занимающих большую часть страны, удельная водообеспеченность уменьшается в 20–100 раз. В провинции Газни удельная водообеспеченность равна соответственно 11 тыс. м³ в год на 1 кв. км площади. – Игошин Н.И. и др. Норма стока рек, водный баланс и водные ресурсы Афганистана. Межведомственный научный сборник Украины «Метеорология, климатология и гидрология». – Вып. 32. – Одесса: Мидина, 1995. – С. 137–163.

²⁰ Там же. – С. 137–163.

²¹ Центральная Азия: вода и конфликт. Отчет № 34 МГПК – Азия, 30 мая 2002 г. – С. 32.

²² Фонд глобальной инфраструктуры.

²³ Тебин Н. Японцев беспокоит проблема Арала// Независимая газета. – М., 2003. – № 175 (3007), 22 августа. – С. 11.

²⁴ Центральная Азия: вода и конфликт. Отчет № 34 МГПК – Азия, 30 мая 2002 г. – С. 3.

²⁵ Подробнее о традиционных системах орошения в Афганистане см.: Махмадшоев Р. Таджики Афганистана в новое время. Очерки истории, хозяйства и материальной культуры. – Душанбе: Дониш, 2001. – С. 76–85.

²⁶ Проблемы водопользования во взаимоотношениях с соседями – не предмет теоретизирования. В 1999 г. талибскими властями в одностороннем порядке была закрыта плотина на реке Гильменд, в результате чего было нарушено давнее соглашение, существовавшее между Ираном и Афганистаном, о совместном использовании водных ресурсов Гильменда. Правительство Ирана не пошло тогда на обострение конфликта с талибами. После свержения режима талибов официальный Тегеран неоднократно обращался к Хамиду Карзаю с просьбой решить проблему Гильменда. И лишь 28 октября 2002 г. МИД Ирана выразил удовлетворение в связи с тем, что правительство Афганистана открыло плотину на реке Гильменд и вода стала поступать на территорию Ирана. Речь шла об обеспечении водой 124 иранских деревень. – IRNA. – Tehran, 2002, October, 28.

²⁷ Сохибов Н. Коммуникационные проекты Республики Таджикистан // Центральная Азия и Кавказ. – Лулео, 1999. – № 2(3).

²⁸ IRNA. – Dushanbe, 2004. – May, 26. Вызывает сомнения – по крайней мере, в среднесрочной перспективе – экономическая целесообразность такой интенсивности сообщения Хорога с Кашгаром. Скорее всего, маршрут может с китайской стороны ограничиться Тошику (Ташкурганом), центром таджикской автономии СУАР КНР. Смысл данного сообщения состоит, в первую очередь, в развитии челночной торговли, объем которой будет ограничен рамками ГБАО.

²⁹ Летом 2003 г. была начата реализация совместного проекта (Иран, Афганистан и Таджикистан) по строительству транзитной автомагистрали Мешхед – Герат – Мазари-Шариф – Кундуз – Нижний Пяндж – Душанбе. В рамках этого проекта Иран предоставил Таджикистану 5 млн. долларов США на строительство тоннеля на Анзобском перевале, ввод в эксплуатацию которого позволит наладить транзит из Худжанда (автодорога М-34) через территорию южного Таджикистана в Иран, Афганистан и Пакистан. Строительство Анзобского тоннеля, начатое еще в советское время и замороженное в период гражданской войны в Таджикистане, было возобновлено в 1997 г. До конца 2003 г. длина тоннеля была доведена до 3 км (при проектной длине 5 км). До окончания строительства тоннеля Анзобский перевал в период с октября по апрель закрывается. На трассе расположен также перевал Шахристан (3378 м), наличие которого ставит данную трассу в разряд дорог повышенной сложности. Обойти политические сложности таджикско-узбекских отношений позволяет вывод трассы Душанбе–Худжанд через Баткен на Ош–Бишкек–Алма-Ата. К лету 2004 г. совместными усилиями местных администраций Баткенской области КР и Согдийской области РТ уже было проложено основное полотно объездной дороги, позволяющей обойти старую трассу Ош–Баткен, пролегающую

через ряд участков территории Узбекистана, и тем самым избежать излишних таможенных и иных сложностей.

³⁰ Хотя значение этой трассы, особенно ее значительной части, проходящей в непосредственной близости от таджикско-афганской границы, трудно переоценить. В августе 2002 г. началось строительство первого моста через Пяндж, всего в рамках программы восстановления транспортного сообщения между Афганистаном и соседними государствами планировалось построить еще четыре моста через Пяндж. Закончено строительство моста в районе Хорога, в июле 2004 г. начал функционировать мост в с. Рузвай Дарвазского района Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО). Строительство осуществляется по инициативе и на средства «Agha Khan Development Network». Однако пока строительство этих мостов не решает основных коммуникационных проблем в этих регионах ввиду отсутствия транспортной инфраструктуры на афганской стороне и слабости этой инфраструктуры на стороне Таджикистана.

³¹ Путята Д.В. Краткий очерк Памира. – Добавление к СМА, вып. 7. – СПб, 1902. – С. 8–9. Цит. по: Русские путешественники в Афганистане/ Составители: Колесников А.А., Харатишвили Г.С. – Душанбе: Дониш, 1988. – С. 123.

³² Матвеев. Поездка Генерального штаба полковника Матвеева по Бухарским и Афганским владениям в феврале 1877 г. – СМА, вып. 5. – СПб, 1883. – С. 49–50. Цит. По: Русские путешественники в Афганистане/ Составители: Колесников А.А., Харатишвили Г.С. – Душанбе: Дониш, 1988. – С. 137.

³³ Соединение же Ваханского уезда с Файзабадом позволило бы использовать этот путь и для потребностей экономики афганского северо-востока.

³⁴ Для сравнения: высота перевала Барогиль – 3777 м, перевала Кульма – 4352 м.

³⁵ Хотя на данное направление приходится всего 20% экспортно-импортных потоков Пакистана, самому шоссе в Исламабаде придают колоссальное значение – до его постройки единственным связующим звеном между Пакистаном и внешним миром был порт Карачи, что делало экономику страны крайне уязвимой в случае военных действий. – Григорьев С.Е., Забелло Я.Ю., Чакеева М.У. Автодорога Ташкент-Карачи: для российских экспортеров открываются новые маршруты// Новые рынки. – М., 2002. – № 4 (август). – С. 14–16. Понятно, что для Пакистана это шоссе является ключевым и при любом обострении обстановки в Кашмире.

³⁶ Для Киргизии приоритетное значение имеет осуществление проекта ККЖД, ветки трансзиатской железнодорожной магистрали (в рамках проекта ТРАСЕКА) Кашгар–Торугарт–Джалал-Абад. По этому поводу парламентом был даже принят закон «О приоритете строительства железнодорожной линии Балыкчы – Джалал-Абад – Торугарт с выходом в Китай». – Куда повернется транспортный вектор республики? // Рынок капиталов. – Бишкек, 2003. – № 5 (55), май. – С. 27–30.

³⁷ Григорьев С.Е., Забелло Я.Ю., Чакеева М.У. Автодорога Ташкент-Карачи: для российских экспортеров открываются новые маршруты // Новые рынки. – М., 2002. – № 4 (август). – С. 14–16. Каракорумское шоссе и автодороги Средней Азии являются частью проекта, начатого в 1992 г. Экономической и социальной комиссией ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО, UN ESCAP). Проект включает создание сети автодорог – «Азиатского шоссе» (Asian Highway, АН) и трансазиатской железной дороги (Trans-Asian Railway, TAR). Россия участвует только в одном из подпроектов – создании коридора авто- и железных дорог от Корейского полуострова через Китай, Монголию, Казахстан и Белоруссию в Европу. Южные маршруты, связывающие Китай и страны Юго-Восточной Азии с Европой, пройдут, как предполагается, мимо российской территории. Эта ситуация во многом вполне устраивает правительства стран Центральной Азии. Уничтожив в первые годы независимости собственную экономическую базу, созданную в советское время, местные политические элиты оставили себе только одну возможность для поддержания собственного благополучия – воспользоваться более или менее благоприятным географическим расположением и получать дивиденды от транзита. Поскольку производимые в самих этих странах товары на мировых рынках не востребованы, остается одно – транспортировка чужих товаров. Эта ситуация попросту эксплуатируется, используется внешними политическими центрами в своих не столько, может быть, экономических, сколько военно-политических, целях. Именно из этого обстоятельства проистекает несоразмерно высокая актуализация вопроса о транспортных коридорах в конце 1990-х гг. Хотя как раз в Афганистане местные товары могут оказаться востребованными, особенно при разумной ценовой политике.

³⁸ По Памирскому тракту уже после распада СССР осуществлялось снабжение российских пограничных отрядов и других воинских частей. С этой целью в г. Ош специально был дислоцирован на постоянной основе российский автомобильный батальон (в/ч 3333). За счет российских дотаций работали дорожно-эксплуатационные управления, постоянно поддерживавшие трассу в рабочем состоянии. Судьба ошского российского автобатальона, как и самой трассы, становится неясной в связи с выводом российских пограничных отрядов с Памирского участка.

³⁹ Наиболее популярны КамАЗы, УАЗы, а также мотоциклы.

⁴⁰ На рынке присутствуют эти товары – пакистанского (реже – иранского) производства, очень низкого качества.

⁴¹ В силу специфики строительства в регионе абсолютно не пользуется спросом шифер.

⁴² По информации представителя МИД в Кундузе Нуруллы, имеет место и такое весьма своеобразное явление, как стремление некоторой части представителей криминального бизнеса (скупка и перепродажа наркотических веществ) к легализации (отмыванию) капиталов путем использования денег в легальном обороте, в том числе вложения в производство, строительство, легальную торговлю.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ ПУТИ И АФГАНИСТАН

Геополитическое положение России и Афганистана между Европой и Азией, между двумя мировыми центрами торговли и деловой активности предполагает особое место обеих стран в развитии евроазиатских связей и расширении транспортной сферы. Наибольшее развитие транзит грузов евразийской торговли через территорию России получил в конце XX века. Так, в 70–80-е годы на иранском направлении по территории СССР перевозилось до 5 млн. тонн грузов с использованием различных видов транспорта.

Доход государства от таких перевозок составлял около 1,5 млрд. долл. в год. К 2004 году транзитный потенциал России вырос благодаря общему росту евроазиатской торговли. 12 сентября 2000 года в Санкт-Петербурге представителями России, Ирана, Индии было подписано Межправительственное соглашение о международном транспортном коридоре (МТК) «Север-Юг». Соглашение предусматривало повышение роли России в развитии международной торговли и экономических отношений, развитии транспортной сферы между странами Западной Европы и Южной Азии, бассейна Каспийского моря, сокращение времени перевозок и их стоимости. Соглашение было ратифицировано Индией в апреле 2001 года, Ираном в октябре 2001 года, Россией – в апреле 2002 года. В 2004 году к участникам соглашения присоединились Белоруссия и Казахстан. Предполагается также участие таких стран, как Кувейт, Саудовская Аравия, ОАЭ, Индонезия, Малайзия, Шри-Ланка, Туркменистан и ряд других.

Для России разработка и осуществление проекта МТК «Север-Юг» является необходимой программой взаимовыгодного сотрудничества различных государств Каспийского региона и Европы. Международный Транспортный Коридор предполагает перевозку грузов из стран Персидского залива, Индии, Пакистана в иранские порты на Каспии, затем паромами на железнодорожную сеть России или судами «река-море» по внутренним российским водным путям в страны Восточной Европы.

Протяженность путей по МТК через территорию вышеназванных стран в три раза короче, чем по морю через Суэцкий канал, и во много раз экономнее по времени и затратам финансовых средств. Перевозки МТК «Север-Юг» в дальнейшем обеспечат значительные финансовые доходы России и укрепят ее международные связи со стра-

нами Ближнего и Среднего Востока и Индийского океана. В настоящее время интерес к МТК, использованию транзитных перевозок через территорию России проявляет ряд стран, в том числе Афганистан и соседние с ним страны. По данным Министерства транспорта России на начало 2004 г., учитывая интересы соседних стран и Афганистана, Россия готова принять участие в проектировании и строительстве железных дорог на территории Афганистана.

По сведениям Департамента по связям с общественностью ОАО «Российские железные дороги», на встрече с министром транспорта Афганистана Саид Мухаммадом Али Джавидом российское руководство железных дорог подтвердило свое намерение. До сих пор транспортировка грузов между Россией и Афганистаном осуществляется преимущественно железнодорожным транспортом, на который приходится более 90% общего объема перевозок грузов между Россией и Афганистаном (имеется в виду доставка грузов только до границы Афганистана).

Известно, что «для Афганистана, где почти отсутствует железнодорожное сообщение, строительство железной дороги является необходимым элементом развития экономики страны»¹.

Российские проектно-изыскательские институты имеют богатый опыт в разработке технико-экономических обоснований проведения железных дорог в сложных географических условиях и могут выполнить соответствующую работу в Афганистане. Российский опыт по проектированию железных дорог, а также их дальнейшей эксплуатации позволяет создать Международный Консорциум, членами которого могут стать заинтересованные страны, государственные органы, частные предприятия и фирмы. По итогам переговоров между Россией и Афганистаном принято решение создать совместную рабочую группу, которая изучит возможность проведения проектно-изыскательских работ и разработки технико-экономического обоснования строительства железной дороги в Афганистане. По мнению первого вице-президента ОАО «Российские железные дороги» Владимира Якунина, МТК «Север-Юг» имеет большой потенциал для роста объемов перевозок в страны Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии, что важно и для Афганистана².

Интерес к развитию транспортной системы в Афганистане, железных и автомобильных дорог явственно проявился в выступлениях представителей стран-участниц проходившей в мае 2004 года в Бишкеке международной конференции «Центральная Азия, Афганистан и Южная Азия. Международная торговля и интеграция».

В течение трех дней конференция по региональной экономике рассмотрела большое число проблем и прогнозов в сфере взаимовыгодного сотрудничества. Представители ряда стран Азии отметили, что при условии стабилизации обстановки в Афганистане он должен быть вовлечен в интеграционные процессы с Ираном, Пакистаном,

Индией и другими азиатскими странами. Немалую экономическую выгоду получают и северные соседи Афганистана – бывшие советские республики. Новые транзитные трассы по территории Афганистана позволят осуществлять перевозки грузов на север – в Россию и далее в страны Европы. На конференции отмечалось, что уже завершен проект реконструкции шоссе Кабул-Кандагар. Это уменьшает время движения в пути по этой трассе с 30 часов до 7 часов. Иранские специалисты завершили строительство мостов и модернизацию дорог из Ислам-Кала до Герата, где афганские дороги связаны с хорошо развитой иранской сетью дорог и портами в Персидском заливе.

Инженерный корпус армии США завершил работы по проектированию моста через Нижний Пяндж в Южном Таджикистане.

Вскоре начнется строительство 670 м моста через Амударью к порту Ширхан-Бандар. Его предполагается закончить за 18 месяцев. Ориентировочная стоимость проекта 30–40 млн. долл. В свою очередь правительство Афганистана обязуется обеспечить поддержание безопасной обстановки в районах строительства дорог. За счет государственных средств и возможных иностранных субсидий начинается реконструкция кольцевой автомобильной дороги Герат–Кандагар–Кабул–Мазари–Шариф–Шиберган–Маймана–Герат. С вводом улучшенных дорог укрепятся экономические связи Афганистана с северными соседями. По данным Азиатского банка развития, при вводе улучшенной трассы Душанбе–Кабул–Карачи в будущем время перевозки грузов по этому маршруту сократится с 65 до 29 часов, а движение по трассе Ташкент–Герат–Бендер–Аббас (иранский порт) с 58 до 44 часов. Ее строительство намечено завершить в 2006 году³. Все эти мероприятия в дальнейшем будут содействовать не только развитию национальной экономики Афганистана. Афганские дороги войдут в сферу МТК и, связывая государства Центральной Азии и Европы с соседями к югу, послужат основой экономической интеграции в данном регионе.

Афганистан – сухопутная страна, не имеющая выхода к морю. Там нет железнодорожного транспорта, из-за ограниченного числа терминалов и самолетов воздушный флот также невелик. Основным видом транспорта в настоящее время является автомобильный. Для Афганистана, вышедшего из войны всего три года назад, имеется много возможностей в сфере развития международного транспорта. К началу 2000 года в стране насчитывалось только 3000 км автомагистралей, большая часть которых пришла в негодность из-за военных действий.

Афганистан провел переговоры с разными странами о строительстве железных дорог на территории страны в рамках Женевского соглашения 1985 г. о странах, не имеющих выхода к морю и морских портов. Переходным правительством Афганистана принят закон о частных инвестициях, в соответствии с которым любые инвестиции, в том числе в транспортную систему, защищены от убытков и застрахованы. По

словам министра транспорта Афганистана Саида Али Джавида, «мы поддерживаем наш частный сектор более, чем когда бы то ни было. 90% наших перевозок осуществляется частным сектором. Мы движемся к приватизации во всех отраслях, особенно в сфере транспорта».

В настоящее время Афганистан является одной из наименее развитых стран мира. Задачи восстановления страны, ее экономики и укрепления безопасности требуют от правительства неотложных мер по восстановлению национального хозяйства и, в первую очередь, сферы транспорта. Со стратегической точки зрения Афганистан занимает важное место в центре Азии, на перекрестке путей из Юго-Западной в Юго-Восточную Азию, а также может служить транзитным центром между странами Центральной Азии и Европой. В настоящее время транспортные перевозки входят в одну из основных программ экономических реформ страны. До сего времени структура транспортных перевозок включала два пути – воздушные и автодорожные. Афганская авиационная компания «Ариана», имея ограниченные возможности (старый парк самолетов, нехватка оборудования, специалистов и др.), осуществляет перевозку товаров и пассажиров на внутренних и международных линиях в ограниченных масштабах. Основная доля здесь принадлежит автомобильному транспорту. По официальным данным, в Афганистане имеется около 11 тыс. крупнотоннажных грузовиков общей грузоподъемностью 176 тыс. тонн. Частный сектор, которому принадлежит большая часть средств транспорта, перевозит в среднем 15 млн. тонн грузов за год⁴.

По мнению афганских специалистов, в стране имеется огромный потенциал как у правительства, так и у частного сектора в области дорожного строительства и перевозки транзитных грузов путем создания международной транспортной компании. Как считает правительство Афганистана, страна может стать членом международной транспортной системы с лицензией T1P. Для страны, имеющей 652 кв. км территории, строительство новых трасс, восстановление прежних 3000 км дорог является крайне необходимым. Намечающееся строительство автодороги Герат–Маймана–Мазари-Шариф позволит проложить самый короткий путь из европейских стран, Ирана и Центральной Азии в Китай. Транзитные перевозки предоставят для Афганистана значительные валютные выгоды.

Автодорога из Кабула в Герат через центральную часть страны сократит расстояние между двумя городами на 500 км. Афганское правительство на ближайшее время ставит цель всемерно содействовать строительству современных автодорог, проведению железнодорожной сети, возведению международных аэропортов, пополнению самолетного парка и др.

По данным ООН, при восстановлении экономики Афганистана приоритет получают проекты реконструкции основных автодорог путем выделения значительных финансовых средств. На конферен-

ции министров транспорта международной Организации экономического сотрудничества в 1993 г. в Алма-Ате обсуждались различные аспекты восстановления дорог Афганистана для создания международных транспортных путей при условии стабилизации обстановки в стране. Новое афганское правительство предложило создать Евроазиатскую транспортную компанию со штаб-квартирой в Афганистане. Третья Международная евроазиатская конференция по транспорту, проходившая в сентябре 2003 года в Санкт-Петербурге, подтвердила интерес мирового сообщества к расширению международных транспортных путей, и в частности, к развитию транспортной системы в Афганистане. Представители правительств и парламентов европейских стран, стран Азии, финансовых и международных транспортных организаций, институтов, грузовладельцев частных и государственных структур, собравшиеся в Петербурге, признали важную роль транспорта в достижении устойчивого экономического и социального развития стран Европы и Азии в условиях повышения геостратегического значения евроазиатского континента в XXI веке. Учитывая растущую потребность в эффективных, безопасных транспортных связях между Европой и Азией, росте международной торговли, туризма, культуры и спорта, экономического сотрудничества в процессе глобализации мировой экономики, была особо подчеркнута роль ряда международных организаций в деле развития транспорта, в том числе в Афганистане. Такие организации, как Европейская Экономическая Комиссия ООН (ЕЭК ООН), Экономическая Комиссия ООН для стран Азии и Тихого Океана (ЭСКАТО ООН), Программа развития ООН (ПРООН), Межправительственная организация международных транспортных перевозок (МОМЖП) Организация сотрудничества железных дорог (ОСЖД), Совет по железнодорожному транспорту государств-участников СНГ, Международный союз железных дорог (МСЖД), международные финансовые институты и другие поддерживали меры и решения, которые были приняты в отношении евроазиатских транспортных связей. В подписанные документы вошли:

- выполнение резолюций ЭСКАТО ООН 52\9 «О наземных транспортных маршрутах в Азии и между Европой и Азией», а также 48\11 «Об автомобильном и железнодорожном транспорте – мерах по облегчению перевозок»;

- реализация в рамках ЭСКАТО ООН второго этапа Региональной программы действий (2002–2006 гг.) Делийского плана действий по развитию инфраструктуры для Азии и Тихого океана, принятой на Второй конференции министров по инфраструктуре (2001 г.);

- вступление в силу Соглашения о международном транспортном коридоре «Север-Юг», присоединение к нему Казахстана и Белоруссии, создание Координационного Совета МТК «Север-Юг» (2002 г.) и принятие его устава.

Тесное сотрудничество между странами, институтами, государственными органами и частными лицами, определенное вовлечение финансов общественного и частного секторов сможет принести ощутимый эффект в дальнейшем как отдельным странам, в том числе Афганистану, так и в целом региону Европы и Азии.

¹ Магистраль XXI век. 2004, № 1, с. 20.

² Там же.

³ Oxford Analytica Russia CIS Daily Brief(c). May 2004. Humaynn Hamidzada.

⁴ Материалы III Международной Евроазиатской конференции по транспорту. – Санкт-Петербург, 11–12 сентября 2003.

ЛОЯ ДЖИРГА КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЙ ОРГАН ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ АФГАНИСТАНА

Традиционный институт Лоя джирги¹ в Афганистане приобрел особую актуальность после терактов 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке и Вашингтоне и начала военных операций, проводимых международными антитеррористическими силами во главе с США в целях установления мира и безопасности в Афганистане и борьбы против остатков талибов и боевиков «Аль-Каиды».

С 27 ноября по 5 декабря 2001 г. по инициативе ООН в Бонне проходила конференция по Афганистану, на которой были приняты следующие решения: создание временной администрации с мандатом на шесть месяцев; создание Верховного суда; образование специальной независимой Комиссии по подготовке к работе Лоя джирги; введение в Кабул международных миротворческих сил под эгидой Организации Объединенных Наций².

Важное значение для афганского народа имела созданная при участии ООН в Кабуле с 14 декабря 2003 г. по 4 января 2004 г. Лоя джирга, утвердившая Основной закон страны.

Впервые за более чем 250-летнюю историю Афганистана Лоя джирга созывалась под эгидой международной организации – ООН.

Касаясь значения Лоя джирги для Афганистана, президент США Дж.Буш назвал ее созыв большой победой афганского народа³.

Джирга возникла у афганцев в эпоху общинно-родового строя, в период создания первых афганских государственных образований. Она имеет интересную историю, которая почти не изучена современными исследователями. Следует подчеркнуть, что на джирге решались важнейшие вопросы племени.

По поводу возникновения джирги афганский ученый Сейид Ахмад Ахгар пишет: «Первая Лоя джирга была созвана еще в период правления кушанского императора Канишки, когда джирга приобрела официальный характер и правовое положение. Во времена Канишки ей придавалось религиозное значение...». Далее С.А.Ахгар отмечает, что история первой Лоя джирги начинается с XVIII века и что она состоялась в Кандагаре.

«Лоя джирга, – пишет он, – представляет одну из древних традиций афганцев, оставшуюся в наследство от наших предков и проводимую в течение многих веков. За тысячи лет до нашей эры, когда

территория современного Афганистана называлась по-другому, обитавшие на ней не могли не считаться с мнением общины»⁴.

Среди ученых-востоковедов существуют разные толкования этимологии слова «джирга». Известно, что в XIII веке монгольские власти неоднократно переселяли монгольские и тюркские племена на территорию современного Афганистана. Кроме того, представители некоторых афганских племен служили в монгольских войсках. Следует отметить, что еще в период господства монголов на территории современного Афганистана был заимствован целый ряд тюрко-монгольских слов-терминов, получивших распространение в языке пашто (пушту) для обозначения важнейших общественных институтов, к которым относятся «джирга», «улус» и др.

Один из видных исследователей новой и новейшей истории Афганистана В.А.Ромодин писал: «Некоторые тюрко-монгольские термины были восприняты и утвердились в языке пашто (пушту) для обозначения весьма существенных в жизни афганцев учреждений. К таким терминам относятся слова «джирга» и «улус». Сходство слова «джирга» с монгольским термином «джаргу» давно уже обратило на себя внимание исследователей.

Следует, однако, подчеркнуть, что существовало некоторое отличие джирги от монгольского слова «джаргу». У монголов в XIII веке термин «джаргу» означал феодальный суд. В отличие от него у многих афганских племен джирга еще в XVIII – начале XIX вв. оставалась судебно-примирительным органом самоуправления племен. Исходя из анализа вышеизложенного, можно отметить, что нет необходимости связывать время проникновения термина «джирга» в лексический состав языка пашто (пушту) только с монгольским нашествием. Этот термин мог появиться в словарном составе языка пашто (пушту) и значительно раньше от халаджей или других тюркских племен, населявших эту территорию»⁵.

Исходя из характера общественного развития пуштунов, можно отметить, что, как было выше упомянуто, важнейшие вопросы жизни племени решались на общих собраниях. В дальнейшем вожди афганских племен использовали эти собрания в своих интересах. С возникновением афганского государства межплеменная Лоя джирга стала элементом государственного строя.

С течением времени существенному изменению подвергся традиционный институт Лоя джирги, состав которой был ограничен представителями (депутатами) обеих палат и руководителями провинциальных консультативных (совещательных) собраний в период монархического строя в стране.

В настоящее время по Конституции 2004 года Лоя джирга обладает более широкими демократическими полномочиями. Она сохранена в государственной системе как орган, обладающий прежде всего определенными надпарламентскими функциями⁶. В ее заседаниях

без права решающего голоса могут участвовать министры, председатель и члены Верховного суда, а также генеральный прокурор.

Согласно статье 3-й конституции 2004 г., Лоя джирга созывается в следующих случаях:

- Принятие решения по вопросу о защите независимости, национального суверенитета, территориальной целостности и высших интересов страны;

- Внесение изменений и поправок к Основному закону;

- Рассмотрение вопроса о судебной ответственности президента республики в соответствии со статьей 69-й Основного закона;

- Статья 112-я гласит, что на первом заседании Лоя джирга выбирает из числа своих членов председателя и его заместителя, а также секретаря и его заместителя;

- В соответствии со ст. 113-й состав Лоя джирги устанавливается при участии в голосовании большинства ее членов;

- Заседания Лоя джирги проводятся открыто, кроме случаев, когда четверть ее членов потребует провести закрытое заседание и она примет это требование;

- И, наконец, статья 115-я указывает, что Лоя джирга созывается, руководствуясь положениями ст. 111-й, ст. 112-й Основного закона.

Вообще джирги в Афганистане существуют на трех уровнях: местном, племенном и общенациональном.

Джирги местного уровня имеют ограниченную сферу влияния по сравнению с другими уровнями и существуют в Афганистане, как было отмечено выше, с давних времен и поныне. Эти джирги считаются наиболее распространенным органом управления в деревне и в городском квартале. Такие джирги созываются обычно при решении вопросов, связанных с засухой и с местными конфликтами.

Племенные джирги решают вопросы одного или нескольких племен и созываются при возникновении племенных столкновений или конфликтов, а также при необходимости решения крайне важных вопросов, требующих совместного обсуждения.

Общенациональная джирга, или Лоя джирга состоит из представителей элиты афганского общества, племенных вождей и общественных деятелей. Она созывается при возникновении сложных обстоятельств в Афганистане. Прежде Лоя джирга созывалась королем или президентом республики. В ее состав могли входить как избранные, так и назначенные представители. Теперь положение в стране изменилось, и принят новый Основной закон страны, согласно 64-й статье которого созыв Лоя джирги входит в компетенцию президента республики.

Как уже упоминалось, членами прежней Лоя джирги были представители традиционной элиты афганского общества. Это были племенные вожди, старейшины, шейхи и т.п. Их направляли в Лоя джиргу местные (региональные) или племенные джирги. Количественный состав Лоя джирги менялся и колебался от нескольких десятков до сотен

представителей. Постоянного места проведения Лоя джирги не было. Ее проводили в крупных городах страны, но преимущественно в Кабуле. На ее заседаниях, зачастую длившихся несколько дней, решались важнейшие вопросы, например, касавшиеся внешней политики афганского государства. Так, в октябре 1915 г. состоялась Лоя джирга в Кабуле, на которой был поставлен вопрос о вступлении Афганистана в Первую мировую войну на стороне Германии, Австрии и Османской Турции. И делегаты приняли решение о сохранении Афганистаном нейтралитета. Другим примером может служить заседание Лоя джирги в 1941 г., на которой было принято решение о сохранении нейтралитета Афганистаном в период Второй мировой войны. Подобные примеры могут быть продолжены. Вместе с тем Лоя джирга ставила на рассмотрение и важные вопросы внутривнутриполитической жизни страны, например, проблемы престолонаследия (1865 г.), вопросы налогообложения (1920 г.), принятие Основного закона (1922 г.) и многие другие.

Этот традиционный социально-политический институт функционировал вплоть до конца 80-х гг. XX века. После разгрома движения «Талибан» значение Лоя джирги как главного представительного органа страны, как было отмечено выше, вновь стало актуальным. Были разработаны ее учредительные документы, анализ которых представляет научный интерес для изучения современного Афганистана.

После Боннской конференции, еще до созыва Чрезвычайной Лоя джирги и принятия нового Основного закона страны был разработан ряд документов о выборах: «Положение о наблюдении за проведением выборов депутатов в Лоя джиргу» и «Процедура выборов депутатов в Лоя джиргу». Избирательный закон, выработанный на основе нового Основного закона 2004 г., предусматривает участие женщин во многих сферах жизни страны. Примером служит участие избранных различных регионов в недавно состоявшейся Чрезвычайной Лоя джирге, затем в конституционной Лоя джирге, утвердившей новый Основной закон. Таким образом, в новом законе в отличие от прежних положений о выборах значительно более полно кодифицируются процедурные правила, регулирующие подготовку и проведение избирательных кампаний (в том числе создание избирательных округов и комиссий, составление списков избирателей, порядок регистрации кандидатов для баллотировки, процедура голосования, правила подачи и рассмотрения жалоб в случае нарушения избирательных прав). Резюмируя вышеизложенное, можно отметить следующее:

1. Лоя джирга является исторически сложившимся органом в социально-политической жизни афганского народа;
2. Она никогда не была ограничена определенным временем и местом ее созыва, а также количеством участников;
3. Существовали и существуют поныне три вида этого органа: общенациональная, племенная и местная джирга, каждая из которых обсуждает и принимает решения по определенному кругу вопросов;

4. Решения Лоя джирги являются обязательными для правительства в осуществлении внутренней политики и разработке важных законопроектов;

5. Из чисто мужского представительного собрания к участию в джирге привлекались отдельные представительницы, а в настоящее время Основным законом страны предусматривается широкое участие в ней афганских женщин;

6. Если в прежние периоды в джирге участвовали в основном представители привилегированных классов общества, то в настоящее время к участию в ее работе полнее привлекаются самые различные слои афганского общества.

Для того, чтобы более наглядно представить ход развития и круг вопросов, рассматриваемых Лоя джиргой, мы приводим краткий хронологический обзор ее деятельности за 255 лет.

Октябрь 1747 г.

Джирга, определившая судьбу нового государства Афганистан, состоялась после убийства Надир-шаха Афшара в октябре 1747 г. в Надирабаде (у Кандагара), в мазаре Шир-Сурх. Джирга заседала восемь раз, но без всяких результатов. Согласно афганской исторической традиции, когда джирга собралась в девятый раз, авторитетный богослов Сабир-шах предложил избрать Ахмад-хана Садозая правителем страны. Большинство голосов Ахмад-хан был избран шахом Афганистана.

Ноябрь 1841 г.

Джирга состоялась накануне восстания племен против английских завоевателей 2 ноября 1841 г. в Кабуле. В ней участвовали 12 человек. Мухаммад Заман-хан (племянник эмира Дост Мухаммад-хана) был избран руководителем восстания, его заместителем – Аминуллахан Логари. Согласно решению джирги, 2 ноября было объявлено днем восстания.

1865 г.

В Кабуле эмиром Шер Али-ханом была созвана Лоя джирга с целью привлечения поддержки народных масс и укрепления безопасности страны. В ней участвовали 2000 представителей. Председательствовал сам эмир, который стремился осуществить две цели: во-первых, объявить своего семилетнего сына Абдуллу своим наследником, во-вторых, заручиться поддержкой народа.

Август 1914 г.

Во время Первой мировой войны в Афганистане находилась миссия Германии, Австрии и Османской Турции, которая стремилась привлечь Афганистан в качестве союзника в войне против Англии. Однако эмир Хабибулла на джирге, состоявшейся в Кабуле 24 августа 1914 г., в которой участвовали 540 представителей, провозгласил нейтралитет своей страны.

1922 г.

Летом была созвана Лоя джирга в г.Джалалабаде, на которой в основном обсуждались экономические проблемы страны. Джирга заседала в течение 10 дней. В ней участвовали 1504 делегата. На этой джирге был обсужден Кодекс (Основной закон) и одобрен эмиром Амануллой.

1924 г.

На очередной Лоя джирге эмир Аманулла был вынужден отказаться от части реформ после подавления восстания племен в Хосте, недовольных реформаторской политикой режима.

1928 г.

В августе была созвана Лоя джирга в пригороде Кабула, в Пагмане. В ней участвовало почти 1000 делегатов. Король Аманулла предложил участникам джирги новую серию социальных и политических реформ, вызвавших серьезные разногласия среди делегатов. В итоге радикализация реформаторской политики привела к антиправительственному восстанию.

1930 г.

После падения режима Амануллы-хана и восшествия на престол Мухаммада Надир-хана была созвана очередная Лоя джирга в Кабуле; в ней участвовал 301 представитель. Она длилась десять дней; Джиргу открыл сам Надир-хан; председательствовал его брат, премьер-министр Мухаммад Хашим-хан. На заседании джирги был обсужден проект Закона о выборах в Национальный совет, о количественном составе и процедуре проведения выборов представителей в провинциальные советы, о восстановлении отмененных Амануллой орденов, титулов и церемониала и другие вопросы государственного строительства.

Ноябрь 1941 г.

Лоя джирга состоялась в Кабуле и длилась два дня. Ее заседание было посвящено выработке внешнеполитической линии в сложных условиях Второй мировой войны; был подтвержден курс полного нейтралитета Афганистана и принято постановление о выдворении агентуры Германии, Италии и Японии из страны по требованию правительств СССР и Великобритании.

Ноябрь 1955 г.

Лоя джирга была созвана в разгар обострения афгано-пакистанских противоречий. На ней было принято решение поддержать право зарубежных пуштунов на самоопределение. В ней участвовал 371 делегат.

Сентябрь 1964 г.

В Кабуле состоялась последняя джирга в период правления короля Мухаммада Захир-шаха. Джирга длилась 10 дней. В ней участвовали 452 представителя. Обсуждался проект нового Основного закона, по которому предусматривалось раздельное функционирование трех ветвей власти, подтверждались принципы национального суверенитета, гражданские права и свободы – неприкосновенность жилища и собственности, свобода слова, печати, собраний, свобода ме-

стожительства и передвижения. Важным новшеством Конституции явилось право на создание политических партий.

1977 г.

В январе после образования Республики Афганистан в 1973 г. глава государства Мухаммад Дауд созвал джиргу в Кабуле 1977 г. На ней была принята новая, республиканская конституция и избран президент Республики. Им стал Мухаммад Дауд.

Ноябрь 1987 г.

В условиях правления однопартийного режима во главе с Народно-демократической партией Афганистана на заседании Лоя джирги была принята новая конституция, и лидер НДПА Наджибулла был избран президентом. Джирга подтвердила курс на национальное примирение.

10–16 июня 2002 г.

В Кабуле состоялась Чрезвычайная Лоя джирга. На ее заседаниях было сформировано Переходное правительство Афганистана во главе с Хамидом Карзаем, который также стал главой государства.

14 декабря 2003 г. – 4 января 2004 г.

В Кабуле была созвана конституционная Лоя джирга, утвердившая новый Основной закон Афганистана. Страна получила название «Исламская Республика Афганистан».

¹ Джирга – заседание, совещание, собрание, конференция; Лоя джирга – Большая джирга, представительный орган в Афганистане для решения наиболее важных государственных вопросов.

² Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 гг.). – М., 2002.

³ «Ангиза». Культурный центр посольства Афганистана в РФ. – 2004, № 1.

⁴ Ахгар С.А. История Лоя джирги в Афганистане. – М., 2002.

⁵ Массот В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. Т. I-II. – М.: Наука, 1964–1965.

⁶ «Ангиза». Культурный центр посольства Афганистана в РФ. – 2004, № 1.

АФГАНСКИЕ КИРГИЗЫ

Расселение большинства этнических киргизов на территории Афганистана относится в основном к 1930-м гг. Хотя в литературе нашли отражение и факты – различной степени достоверности – более раннего появления киргизов на территории современного Афганистана. А.Н.Бернштам пишет о том, что «в XVII веке киргизы распространили свою власть на Памир, заняв в 1653 г. Кара-Тегин и Гиссар, затем дошли даже до Балха, т.е. Афганистана, где и поныне имеются группы киргизской народности»¹.

На Памир киргизские роды переселялись большей частью в XIX вв. Киргизы рода кесек были выдавлены из Каратегина на Памир войсками кокандского хана Мухаммада Али в 1834 г., заселив преимущественно Большой Памир и Аличурскую долину². Уже после бегства киргизов из пределов Российской империи в Китай (в Сарыкольскую долину и Кашгар) в результате подавления восстания 1916 г. в 1920-х гг. часть их вернулась в район Малого Памира. Период 1920–1950-х гг. характеризуется уже столкновениями в приграничных районах между китайскими, советскими и памирскими (афганскими) киргизами³.

Наиболее известный факт – переселение части рода *сары тейит* во главе с признанным лидером киргизов Рахманкул-ханом с Мургаба⁴ на Малый и Большой Афганские Памиры. Результатом разгрома басмаческого движения стала эмиграция на территорию Афганистана многих сотен тысяч таджиков, узбеков, туркмен. В этом же контексте необходимо, вероятно, рассматривать и эмиграцию киргизов с Мургаба. Ваханские киргизы довольно активно участвовали в басмаческом движении. Например, 30 октября 1941 г. начальник Управления пограничных войск СССР докладывал руководству страны о боевых столкновениях на советско-афганской границе, произошедших в сентябре-октябре 1941 г.

Характеризуя самого Рахманкул-хана, Реми Дор пишет: «Рахманкул был героем многих удачных экспедиций в СССР и Китай», имея в виду грабительские приграничные набеги – *барымта*, в которых киргизы не видели ничего предосудительного, считая их обычным и весьма выгодным промыслом⁵. Рахманкул-хан – выходец из семьи мургабского минбаши⁶ – довольно быстро сумел установить хорошие связи с королевским афганским режимом. Весьма грамотный, владевший кроме родного языка узбекским, урду, дари, немного

русским и английским, он был первым и последним представителем афганских киргизских племен на Лоя джирге 1964 года.

В 1964 г. королем Мухаммадом Захир Шахом был установлен особый статус киргизов Афганского Памира. Они были освобождены от уплаты налогов и службы в армии. Главной их обязанностью была определена охрана участка границы с Китаем. Афганский король даже присвоил Рахманкул-хану титул «пасбан-е Памир» – «защитник Памира» – в знак признания его роли в обеспечении безопасности северо-восточной границы страны. Этот фавор легко был объяснить: малонаселенность и труднодоступность, а также сложные природные условия восточной части Ваханского региона не вызывали встречных территориальных претензий кого-либо из локальных афганских лидеров. Кочевники-киргизы не составляли конкуренции и памирцам-ваханцам, поскольку те не использовали пастбищ, занятых теперь киргизами, а киргизы и не пытались вытеснить памирцев с возделываемых теми речных пойм и горных террас. Другими словами, на Памире киргизы Рахманкул-хана заняли естественную социально-экономическую нишу, заодно, будучи лояльными к кабульским властям, они обеспечивали афганскому правительству относительную подконтрольность этой периферийной территории.

Летом 1978 г., не приняв изменений, начавшихся в Афганистане после победы саурской (Апрельской) революции, Рахманкул-хан со своими кочевьями эмигрировал в Гилгит и Хунзу (Пакистан). Обращение к правительству США с просьбой о переселении киргизских кочевников на Аляску после долгих обсуждений оказалось безрезультатным, и в 1986 г. Рахманкул-хан и его люди переселились в Турцию, в окрестности озера Ван. Другой лидер киргизов Абдуррашид-хан (Абдрашит Оогонбек уулу) и примерно 50 семей отказались следовать за Рахманкул-ханом в Турцию. Они предпочли вернуться в Афганистан и впоследствии вернули под свой контроль часть пастбищ на Малом Памире.

Еще одну группу вернувшихся на Памир афганских киргизов возглавлял некий бай Апанди. Численность киргизов, вернувшихся на Малый Афганский Памир, никогда никем не подсчитывалась. Отдельные киргизские семьи остались на территории Кашмира, в районе Гилгита, Хунзы, расселившись постепенно в области пакистанского Читрала и по всей Северо-Западной пограничной провинции вплоть до Пешавара. Каких-либо компактных мест проживания киргизов в названных местах не упоминается ни в литературе, ни в устных рассказах жителей приграничных с названными районами местностей Афганистана.

Диффузное расселение этнических киргизов, происходившее в разное время на протяжении нескольких веков (помимо компактного размещения в Ваханском «коридоре») – факт достаточно очевидный. Он был, например, зафиксирован в многочисленных беседах автора настоящей публикации со многими афганскими официальными лица-

ми в разное время на протяжении 1990-х гг. Среди мест некомпактно-го проживания киргизов, сохранивших в той или иной степени свою этническую идентичность, называются уезды (улусвали) Зебак, Иш-кашим, Джурм, Дарваз, Шугнан, Мунджан, Яван, Иносай, Вардудж и другие⁷. К интересным выводам в этом плане могло бы, вероятно, привести и исследование топонимики, прежде всего, конечно, Бадахшана, а также Тахара и Кундуза. Так, в провинции Тахар существует даже уезд, который так и называется – Киргиз.

Определенная часть дисперсно расселенных афганских киргизов в разное время на протяжении XIX–XX вв. переехала на афганскую территорию из китайского Синьцзяна. В апреле 2002 г. автору довелось встретиться с одним из представителей этой части (синьцзянского происхождения) афганских киргизов – Абдул Азизом, сыном муллы Баки, проживающим со своей семьей в кишлаке Шувал-Дара в уезде Ишкашим провинции Бадахшан, примерно в 20 км от автодороги Ишкашим-Файзабад. Основное население кишлака – около 15 семей – составляют таджики и ассимилированные уйгуры. Уйгурские семьи и семья Абдул Азиза переселились в афганский Бадахшан около 1940 г. из района Кашгара. Жена Абдул Азиза – из памирских киргизов, на Памире же замужем две его дочери. Интересно отметить, что афганские киргизки сохраняют здесь более демократический статус, свойственный женщинам традиционного общества в кочевой среде. Женщины из семьи Абдул Азиза у себя в Шувал-Даре не носят чадру. Она надевается ими в редких случаях, когда приходится выезжать в крупные населенные пункты с преимущественно суннитским населением. Вероятно, такому положению способствует аналогичное отношение к женщинам, свойственное исмаилитам, которые в регионе составляют значительную часть населения.

В вышеуказанных уездах Бадахшана проживает не менее 100 киргизских семей. Несколько десятков семей, также эмигрировавших из под Кашгара, в разное время переселились в провинции Тахар, Кундуз и Балх (в том числе в г. Мазари-Шариф). Афганские киргизы, дисперсно расселенные в северо-восточных афганских провинциях, двуязычны, киргизский язык применяется, как правило, только в семье. Анализ разговорной речи не обнаруживает заимствований из пушту, что объясняется, вероятно, географической изолированностью и отсутствием каких-либо близких контактов, пассивным общением киргизов с афганцами-пуштунами, которые проживают в Бадахшане⁸. В отличие от языка одежда и быт киргизов, проживающих в Бадахшане, сохранили малое число национальных идентификационных признаков. Поэтому по внешним приметам выделить киргизов из основной массы афганского населения, особенно в городах и крупных кишлаках, практически невозможно.

В литературе иногда называются те или иные численные показатели этнических киргизов в Афганистане, которые обычно довольно

сильно разнятся между собой. Большие сомнения вызывает указываемая в ряде современных источников численность киргизов – 15 тысяч человек. Такими данными по численности киргизов в Афганистане оперирует МИД Киргизии. Вообще по поводу численности афганских киргизов в литературе встречаются чрезвычайно разнообразные оценки: от 1,8 до 25 тысяч человек⁹. Учитывая приблизительность любых данных по этническому составу населения Афганистана, трудно говорить о фиксированной численности даже пуштунов, еще менее обоснованными представляются какие-то конкретные данные по столь малой диаспоре, как киргизы.

Основной отраслью хозяйства афганских киргизов является полукочевое скотоводство, частично – земледелие. К афганским киргизам можно в полной мере отнести утверждение Е.Е.Кузьминой о том, что для народностей, переселявшихся на территорию Афганистана, был характерен оседлый или полuosедлый тип скотоводческо-земледельческого хозяйства с разведением при зимнем стойловом содержании преимущественно крупного, в меньшей мере мелкого рогатого скота, а также лошадей и отчасти верблюдов¹⁰. Так, упоминавшийся выше Абдул Азиз занимается выращиванием пшеницы, ячменя, проса, а также разведением коров, яков и коз. Скот, как правило, продается на территории Читральского региона Северо-Западной пограничной провинции Пакистана, а также в регионе Гилгита и Хунзы в Кашмире. Учитывая почти полное отсутствие системы пограничного контроля на линии афганско-пакистанской границы в этом регионе, перегон скота и регулярные перекочевки на пакистанскую территорию большого труда не представляют.

По некоторым сообщениям, до 90% киргизских кочевников, населяющих Ваханский проход, занимаются наркоторговлей и сами являются потребителями опиума¹¹. Данное направление (Пешавар – Читрал – Вахан – Горно-Бадахшанская АО Республики Таджикистан – Ош – страны СНГ) в период 1990-х гг. было одним из основных для незаконной транспортировки героина и опиума. «Несмотря на серьезные заявления пакистанских властей о решительной их борьбе с незаконным оборотом наркотиков, Читральский регион этого государства в производстве наркотических веществ, ориентированных в пределы СНГ, играет весьма существенную роль.... Героин в основном перебрасывают из населенного пункта Шах-Селим, через перевал Дора-Ан (Тупхома) в Зебакское алакадарство и Ишкашимское улусвали, а также через Барогиль¹² в Ваханский уезд... Затем с серьезным риском для жизни наркотики переправляются контрабандистами на сопредельную территорию, где опять же скупаются наркокурьерами и транспортируются в центральные районы»¹³.

Весной 2000 г. тогдашний заведующий международным отделом администрации президента Киргизии Аскар Айтматов сделал публичное заявление о том, что старейшины киргизской диаспоры в Афгани-

стане направили в адрес правительства Киргизии просьбу о переселении их на историческую родину¹⁴. Афганских киргизов предполагалось переселить в район Сары-Таша на Алае. В то же время уже в начале 1990-х гг. незаконный транзит наркотиков по Памирскому тракту Ош–Хорог был взят под контроль международными криминальными группировками. Перевозка небольших партий наркотиков в условиях тяжелой социально-экономической ситуации являлась источником доходов для очень широких слоев населения как Горно-Бадахшанской АО (ГБАО) Таджикистана, так и Ошской области Киргизии. Наибольшее раздражение местного населения, участвующего в транспортировке наркотиков, в разные периоды в 1990-х гг. вызывал пограничный контроль в спецкомендатуре «Сары-Таш», которая находится непосредственно на трассе Ош–Хорог, являющейся единственным наземным маршрутом из Бадахшана, действующим круглый год. В здешние края – не менее важные с точки зрения криминальных структур, занятых транспортировкой наркотиков, нежели нынешнее место проживания афганских киргизов, – последних и предполагалось переселить¹⁵. «Сары-Таш» – это и опорный пункт на левом фланге и без того чрезвычайно сложной киргизско-таджикской границы. Учитывая, что в центральноазиатском регионе уже окончательно утвердилась общая для всех стран мира тенденция, согласно которой районы производства и транзита наркотиков совпадают с зонами конфликтов низкой и средней интенсивности, любые изменения в столь сложном районе, как Сары-Таш, могли стать причиной серьезной дестабилизации ситуации. Впрочем, дальнейшего развития указанная инициатива по переселению не получила.

Вопрос о возможности переселения афганских киргизов в Кыргызстан, на наш взгляд, является довольно спорным. Согласно опросным сведениям автора, большинство афганских киргизов отказывается менять нынешние места проживания на неизвестную для них историческую родину. Обращения к правительству Киргизии исходили от престарелого Абдуррашид-хана, но не от основной массы афганских киргизов. Численность киргизов, проживающих компактно в Ваханском «коридоре», к настоящему времени не превышает 250 семей, вполне нашедших свою нишу в местном социуме. Так, например, один из молодых лидеров ваханских киргизов, некий Абдурахим возглавляет в настоящее время военный отряд, выполняющий функцию пограничной охраны на прилегающем участке афганско-китайской границы¹⁶.

Ваханский проход является совершенно уникальным плацдармом с выходами сразу на несколько стран и регионов, и без того нестабильных: к верховьям Вахандарьи – в Ак-Суйский район Синцзян-Уйгурского Автономного Района КНР, через ГБАО Республики Таджикистан – в Каратегинскую зону, оттуда – в Ферганскую долину¹⁷. Используя Ваханский проход, радикальные пакистанские группировки получают в кашмирском конфликте возможность действий с севера в

направлении Гилгита и Хунзы¹⁸. В силу этих обстоятельств предложение о переселении афганских киргизов на Сары-Таш вызывает серьезные сомнения. Кабул также отрицательно относится к инициативе по репатриации ваханских киргизов. Реализация репатриационной идеи Бишкека может стать серьезнейшим дестабилизирующим фактором для очень широкого субрегионального пространства.

Вопрос о возможной репатриации афганских киргизов имеет и важный социокультурный аспект. Большинство взрослого мужского населения среди афганских киргизов, живущих в провинции Бадахшан, грамотны. Все они, помимо сохранения киргизского языка на бытовом уровне, владеют дари (фарси), многие говорят на памирских наречиях. Большинство умеет читать и писать, используя довольно легко арабскую графику. Дети учатся в школах на языке дари. В условиях Кыргызстана все они автоматически становятся, по сути, неграмотными. Совершенно определенно можно констатировать как свершившийся факт некий цивилизационный разрыв, существующий между киргизской афганской диаспорой и жителями Кыргызстана. Резкая смена социокультурной среды может оказаться для афганских киргизов чрезвычайно серьезной социально-психологической проблемой с весьма негативными последствиями.

Очередная актуализация темы этнических афганских киргизов относится уже к 2002 г. Глава департамента миграции МИД Толен Турганбаев сделал заявление о том, что в стране будет сформирован Фонд миграции, призванный помочь переезду этнических киргизов из Афганистана. По его словам, специальная комиссия оценивает, в какие финансовые затраты это может вылиться, и после завершения подсчетов Кыргызстан сможет обратиться за помощью в Международную организацию миграции (МОМ). Однако в 2001–2002 гг. Кыргызстан не смог заплатить МОМ ежегодные взносы, и вопрос об афганских киргизах больше не поднимался. Судя по всему, спонтанное обращение государственных чиновников различного уровня Киргизии к проблеме этнических киргизов в Афганистане является лишь популистским приемом, призванным продемонстрировать заботу государственных структур о судьбе диаспоры в интересах текущей внутренней и внешней политики.

¹ Бернштам А.Н. Историческое прошлое киргизского народа // Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории киргизов и Кыргызстана. Том II. – Бишкек: Айбек, 1998, с. 517.

² Кисляков Н.А. Очерки по истории Каратегина. – Сталинабад, 1954. Н.А.Кисляков ссылается также на местные предания, согласно которым некий Шах-Кыргыз, с малых лет живший при узбекском дворе в Балхе, в качестве вассала узбеков был назначен владельцем области Хуталлян-Кала-и-Хум (соврем. Калай-Хумб) и ему удалось на некоторое время объединить под своей властью Дарваз, Бадахшан, Рушан, Шугнан и Каратегин. Неясными остаются как происхождение самого Шах-Кыргыза, так и наличие в его

владениях собственно киргизов. Кроме того, В.В.Бартольд приводит свидетельство Махмуда ибн Вали о пребывании киргизов на Памире в первой половине XVII в., но и здесь неясны характер и, главное, продолжительность их пребывания. – Бартольд В.В. Таджики. Соч., т. II, ч. I. – М., 1963, с. 464.

³ Разделение киргизов Тянь-Шаня и Восточного Туркестана началось с включения последнего в 1759 г. в состав Маньчжуро-Цинской империи. В целом же англо-российские договоренности 1869–1873 гг. об установлении границы по верхнему и среднему течению Пянджа и Амударьи, а также окончательное закрепление власти Пекина в Синьцзяне и становление российско-китайской границы стали началом постепенного сокращения кочевков киргизских родов между Мургабом, Кашгарией и Ваханским «коридором». – Remy Dor. Un regime politique original, le statut du chef kirghiz Rahman Kul dans l'Afghanistan monarchique // Труды института мировой культуры. Выпуск III. Государственность и религия в духовном наследии Кыргызстана. – Бишкек-Лейпциг: Илим, 2003, с. 117.

⁴ Киргизам Мургаба и других регионов Таджикистана уделено достаточно много внимания в литературе. См. например: Кыргызы и Кыргызстан: опыт нового исторического осмысления. – Бишкек: Илим, 1994, с. 273–276; Керимбекова Н., Конкобаев К., Мокрынин В., Плоских В., Шаршеналиев Ж. Кыргызская диаспора за рубежом. – Фрунзе, 1992.

⁵ Remy Dor. Un regime politique original, le statut du chef kirghiz Rahman Kul dans l'Afghanistan monarchique // Труды института мировой культуры. Выпуск III. Государственность и религия в духовном наследии Кыргызстана. – Бишкек-Лейпциг: Илим, 2003, с. 118.

⁶ Род Рахманкул-хана относился к числу известных во властной иерархии киргизов рода *сары тейит*, его предки Ажы Жабаркул, Ходажар, Касымбек, Атанбек, Авалбек и другие являлись *минбаши*.

⁷ Среди этих информаторов – бывший президент Афганистана Бурхануддин Раббани, министр иностранных дел Афганистана Абдулла Абдулла, сотрудники афганского МИД Амирулла-хан, Мухаммад Асим Сухиаль и другие. Записи находятся в личном архиве автора.

⁸ Бакинова Г. Лексика диалектов киргизского языка в ареальном освещении. – Фрунзе, 1990, с. 53.

⁹ Shahrani C.N. Kirghiz and Wakhi of Afghanistan: adaptation to closed frontiers. Seattle: London University of Washington Press, 1979, с. XXI.

¹⁰ Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М., 1994, с. 163–223.

¹¹ Kreutzmann Hermann. Hard times on 'the roof of the world'. The forgotten Kyrgyz nomads of Afghanistan's Pamir mountains // Frankfurter Rundschau online. URL: <http://www.fr-actuell.de/english/401/t401005.htm>

¹² Значение Барогиля отмечается офицером Генерального штаба Российской армии Д.В. Путяттой. (Очерк экспедиции ГШ капитана Путятта в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан в 1883 г. СМА, вып. 10. СПб, 1884, с. 60–61.

По: Русские путешественники в Афганистане / Сост. Колесников А.А., Харатишвили Г.С. Душанбе: Дониш, 1988, с. 123).

¹³ Попов В. Афганистан сажает Европу на иглу // Независимая газета. № 233 (2295), 08.12.2000.

¹⁴ РИА «Новости». М., 16.10.2000.

¹⁵ Князев А. Смутные времена на «крыше мира». Вернутся ли афганские киргизы на историческую родину? // Независимая газета. № 229 (2291), 02.12.2000.

¹⁶ Запись соответствующего разговора от 20 апреля 2002 года с губернатором провинции Бадахшан Сейидом Амином Таррахом хранится в личном архиве автора.

¹⁷ По мнению исследователя уйгурского вопроса Джастина Рудельсона, уйгурские антиправительственные выступления под исламскими лозунгами изначально провоцируются из Ферганской долины. Более того, исторически западные и северные территории Таримской впадины (Кашгар–Яркент) тяготеют к Западному Туркестану, особенно к Ферганской долине, к городам Андижану, Намангану, Коканду, Ошу. – Рудельсон Дж. Уйгуры и будущее Центральной Азии // МЭМО. М., 1994, № 8–9, с.103. Правитель Йеттишаара Якуб-бек имел даже, как известно, ферганское происхождение.

¹⁸ Warikoo K. Central Asia and Kashmir. A study in the context of Anglo-Russian rivalry // GIAN Publishing House. New-Delhi. 1989, с. 101–107.

ИСМАИЛИТЫ В АФГАНИСТАНЕ

В августе-сентябре 2002 г. состоялась первая за последние десятилетия экспедиция группы сотрудников Института востоковедения РАН в афганскую провинцию Бадахшан. В северо-восточных провинциях Афганистана российские ученые не работали уже много лет. Одна из проблем связана с труднодоступностью этих высокогорных регионов. Но в первую очередь исследователи, занимающиеся изучением северо-востока Афганистана, были лишены возможности проводить здесь полевые исследования в связи с политическими проблемами.

Напряженность на бадахшанском участке афганской границы стала усиливаться в конце 1970-х годов. В это время с усилением советского влияния в северных провинциях Афганистана, в бадахшанских районах Ишкашим, Бахарак, Дарваз, в г. Файзабаде начались выступления оппозиции. В октябре 1979 года в районе Ишкашима уже действовала группа мятежников: около 400 человек на лошадях, вооруженные стрелковым оружием, напали и захватили селения Бахарак и Зебак. Они взрывали дороги и линии связи, сообщение со столицей Бадахшана г. Файзабадом было прервано. При советской поддержке началось вооружение местного населения приграничной зоны – 2 ноября 1979 года в аэропорт «Хост» прибыл самолет с оружием для афганской пограничной роты, расположенной в районе Шугнана. 3 ноября оружие было роздано населению кишлака Кала-и бар Пандж.

Тем временем обстановка на границе продолжала накаляться. 19 ноября 1979 года Центральный Комитет Компартии Таджикистана принял постановление № 352 по оказанию помощи погранвойскам СССР в создании пунктов размещения беженцев из пограничных районов Афганистана в районе таджикского населенного пункта Рошкала. Весь ноябрь и декабрь в афганском Бадахшане велись боевые действия. Мятежники, получавшие оружие, боеприпасы и продовольствие из Пакистана, объявили своей целью создание отдельной исламской республики на территории Бадахшана.

В 1980-м году активные действия мятежников начались в районе афганского Дарваза. Численность моджахедов, собравшихся здесь, достигла тысячи человек. Они объявили себя Северным фронтом борьбы за свержение власти НДПА и установление исламской республики. Минировались дороги, проводились обстрелы сопредельной

советской стороны и пограничных нарядов. Обстановка оставалась такой же напряженной и в 1981–1983 годах. С середины 1980-х в приграничных районах активизировалась деятельность спецслужб США, Пакистана и Китая, использовавших сложившуюся ситуацию для проведения разведывательной деятельности против СССР.

Постепенно к концу 1980-х, особенно в связи с ухудшившимся социально-экономическим положением населения афганского Бадахшана, здесь начали создаваться контрабандные тропы по переброске наркотиков на территорию советских республик. Сперва наркотики просто выменивались на предметы первой необходимости у жителей приграничья. Но в последующие десять лет сбыт наркотических товаров был поставлен на поток, а в развалившемся СССР были налажены центры сбыта, и государства СНГ, и Россию захлестнул поток наркотиков, ввозимых из Афганистана и Пакистана.

После вывода советских войск в 1989 году в Афганистане продолжалась гражданская война. В 1991 г. боевые действия в афганском Бадахшане велись прямо в приграничной с Таджикистаном полосе. Уезды бадахшанской провинции переходили в руки моджахедов, ставленники президента Наджибуллы были вынуждены спасаться бегством. Для того, чтобы скрыться от преследований, более 120 человек из государственных органов власти провинции Бадахшан перешли границу и попросили убежища в СССР. В связи с дестабилизацией власти в Шугнанском и Ишкашимском уездах охрана границы со стороны Афганистана была почти прекращена, участились переходы нарушителей через Пяндж на таджикскую сторону, размах контрабандных сделок все более увеличивался. В том же 1991-м году, кроме политических беженцев, пограничниками были задержаны на территории Горно-Бадахшанской Автономной Области около 200 нарушителей-контрабандистов. Несколько лет понадобилось провинции Бадахшан для того, чтобы восстановить свою пограничную службу.

В начале 1990-х, после распада Советского Союза, началась гражданская война в Таджикистане. Тысячи таджикских беженцев устремились через границу в Афганистан. Из Афганистана в Таджикистан хлынул поток оружия и вооруженных групп для участия в боевых действиях на территории Таджикистана. Все более нагнеталась криминальная обстановка на линии границы. Российские пограничники, оставшиеся здесь по межгосударственному соглашению между Таджикистаном и Россией от 1993 года, стали большой помехой в межэтнических и внутривнутриполитических процессах, происходящих в двух государствах. Пограничные наряды подвергались обстрелам, российских военнослужащих захватывали в заложники.

В 1993–1996 годах мне приходилось неоднократно выезжать на таджикско-афганскую границу в качестве военного корреспондента и

быть свидетелем событий, происходивших в афганском и таджикском приграничье.

Благодаря подписанию Межтаджикского соглашения в 1997 году и установлению мира в Таджикистане, а также проведенной антитеррористической операции в Афганистане для ученых появилась реальная возможность работать в афганских провинциях.

В 2002 году во время экспедиции ИВ РАН первая переправа в афганский Бадахшан была осуществлена в его восточной части – Ишкашиме. Вторая поездка в столицу провинции Бадахшан город Файзабад проходила через высокогорные районы у озера Шева и начиналась от уезда Шугнан.

Большую помощь нам оказали сотрудники Хорогского государственного университета и НИИ гуманитарных исследований Академии Наук Таджикистана, а также представители Исмоилитского центра по образованию и культуре (ITREK) и Программы гуманитарной помощи Организации Имама исмаилитов Ага Хана IV «Focus». Благодаря сотрудникам этих международных организаций мы смогли вести исследования в бадахшанских селах, получать достоверную информацию о разных сферах жизни исмаилитской (во многом закрытой) религиозной общины.

На афганской стороне мы, собственно, «незванные гости», были встречены с дружеским участием как представителями официальных органов власти, так и простыми жителями. Нас сразу же предупредили: «Вы можете задавать вопросы на любые темы, кроме политических. На политические темы говорить запрещено». Однако любая проблема, которой бы мы ни касались, была связана с политическим положением в стране. С первых шагов политика встретила нас в виде женской чадры. Чадра, или паранджа – явление совершенно нехарактерное для Бадахшана. Даже в конце XIX в. первые русские путешественники по Бадахшану отмечали большой либерализм в отношениях между мужчинами и женщинами и называли эту провинцию едва ли не «царством матриархата». Местные жители объяснили нам, что чадра у них появилась в последние десять лет – после того, как пламя гражданской войны дошло до Бадахшана. Исмоилитки сами переняли обычай носить чадру у соседей-суннитов для того, чтобы чувствовать себя хоть в какой-то степени защищенными. До более отдаленных мест, например, до афганского Шугнана этот обычай не успел дойти, и женщины здесь по-прежнему ходят с открытыми лицами.

Иностранки здесь не имеют права облачаться в чадру. В случае, если гражданка другого государства на территории Афганистана укроется под чадрой, ее могут осудить по законам шариата. Нам не удалось выяснить, когда был введен такой закон, возможно, он связан с периодом гражданской войны – тогда немало западных журналисток, среди которых были и разведчицы, пострадали из-за того, что пытались выдавать себя за коренных жительниц. После того, как мы прожили в Ишкашиме несколько дней, женщины окрестных селений

перестали прятать от нас свои лица – они уже не воспринимали нас как чужаков, от которых исходила бы опасность.

Провинция Бадахшан – четвертая по площади в Афганистане, занимает 47400 кв. км. По данным переписи 1989 года, в ней проживало 585 тысяч человек¹. Население северного приграничья, по данным информаторов автора в гуманитарных организациях провинции, в 2002 году составляло 249317 человек.

В большинстве селений, где проходила наша работа, живут исмаилиты. Исмаилизм – ответвление шиитского ислама, возник на раннем этапе истории исламской цивилизации. На Памире исмаилизм укрепился в XII-XIII в., одним из наиболее действенных его проповедников здесь стал Насир-и Хосроу.

Именно традиции, заложенной со времен Насир-и Хосроу, исмаилиты Бадахшана следовали вплоть до начала XXI века. Много веков назад была разработана иерархическая система управления общиной, состоящая из семи ступеней, согласно которой на верхней ступени находится Имам времени, за ним следует *худжат*, *даи*, *муаллем ас-садык*, *маазун-и акбар* (в иерархии исмаилитов Афганистана – пир), *маазун-и асгар* (или *халифа*) и *мустаджиб* (*мюрид* – рядовой верующий). Именно по этой нисходящей цепочке в общину передавались наставления Имама времени. *Пир*ы и *халифа* сохранялись в Афганистане вплоть до 2002 года, их должность была не выборной, а наследственной. И молодые образованные мюриды уже были недовольны, что пиром становится не тот, кто лучше образован, хорошо осведомлен в религиозных вопросах, а только сын пира. Как говорили наши респонденты: «Сейчас обязанностями пиров являются только сбор и расход *закята*, никакой другой работы у них нет». Исмаилиты Афганистана собирают закят один раз – осенью, и он составляет 10% от всего собранного урожая. Причем, как говорили жители Ишкашима, чаще всего закят расходовался пирами по своему усмотрению. В момент нашей экспедиции мы стали свидетелями ломки этой традиционной многовековой системы.

За последние 10 лет в социальной и политической жизни Бадахшана произошли большие перемены. Но больше всего эти перемены коснулись духовной и религиозной жизни исмаилитской общины. В 1986 году была издана новая Конституция – основной закон для исмаилитов во всем мире. Но вплоть до 2002 года в исмаилитской общине Афганистана эта конституция не была принята. Основная причина этого, как считают сами афганские исмаилиты, заключена в том, что в Афганистане шла гражданская война. Имам исмаилитов не мог координировать и направлять жизнь своих мюридов в этой стране. Только в середине 1990-х годов состоялся первый *дидар* (встреча с Имамом) для исмаилитов афганского Бадахшана, во многом благодаря тогдашнему президенту Афганистана Бурхануддину Раббани. Исмаилиты считают, что, несмотря на стесненные географические и политические условия,

визит Имама дал им огромный импульс для дальнейшего развития. «Имам принес нам духовную силу», – говорят они.

После этого визита в Афганистан начали поступать фирманы Имама. Исмaилиты поняли, что в их религиозные обряды и нормы учения можно внести изменения, согласно фирманам, а не выполнять слепо указания пиров и халифов, как это было раньше. Как говорят верующие, «мы сейчас подчиняемся напрямую Иمامу».

11 июля 2002 года исмаилиты Бадахшана получили фирман от Имама Ага Хана IV о реформе старой системы на основании Конституции исмаилитов. Главным в документе было сообщение об упразднении должности пиров в афганской общине.

Кроме того, фирман давал разрешение на строительство в каждом селе своего молитвенного здания – *джамаат-хана*. Пира в общине с этого момента должен был заменить *муки*, который становился старшим в каждой общине – *джамаате*. Таким образом, с одной стороны, упразднились должности и наследственные привилегии пиров, с другой стороны, каждая сельская община получала своего рода «старосту», имевшего более быстрый доступ к верховному руководству исмаилитской общины, что могло способствовать доведению фирманов Имама до каждого члена джамаата. Следующим за *муки* в иерархической структуре религиозной общины исмаилитов Афганистана продолжает оставаться *халифа*, который отвечает за правильность исполнения свадебных церемоний и похоронных обрядов, а также традиционных мусульманских праздников. Халифа может также выступать за проповедью в джамаат-хана и разъяснять людям суть исмаилитского учения.

Как сказали нам в ишкашимском уезде, на момент издания фирмана в Бадахшане было более 10 пиров. Наиболее уважаемым считался тот, у кого было больше последователей-мюридов. К таковым жители Ишкашима относят пира из селения Зебак Шах Абу-ль Маани. Пиру 55 лет, он пользуется большим уважением у населения и, как говорят его приверженцы, имеет более 1000 мюридов не только в Афганистане, но и в соседних Пакистане (Читрале, Гилгите) и Таджикистане (Дарвазе, Шугане, Вахане).

Фирман Имама, упраздняющий их должности, стал серьезным ударом для всех пиров Афганистана. Секретарь и халифа согласились побеседовать с нами. Халифа рассказал, что его обязанности заключаются в том, чтобы помогать людям правильно совершать религиозные обряды, в том числе похоронный обряд – *джаназу*, свадебный обряд – *никах*, проводить коллективные *намазы*. Халифа (*мустаджиб*) также является связующим звеном между пиром и общиной – пир получает фирманы от Имама и доводит их до сведения общины через халифу.

Как правило, халифой становится человек, чьи родители также носили это звание, но иногда на должность халифы может быть избран и просто грамотный человек, не связанный с носителем этой должности

родственными узами. Утверждение на должность осуществляет пир, а ему, в свою очередь, предлагают кандидатуру жители села.

Обидное обвинение со стороны некоторых наших респондентов о бесконтрольной трате закята халифа опроверг полностью: «Пир показывал народу документ о том, что отправлял весь собранный закят имаму». Представители пира особо акцентировали наше внимание на том, что мюриды пира выражают свое недовольство этой реформой и считают, что она необоснованна: «Это ломает традиционную систему, существовавшую у нас много веков». Если, конечно, это воля Ага Хана, то пир «не скажет и слова против, он готов быть самым простым рядовым у своего Имама». В аппарате пира считают, что Имаму была неверно представлена жизнь афганских исмаилитов, и сделали это сотрудники гуманитарных миссий, которые начали работать здесь недавно.

Но мне кажется, что нововведения в жизни общины, которые так больно ударили по сложившейся клановой системе внутри исмаилитской общины Афганистана, были ориентированы в первую очередь на молодое поколение исмаилитов, которым предстоит жить и работать в быстро меняющемся мире. Можно сказать, что в настоящее время в исмаилитской общине Афганистана быстрыми темпами осуществляется процесс модернизации, в котором община уже давно нуждалась.

В последние годы быстрыми темпами стали строиться здания для совершения коллективной молитвы. Раньше исмаилиты ходили в мечеть и читали молитву, как сунниты. Исмаилитские же обряды каждая семья совершала у себя дома.

В начале 1990-х, когда власть в Бадахшане перешла в руки моджахедов, они ввели налог на строительство мечетей. Таким образом в исмаилитских селах были построены суннитские молитвенные здания. Во всем уезде не осталось почти ни одного селения, где не было бы мечети, хотя численный состав суннитской части небольшой – около 150 семей на более чем 10-тысячное население.

Исмаилиты говорят, что за последние 10 лет они не испытывали большого давления со стороны суннитов. И спасительным они считают то, что моджахеды, сражавшиеся с талибами, не дали последним проникнуть на территорию Бадахшана. В противном случае, как говорят наши респонденты, «талибы разрушили бы нашу культуру и веру».

Одним из немногочисленных фактов проявления насильственного администрирования исмаилиты называли принудительный сбор закята в казну моджахедов. Одни моджахеды приходили, другие уходили, и иногда случалось так, что построенные мечети оставались в ведении исмаилитской общины и начинали использоваться как джамаат-хана. Исмаилиты не видят в этом ничего, что было бы противозаконным – ведь здания были построены на их средства. Тем не менее исмаилиты опасались, что отправление их религиозных обрядов в мечети может быть негативно воспринято суннитами. Например, в кишлаке Саед аналогичным образом на средства исмаилитов была построена мечеть. В то же

время 95% жителей этого кишлака являются исмаилитами, и только 5% составляют сунниты. Но несмотря ни на что, исмаилиты хотят в будущем накопить деньги и построить для себя джамаат-хана. Они даже согласны передать средства суннитам для строительства новой мечети в том случае, если те добровольно передадут в их пользование старую мечеть. Больше всего исмаилиты боятся каких-либо разногласий со своими соседями, потому что, как говорят они, «пока обстановка в стране не стабилизировалась, для нас опасны любые, даже малейшие противоречия».

Коллективная молитва – *джума-намаз* у исмаилитов совершается не в пятницу днем, а в четверг вечером. Архитектура джамаат-хана в Бадахшане ненамного отличается от архитектуры мечети – обмазанное глиной небольшое здание, подпираемое деревянными столбами, и с крышей, покрытой соломой. Мечети, как и джамаат-хана, строятся без минаретов: сунниты столицы афганского Бадахшана г. Файзабада объясняли это тяжелым экономическим положением и тем, что на постройку минаретов не хватает средств. Так что, не зная точно, кому принадлежит молитвенный дом, трудно отличить джамаат-хана от мечети.

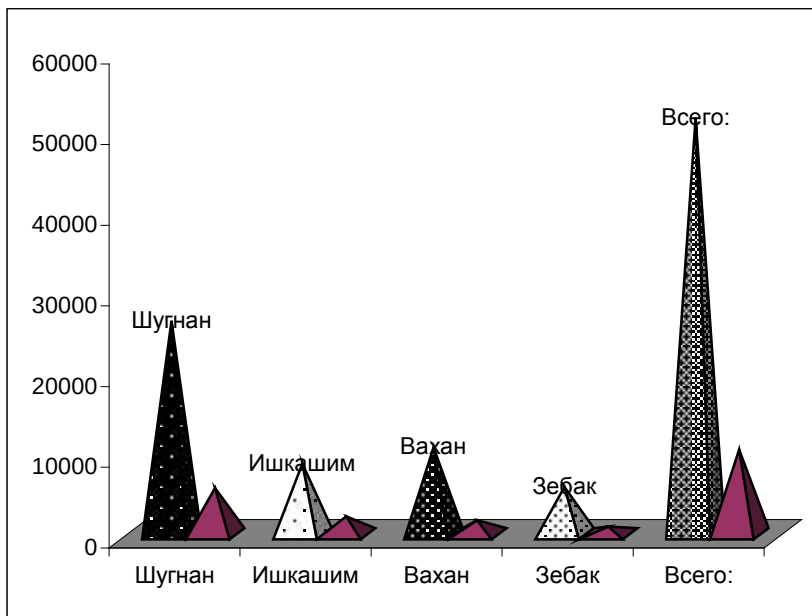
Согласно Конституции Афганистана, во всех школах изучаются как светские, так и религиозные предметы. В Афганистане дети живут в религиозной среде, и знания по религии получают буквально с первых дней своей жизни. По законодательству страны, официальной религией на всей ее территории является суннизм ханифитского толка. Поэтому в школах дети изучают историю ислама с ханифитской точки зрения. Исмаилиты, как и все граждане государства, первоначальные знания по истории ислама получают в средней школе, а с историей своего учения они знакомятся у себя дома. Истории исмаилизма, а также правилам совершения обряда их учат сначала родители (как правило, отец), а затем халифа или учитель – *ахун*. И уже со временем они начинают самостоятельно читать религиозную исмаилитскую литературу. С 1998 года на афганской стороне (первоначально в Шугнанском и Рушанском районах) начала работать программа исмаилитского образования.

Всего, как нам удалось узнать, на момент нашего посещения в сентябре 2002 года в северном приграничье провинции Бадахшан действовало около 20 общеобразовательных школ. Как правило, это школы с четырехклассным образованием. Все исмаилитское население с 1 по 4 класс (от 7 до 11 лет) составляло немногим более 20% – 10422 ребенка.

Для большей наглядности представляем в виде таблицы и графика соотношение взрослого населения и численности школьников исмаилитских селений:

	Общая численность населения	Из них дети 7–11 лет
Шугнан	26396	5681 = 21, 52 %
Ишкашим	8686	2176 = 25, 05 %
Вахан	10693	1672 = 15,64 %

Зебак	5794	893 = 15,41 %
Всего:	51569	10422 = 20,21 %

Гораздо сложнее обстоят дела со светскими дисциплинами. Вообще надо сказать, что во многих местах Бадахшана школы не имеют окон и дверей, нет парт для учеников – они сидят на глиняном полу ветхих глиняных зданий, и это частое явление. Несколько десятилетий непрекращающейся войны создали серьезные проблемы в системе образования Афганистана, практически во всех областях страны она находится на крайне низком уровне. Особенно это касается женского образования.

Быть оторванным от знаний о развивающемся мире, о передовых технологиях, значит так и остаться отсталой страной. В связи с этим международные организации обратили особое внимание на образовательные системы Афганистана. 12 сентября 2002 года афганское министерство просвещения подписало Меморандум о взаимопонимании с организацией Ага Хана по развитию (Aga Khan Development Network – AKDN), и она начала оказывать активную помощь Афганистану в области образования. Правительство Афганистана одобрило несколько образовательных проектов AKDN для провинций Бадахшан, Баглан и Бамиан. В первую очередь они связаны с подготовкой преподавателей для средних школ, в том числе преподавателей-

женщин. Вообще, по заключению экспертов AKDN, женскому образованию в Афганистане должно уделяться особое внимание – для обучения девочек в селах должны быть подготовлены преподавательницы из сельской местности. В некоторых случаях будут построены специальные общежития для девочек из отдаленных районов, в которых нет школ².

2 июля 2003 года Организация Ага Хана профинансировала восстановление и реконструкцию средней школы для девочек (Tajwar Sultana School) в столице Афганистана Кабуле. В ней созданы современный спортзал и библиотека, а самое главное – школу оборудовали современной компьютерной техникой со средствами мультимедиа и выходом в Интернет. «Мы даем педагогам Афганистана ресурсы, посредством которых они смогут обеспечить своим ученикам быстрый доступ к обширным знаниям, и надеемся, что это поможет жителям этой страны открыть двери в мир», – сказал директор программы Фарид Дая³.

Организация по развитию Ага Хана привлекает инвестиции и участвует в других программах социального развития Афганистана, в их числе – доставка продовольствия, восстановление разрушенной инфраструктуры страны, строительство жилья для беженцев, модернизация и поддержка здравоохранения, очистка воды, восстановление и городское развитие Кабула⁴. В течение 2001 года Организация обеспечила гуманитарной помощью (в первую очередь продуктами питания) 450 тыс. человек⁵.

После поездки в Ишкашим мне удалось переправиться в западную часть Бадахшана – Шугнан, чтобы подняться на высоту почти четырех тысяч метров к высокогорному озеру Шева и спуститься к уездному городу Бахарак, а оттуда добраться до центра провинции Бадахшан г. Файзабада. Дорога идет по узким тропинкам, на всем пути до Шевы – рабочие, которые разбивают ломами скалы, теснящие дорогу к пропасти. Так они расширяют ее, засыпают ямы землей и щебнем. Нередко они одеты в оборванные лохмотья, старыми платками закутаны их лица, чтобы каменная пыль не попадала в легкие. Сотни афганских бедняков трудятся на строительстве дороги, которая в ближайшее время соединит отдаленные уголки с Файзабадом. Они работают по программе «Работа за продовольствие», получая за один трудовой день 7 кг зерна или муки (1 *cup*) от Всемирной продовольственной программы ООН (WFP) и литр растительного масла по линии организации «Фокус». В ближайшее время готовился переход к форме «Работа за деньги». Эта работа уже будет вестись по линии организации «Afghanaid» (также в сотрудничестве с WFP и «Фокусом») и ориентирована в первую очередь на строительство мостов через горные реки. Новая дорога помогла сократить путь из таджикского и афганского Шугнана до Файзабада почти вдвое. До ее строительства путь в

Файзабад из столицы ГБАО РТ города Хорога был только один – вдоль Пянджа до Ишкашима, а затем через Зебак и Бахарак. Такое путешествие занимало до 9 и более часов. Жители афганского Шугнана добирались до Файзабада по горным тропам на лошадях в течение нескольких дней. Дорога, проложенная в обход высокогорного озера Шива практически за один год, позволяет доехать до Файзабада за 4–5 часов.

Всемирная продовольственная программа ООН осуществляет несколько проектов на территории Бадахшана. Прежде чем приступить к работе, организация проводит мониторинг каждого проекта. Среди них – «Питание для системы образования». Каждому школьнику в течение учебного периода Программа выделяет по 25 кг муки и 4 кг растительного масла на два месяца. В труднодоступные районы Бадахшана, такие, например, как Шугнан или Дарваз, продукты доставлялись на лошадях и ослах. Естественно, что происходила спекуляция товаром, поскольку сотрудники Программы не могли контролировать передвижение своих поставок до конечного пункта. С открытием новой дороги через перевал Гарджавин у оз.Шева эти проблемы можно будет легко устранить.

Второй проект – «Питание за работу», осуществляемый совместно с другими неправительственными организациями, предназначен для людей, выполняющих дорожные работы. За свою работу они получают зарплату продуктами, ежедневно – 7 кг зерна и растительное масло. Даже в период активного противостояния «Талибана» и «Северного альянса» сотрудники Программы продолжали свою работу, однако она осуществлялась крайне медленно и всего в двух северных провинциях – Бадахшан и Тахар. За последний год офисы WFP открылись в провинциях Кундуз, Балх, Баглан. Экономическими донорами организации являются США, Канада, Швеция, Дания, Германия. Российские поставки, осуществляемые Министерством по чрезвычайным ситуациям, в основном ориентируются на Кабул.

Смена политических условий, возникшая после разгрома движения «Талибан», создала предпосылки для налаживания экономических связей между жителями таджикского и афганского Бадахшана. На границе уже открыто несколько торговых пунктов. Сотни торговцев с обеих сторон приходят на берег Пянджа, чтобы обменять сэкономленную гуманитарную помощь, продукты и одежду на горюче-смазочные материалы. При содействии Организации Ага Хана IV в районе Хорога построены два моста, которые соединили афганский и таджикский Бадахшан.

Строительство первого моста через реку Пяндж в районе кишлака Тем, расположенного в нескольких километрах от столицы ГБАО РТ города Хорога, началось в марте 2002 года. Общая стоимость проекта, финансируемого Фондом Ага Хана IV, составила 385 тысяч долларов⁶. Мост возводился по трехстороннему соглашению между

правительствами Таджикистана, Афганистана и Фонда Ага Хана. Он был первым из пяти запланированных мостов через Пяндж, прокладываемых со стороны таджикского Бадахшана в афганскую часть одноименной провинции. Согласно предварительному плану, четыре аналогичных моста планировалось построить в Дарвазском, Ванчском и Ишкашимском районах Горно-Бадахшанской Автономной Области. Цель их сооружения заключалась в том, чтобы наладить сухопутные связи между двумя соседними странами и создать более благоприятные условия для строительства объектов социального значения в северных провинциях Афганистана.

3 ноября 2002 года строительство первого моста в Шугнанском районе было завершено. Длина его пролета составила 135 метров, ширина – 3,5 метра с грузоподъемностью до 25 тонн. Это – самый длинный висячий мост над Пянджем, по которому впредь должны будут осуществляться переход пассажиров и перемещение коммерческих грузов. На церемонию открытия прибыли президент Таджикистана Эмомали Рахмонов, принц Карим Ага Хан IV и вице-президент Афганистана Хидаят Амин Арсала. «Коридором надежды» назвал этот мост Имам исмаилитов. Афганский вице-президент подчеркнул, что для афганцев этот мост становится главным путем выживания, поскольку будет способствовать притоку на внутренние рынки международной помощи и содействовать выходу афганских товаров на внешние рынки. И Хидаят Амин Арсала, и Эмомали Рахмонов сошлись во мнении, что Организация Ага Хана по развитию выступила катализатором в создании особой модели продуктивных межправительственных инициатив.

Тысячи жителей с двух сторон реки собрались, чтобы увидеть исторический момент – встречу в центре моста трех международных лидеров, символизирующих соединение двух стран⁷. Аналогичный мост был открыт 4 июня 2004 года в районе Дарваза. Политики, ученые, простые жители Таджикистана и Афганистана уверены, что сближение народов, начатое посредством налаживания экономических отношений, поможет преодолению изоляции Афганистана и вхождению его в мировое цивилизационное пространство. Население провинции Бадахшан верит, что в стране наступит мир и у людей появится возможность спокойно жить и работать.

¹ Махкамов М. Таджикиский северо-восток Афганистана. – М., 2002, с. 36.

² First Update on Aga Khan. Kabul, Afghanistan, 11.10.2002 // Aga Khan Development Network – E-mail Bulletin. October, 2002.

³ Aga Khan Development Network – E-mail Bulletin. July, 2003.

⁴ Aga Khan Development Network – E-mail Bulletin. November, 2002.

⁵ Aga Khan Development Network – E-mail Bulletin. July, 2003.

⁶ РИА Ореанда. 16.03.2002.

⁷ Aga Khan and Tajik and Afghan Leaders Open Bridge into Afghanistan.
Tem, Tajikistan and Demogan, Afghanistan // Aga Khan Development Network
– E-mail Bulletin. November, 2002.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

**ИЗ ПАКИСТАНА И АФГАНИСТАНА В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ.
ПУТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИСЛАМСКОГО РАДИКАЛИЗМА**

Достаточно очевидно, что исламский радикализм в Центральной Азии есть часть общего процесса, охватившего современный мир. При наличии собственных корней он не может быть понят, однако, исходя только из них. Внешние связи и контакты, влияние международных сил, расположенных как далеко, так и относительно близко от региона, на зарождение и эволюцию центральноазиатского исламо-радикализма – главное, что определяет специфику рассмотрения темы в данной статье. При этом рассматриваются лишь исторические ее аспекты, связанные с периодом до 11 сентября 2001 года.

Пакистанский исламорадикализм и афганский джихад

Представляется, что в научной и публицистической литературе об исламском сопротивлении в Афганистане (особенно в литературе на русском языке) роль Пакистана оказывается в какой-то мере затуманенной¹. Трудно сказать, почему точно это произошло. В СССР, а позднее в России, по-видимому, не хотели делать акцент на борьбе с неравным соперником, каким представлялся из Москвы Пакистан. Последний традиционно находился в тени Индии и воспринимался в основном лишь как ее противовес в рамках южноазиатского региона. Имело значение, видимо, и то, что, несмотря на приход к власти в Пакистане военных, проводивших кампанию по исламизации, страна оставалась в глазах Москвы умеренным мусульманским режимом. С Исламабадом поддерживались нормальные дипломатические отношения и продолжалось сотрудничество в экономической области. Показательно, что в самый разгар военной кампании в Афганистане СССР предоставил Пакистану льготный кредит на сумму свыше 400 млн. долларов и помог завершить строительство крупного металлургического комбината близ Карачи². Руководство СССР относилось к Пакистану, по всей видимости, как к жертве исторических обстоятельств, волею случая оказавшегося в положении противника Москвы. Главными считались силы, поддерживающие афганский джихад извне (США, Саудовская Аравия, Китай и др.) с использованием пакистанской территории для ведения «войны по доверенности». В таком подходе отразилось, вероятно, нежелание портить отношения с немаловажным в экономическом смысле партнером, а возможно, и недооценка Пакистана

как достаточно самостоятельного игрока на международной арене, способного вести крупную и надолго рассчитанную игру.

Между тем значение Пакистана как организатора и вдохновителя афганского джихада весьма значительно и нуждается, на мой взгляд, в более точной и развернутой характеристике. Причем речь идет как о прямой его роли как государства, так и о значении действий исламорадикалистских сил, пользовавшихся поддержкой, явным и скрытым поощрением со стороны правительства и реально управляющих страной кругов.

«Военно-исламистский» синтез, о котором может с полным правом идти речь, сложился после прихода к власти в Пакистане армии во главе с М.Зия уль-Хаком летом 1977 г. А формироваться он стал в предшествующий период при администрации З.А.Бхутто, начиная примерно с 1974 г. Именно тогда правительство почувствовало вкус к исламской риторике и исламоориентированной внутренней и внешней политике. Характерно в этом плане его решение пойти навстречу требованиям религиозных радикалов объявить «неисламской» модернистскую прозападную секту Ахмадия и проведение с большой торжественностью и громким пропагандистским эффектом конференции лидеров мусульманских стран в Лахоре, которая впоследствии стала считаться вторым саммитом Организации Исламская конференция (ОИК).

С 1975 г. начал складываться и пакистано-афганский исламистский коридор. В Афганистане тогда власти раскрыли заговор исламистов, попытку поднять мятеж, в частности, в Панджширском ущелье, и в Пакистан эмигрировали руководители основных оппозиционных организаций и антиправительственных сил – Г.Хекматъяр, Б.Раббани и А.Ш.Масуд. Как стало позднее известно, в Пакистане они прошли военную подготовку под руководством инструкторов из элитной спецслужбы³.

Нелегальные трансграничные связи между Пакистаном и Афганистаном укрепились после разгрома в 1976–77 гг. восстания леворадикально настроенных пакистанских белуджей – отряды последних перебрались на территорию Афганистана, создав там свои опорные базы. После казни З.А.Бхутто в апреле 1979 г. к нелегальным пакистанским эмигрантам в Афганистане добавились группы сторонников свергнутого и казненного премьер-министра. В Кабуле под прикрытием новых прокоммунистических властей обосновались противники Зия уль-Хака, создавшие подпольную организацию *Аль-Зульфикар*. Ее руководителем стал сын Бхутто Муртаза (интересно, что и он, и его брат Шах Наваз были женаты на афганках). Отдельные пакистанцы, видные деятели левого движения, оказались вовлечены в борьбу за власть в Кабуле и попали в тюрьму при Х.Амине.

Разнообразные связи «поверх границ» между Пакистаном и Афганистаном, усилившись после переворота в последнем в апреле 1978 г. (т.н. Апрельской, или Саурской революции), получили новый толчок после ввода советских войск в канун рождества 1979 г. и отка-

за официальных властей Исламабада признать законным новое афганское правительство во главе с Б.Кармалем. С 1980 г. в Пакистане открыто обосновались главные силы афганской оппозиции. К тому времени четко обозначились идейно-политические платформы противоборствующих в Афганистане сил. Если на стороне Кабула воевали под красными лозунгами (с поправкой на незрелость страны для строительства социализма эти силы в Москве признавали лишь просоциалистическими, народно-демократическими), то на противоположной стороне войну вели под зеленым стягом ислама.

Официальный Исламабад не хотел прямо вмешиваться в военные действия, боясь столкнуться с жестким ответом СССР. Угроза с севера одновременно служила удобным предлогом остаться «за кадром», максимально используя выгодный для Пакистана статус прифронтового государства.

Выгоды были троякого рода. Во-первых, политико-дипломатические. Пакистан превратился в центральный элемент борьбы широкой международной коалиции с продвижением «агрессивного советского коммунизма» на юг. Во-вторых, престижно-легитимные. Действия узурпировавших власть в стране военных оказались задним числом оправданными, так как на фоне войны в Афганистане Пакистан выделялся относительным спокойствием, порядком и прозападной ориентацией. Приверженность его военных правителей исламским ценностям поднимала его авторитет в мусульманском мире, а конфронтация с Индией – значимость в глазах Китая. В-третьих, материально-финансовые. Через Пакистан с начала 1980-х годов осуществлялись главные поставки вооружений, медикаментов и продовольственной помощи для борцов афганского джихада (моджахедов) и членов их семей, разместившихся в многочисленных лагерях в приграничных к Афганистану пакистанских районах. Часть оружия не доходила до афганцев, пополняя запасы пакистанских вооруженных сил. Поставки значительных материальных ценностей (по некоторым оценкам, через Пакистан на цели афганского джихада до конца 1980-х годов было направлено не менее 3,5 млрд. долл.)⁴ сопровождалась оседанием больших средств в карманах чиновников различных уровней, а также функционеров частных структур, выполнявших разнообразные организационно-посреднические функции.

Особо нужно сказать о деятельности пакистанских радикально-исламистских организаций. Не углубляясь здесь в вопрос о появлении и эволюции исламского радикализма в этой стране, следует лишь отметить, что он имеет глубокие исторические корни. Развитие этого явления происходило в тесной взаимосвязи с арабским эпицентром исламизма и четко коррелировало с фазами его подъема и спада как на Арабском Востоке, так и во всем мусульманском мире. Последняя по времени повышательная фаза началась в 1970-х годах и была с материальной точки зрения обусловлена скачкообразным увеличени-

ем доходов от добычи и экспорта нефти. Мало сомнений в том, что нефтедоллары из Саудовской Аравии оказали существенное влияние на политическую ситуацию в Пакистане в первой половине 1977 г., способствуя укреплению позиций исламистских партий в период внутривнутриполитического кризиса, спровоцированного ими после парламентских выборов в феврале-марте. Взятие власти военными в июле того года было бы невозможно без молчаливой поддержки со стороны определенных кругов в Эр-Рияде. Программа исламизации, к которой прибегли после прихода к власти военные во главе с Зия уль-Хаком, получила полную поддержку основных центров исламизма в арабском мире. На этой волне укрепили свои позиции ведущие организации политического ислама, прежде всего «Джамаат-е ислами» (ДИ, Исламское общество).

В 1980–89 годах, в период джихада в Афганистане, направленного против советских войск, главную роль среди исламистских сил играла именно эта религиозная партия. Она первой создала боевую организацию «Аль-Бадр» для действий в Афганистане, названную в честь победы пророка Мухаммеда, и оказывала содействие пакистанским спецслужбам, прежде всего Директорату объединенной военной разведки (Directorate of Inter-Services Intelligence, ISI) в налаживании контактов с лидерами афганских моджахедов. Наиболее тесные контакты ДИ установила с Г.Хекматъяром, лидером афганской *Хезб-е ислами* (Исламской партии), и ему направлялась значительная часть ресурсов, поступавших участникам борьбы с коммунистическим Кабулом и советскими войсками⁵.

Хотя военное руководство Пакистана и в первую очередь сам Зия уль-Хак демонстрировали большое доверие и подчеркнутый пиетет к мусульманским клерикалам, улемам, прежде всего из *Джамаат-е ислами*, они не допустили их до реальной власти⁶. Отказ военных от дележа власти и ответственности с богословами из ДИ одновременно с насаждением сверху программы исламизации имел разнообразные последствия, в том числе для афганского джихада и региональной ситуации.

Прежде всего эти действия властей способствовали усилению конкуренции и разобщенности в рядах исламистов. На протяжении десятилетия постепенно оформились пять основных направлений радикального ислама, усилились трения и вражда между ними. Далее недостаточно последовательный курс военных по отношению к улемам из *Джамаат-е ислами* привел, очевидно, к охлаждению отношений Исламабада с Саудовской Аравией в середине 1980-х годов и сближению с Ираном. Последнее обстоятельство на рубеже десятилетий придало импульс воздействию Пакистана на Центральную Азию, совместному до известной степени с Ираном, но заглохшему после распада СССР и обострения конкуренции с Тегераном за контроль над Афганистаном.

Остановлюсь сначала на первом из этих последствий. Взяв власть в свои руки и приступив к кампании по исламизации различных сторон общественной, политической и экономической жизни в стране, армия выпустила из бутылки джинна разобщенности среди приверженцев различных мусульманских сект и направлений. Прежде всего углубился раскол между суннитами и шиитами. Попытка властей ввести единые правила взимания добровольных мусульманских налогов (закята и ушра) натолкнулась на энергичное сопротивление шиитской общины и привела к созданию в 1980 г. ее религиозно-политической партии *Техрик нифаз-е фикх-е джафария* (Движение за установление джафаритского, т.е. шиитского закона). Шиитское движение в принципе легко радикализуется, базируясь на одной из наиболее эзотерических ветвей в исламе⁷.

Военные пошли на удовлетворение основных требований шиитов, в частности, предоставили им возможность собирать и распоряжаться благотворительными налогами. Вместе с тем власти смотрели сквозь пальцы на формирование в глубинных районах страны радикальных суннитских групп, направивших свой гнев против шиитов. Они принадлежали главным образом к традиционалистско-пуританскому направлению, возглавляемому крупной религиозной партией *Джамиат-е улама-е ислам* (ДУИ, Общество исламских богословов). Идеологической опорой ДУИ служила традиция, уходящая корнями в учение улемов, группировавшихся вокруг семинарии, основанной в 1867 г. в г.Деобанде на севере Индии. Пуританизм улемов-деобанди состоял, в частности, в их резко критическом отношении к шиитам, между тем как традиционализм проявлялся в терпимом отношении к суфизму, а с точки зрения догматики – в акценте не столько на построение исламского государства, сколько на преобладание исламского закона (шариата)⁸.

Как партия парламентского типа ДУИ располагала прочными позициями в ряде районов страны, особенно на северо-западе среди пуштунов. В первой половине 1980-х годов быстро увеличивается сеть мечетей и медресе (религиозных школ), находящихся под контролем и влиянием богословов-деобанди. Одновременно формируются деобандские боевые организации, прежде всего *Сипахи сахаба Пакистан* (ССП, Пакистанские воины пророка), позднее возникает *Лашкар-е Джангви* (Армия имени Х.Н.Джангви, убитого основателя SSP). В ответ на действия экстремистов-суннитов радикализируются шииты. В их рядах появляются боевые группировки, прежде всего *Сипахи Мухаммад* (Воины пророка).

Четвертое течение, подвергшееся радикализации в период «исламизации сверху», опиралось на популярные традиции низового, народного ислама. В догматическом плане его обосновывали улемы школы барелви (по имени богослова Ахмад Реза Хана Барелви и семинарии в Северной Индии), которые оказались при Зия уль-Хаке потесненными улемами-деобанди. Политическая партия барелви *Джамиат-е улама-е*

Пакистан (ДУП, Общество пакистанских богословов) перешла в оппозицию военному режиму. Влияние ее заметно ослабло, а создание боевых организаций, таких как *Сунни техрик* (Суннитское движение), произошло позднее, лишь в 1990-х годах. Между тем кровавые разборки между улемами деобандской и барелвийской школ отмечались в сельских местностях и небольших городах с середины 80-х годов, но их затмевала вражда между суннитами-деобанди и шиитами.

Пятое направление, заметно укрепившее свои позиции в десятилетие пребывания у власти военных, может быть отнесено к категории ваххабитских. Впрочем, прямых генетических связей с саудовским ваххабизмом оно не имеет. Движение *Ахл-е хадис* (Люди предания) появилось в колониальной Индии еще в конце XIX в. вполне независимо от саудовского центра подлинного «чистого» ислама (салафизма, или ваххабизма). Движение получило второе рождение в 1960-х годах, когда в главном городе крупнейшей пакистанской провинции Панджаб, Лахоре, возник *Марказ джамият-е ахл-е хадис* (Центр общества людей предания). Через 20 лет ведущее место в рамках этого течения заняла организация *Дават-вал-Иршад* (Призыв и наставление), которую возглавил профессор Лахорского технологического университета Хафиз Сайед, и ее боевая группировка *Лашкар-е таиба* (Армия чистых)⁹.

Получивший в 1980-е годы заметный импульс к усилению своего влияния радикальный ислам в Пакистане действовал, условно говоря, на трех фронтах – внутреннем и двух внешних – афганском и кашмирском. Афганское направление оставалось на всем протяжении военной вовлеченности СССР в дела Афганистана наиболее существенным. При этом исламские радикалы не выходили на первые роли, а лишь поддерживали усилия военного руководства страны, а конкретно – его агентурно-разведывательных органов.

Возвращаясь к двум другим последствиям того курса, которому следовали Зия уль-Хак и его окружение, нужно подчеркнуть факт похолодания в отношениях Пакистана и Саудовской Аравии. Глубинные причины этой тенденции остаются не до конца проясненными, но во второй половине 1980-х годов они в достаточной мере выявились и привели, в частности, к улучшению связей Пакистана с хомейнистским Ираном¹⁰. На поверхности это отразилось в возобновлении региональной кооперации между Ираном, Пакистаном и Турцией (до 1979 г. она была представлена Региональной организацией ради развития, а с 1985 г. – Организацией экономического сотрудничества). Сближение с Тегераном было весьма желательным для Исламабада на завершающем этапе советско-афганской войны, так как от этого во многом зависел конечный результат усилий по вытеснению СССР из Афганистана. Иран был еще одной страной, где находились миллионы афганских беженцев и располагались центры шиитских организаций, борющихся с Кабулом под флагом священной войны мусульман.

Скоординированными с Ираном должны были быть и стратегические планы Пакистана по проникновению на север от Афганистана, в тогдашние республики советской Средней Азии. Исламабад предполагал возможность превращения этих территорий в зону господства исламских порядков, что обеспечило бы Пакистану стратегическую глубину в случае конфликта с Индией. Намерения Зия уль-Хака в принципе не противоречили воззрениям духовного и политического лидера Ирана аятоллы Хомейни, однако их уход из жизни соответственно в 1988 и 1989 гг. осложнил согласование усилий двух мусульманских государств.

В то же время на рубеже десятилетий продолжали действовать факторы, сближающие Пакистан и Иран. К ним, в первую очередь, относилась жизнеспособность, неожиданно проявленная промосковским афганским режимом М.Наджибуллы. Пока он оставался у власти в Кабуле (до весны 1992 г.), подспудные противоречия между группировками его противников, получающими поддержку, с одной стороны, от Исламабада, а с другой, от Тегерана, не проявлялись в полную силу. Сказывались также изменения в глобальном раскладе сил. Одним из следствий сближения Москвы и Вашингтона на заключительном этапе холодной войны стало расхождение между целями, которые преследовали в Афганистане США и Пакистан. Правящая в последнем военно-исламистская верхушка надеялась развить успех, т.е. воспользоваться отступлением СССР из Афганистана для продвижения на север, в Центральную Азию. Между тем как США были удовлетворены достигнутым в Афганистане результатом и опасались дестабилизации ситуации в центре Азии, усиления там позиций исламистов, прежде всего из Ирана, но также из Пакистана и арабских стран. Размежевание между бывшими союзниками по афганскому джихаду достаточно отчетливо проявилось в период международно-политического кризиса в связи с вторжением Ирака в Кувейт и войны в Персидском заливе. Рост антиамериканских настроений в политическом сообществе Пакистана, в частности, среди влиятельных военных, подогревался решением Вашингтона о прекращении военно-экономической помощи Исламабаду, принятым в октябре 1990 г. Этим актом американская администрация отказывалась поставить пакистанским ВВС самолеты F-16 и демонстрировала переход США к более сбалансированной, благоприятной в отношении Индии политике в Южной Азии.

Известное отчуждение от США делало политику Пакистана более приемлемой для Ирана. Именно в период незавершенного джихада в Афганистане, кризиса на Ближнем Востоке и распада СССР Пакистан оказывал, пожалуй, наибольшее воздействие на ситуацию в Центральной Азии. Главным проводником влияния были пакистанские спецслужбы, в первую очередь ISI. Его представители тогда еще имели выход на Б.Раббани и А.Ш.Масуда, совместно с ними планируя операции по дестабилизации кабульского режима и оказывая под-

держку оппозиционным исламистским силам в советской Средней Азии, прежде всего в Таджикистане¹¹.

Пик этого воздействия наступил весной 1992 г., когда одновременно произошли два события – в Афганистане пал режим М.Наджибуллы и к власти пришли моджахеды, образовавшие временную администрацию во главе с пропакистански настроенным С.Моджаддеди, а в Таджикистане дал трещину прежний порядок и исламские оппозиционеры одержали первые победы в борьбе за власть¹². Визит российского министра иностранных дел А.В.Козырева в Кабул в мае 1992 г. обозначил низшую точку в отступлении Москвы на южном направлении.

Однако к концу года ситуация в обеих странах изменилась не в пользу Пакистана. Избранный новым временным президентом исламского Афганистана Б.Раббани в декабре продлил свои полномочия, несмотря на сопротивление этим планам со стороны Исламабада. Тогда же явно обозначился перевес поддержанных Москвой сил в Таджикистане, и исход гражданской войны в нем был фактически предreshен. Попытка Пакистана содействовать подъему исламизма в Центральной Азии и укреплению с помощью исламистских сил своих позиций в регионе натолкнулась на препятствия тройкого рода¹³. Во-первых, отсутствие достаточных объективных условий для этого в политическом сознании и культуре местного населения. Исламизм имел успех только у небольшой части населения и пользовался поддержкой политически значимых сил лишь в сочетании с национализмом, как идеологий, обосновывающей отделение республик Средней Азии от Москвы. Во-вторых, противодействие Ирана, который не мог примириться с единоличным господством Пакистана в Афганистане и допустить проникновение Исламабада как ведущего самостоятельного игрока на пространство новой Центральной Азии. В-третьих, полу-изоляция, в которой Пакистан оказался в глобальной системе международных отношений ввиду ослабления внимания к нему со стороны США, а также внутренняя слабость пакистанского режима, приведшая к затяжному внутривнутриполитическому кризису 1993 г.

Афганистан при талибах и ситуация в Центральной Азии

Вторую треть 1990-х годов можно считать своего рода паузой перед усилением пакистано-афганского воздействия на Центральную Азию через каналы исламского радикализма. Новое правительство Пакистана во главе с Беназир Бхутто (пришло к власти после выборов осени 1993 г.) попыталось найти свои подходы к решению проблем афганского урегулирования и усиления пакистанского присутствия в центре Азии. Воспользовавшись ослаблением позиций армии и военной разведки, оно перестало делать главную ставку в Афганистане на Хекматъяра и его *Хезб-е ислами*. Сделав ДУИ (*Джамият-е улема-е ислами*) своим союзником среди религиозных партий, прави-

тельство дало ей возможность выйти из тени ДИ (*Джамаат-е ислами*) в афганских делах и мобилизовать кадры, подготовленные ей в плотно сплетенной к тому времени сети медресе и семинарий, расположенных по полукругу вдоль границ Пакистана с Афганистаном.

Скорее всего, замысел пакистанского руководства состоял вовсе не в том, чтобы содействовать победе еще более радикальных исламистских сил в Афганистане. Расчет делался на преодоление тупика в деле политической стабилизации в соседней стране и в расчистке пути для возвращения туда миллионов афганских беженцев, продолжавших неустроенную жизнь в многочисленных лагерях и временных поселениях в исторической зоне проживания пакистанских пуштунов. Одновременно решалась задача пробить дорогу на север в Туркменистан и Узбекистан, что было выгодно с торгово-экономической и регионально-политической точек зрения. Известно, что ключевую роль в выполнении этих планов играла альтернативная основной, сформировавшаяся в годы правления Зия уль-Хака, группировка в рядах военной бюрократии во главе с отставным генералом, министром внутренних дел Н.Бабаром¹⁴. Именно его обычно считают «крестным отцом» талибов, студентов исламских учебных заведений, ставших ядром движения, превратившегося в ведущую военно-политическую силу в Афганистане в течение двух лет, с осени 1994 до осени 1996 г.

Ситуация в Центральной Азии в течение этого периода характеризовалась процессами консолидации новых государственных структур. Позиции исламской оппозиции режимам власти в Узбекистане и Таджикистане были подорваны уже в 1992–93 гг. Однако сопротивление властям в последнем продолжалось. При этом главной внешней опорой для оппозиционных исламских сил служило возглавляемое Б.Раббани афганское правительство, силы которого прочно контролировали пограничные с Таджикистаном северные и северо-восточные районы страны, а также Иран¹⁵. Поддержка последнего, впрочем, носила ограниченный характер, так как Тегеран не хотел осложнять отношений с Москвой, закрепившей к тому времени за собой позиции гаранта стабильности и порядка в Таджикистане, да и во всем центральноазиатском регионе.

Иран при этом давно уже исходил из трезвого понимания того, что у него нет сил бороться одновременно против США и России и предпочел партнерство с последней в целях противостояния более сильному и опасному противнику¹⁶. В соответствии с этой главной задачей Тегеран рассматривал и обстановку, складывающуюся в Афганистане, и свои отношения с Пакистаном. Ориентация правительства Б.Бхутто на поддержку США привела к сокращению связей между мусульманскими соседями, а патронаж, оказанный Исламабадом движению Талибан, вызвал появление нового водораздела между ними по афганскому вопросу¹⁷.

В то время как на официальном уровне возможности Пакистана влиять на положение дел в Центральной Азии оказались в итоге ми-

нимальными, на теневом, невидимом фронте перед ним открылись известные перспективы. В результате затухания в 1993–94 гг., а затем и прекращения борьбы исламистов в Таджикистане (к 1997 г.) из ее рядов выделилась группа воинственно настроенных узбеков во главе с Тахиром Юлдашевым и Джумой Намангани (Ходжаевым). В начале 1990-х годов они были связаны с исламской партией Адолят (Справедливость), действовавшей непродолжительное время в Узбекистане, а затем запрещенной. Таджикское примирение заставило радикально настроенных узбеков прекратить борьбу с таджикскими властями, но они сохранили базу в контролируемой исламистами Тавильдаринской долине в районе Гарма. Туда, к полевому командиру Намангани стекались недовольные режимом И.Каримова узбеки. Главным источником дохода для подпольно существующего узбекского поместья была торговля наркотиками, поступающими из Афганистана. Между тем Юлдашев с 1995 г. проживал в Пешаваре. Местные исламисты из деобандского ДУИ, а также агенты пакистанской объединенной разведки (ISI) помогли ему на первой организационной стадии создания Исламского движения Узбекистана (ИДУ). С их помощью он и его коллеги установили контакты с талибами¹⁸.

Последние в конце сентября 1996 г. овладели столицей Афганистана Кабулом, но затем потерпели тяжелое поражение от войск А.Ш.Масуда. Только путем мобилизации всех сил, включая закрытие религиозных школ и семинарий в Пакистане и отправку (с помощью пакистанских военных) недоучившихся молодых людей (талибов) на фронт, движению Талибан удалось выправить положение и сохранить контроль над столицей. Еще одна полная мобилизация потребовалась в мае 1997 г. вслед за суровым поражением, которое талибы потерпели на севере страны в районе Мазари-Шарифа¹⁹.

К тому времени в Пакистане произошли перемены, имевшие прямое отношение к талибам. В феврале 1997 г. после внеочередных выборов к власти там пришло правительство Н.Шарифа, лидера партии Пакистанская мусульманская лига (ПМЛ), идеологически близкой к исламистам из ДИ (*Джамаат-е ислами*). Уход администрации Б.Бхутто, стоявшей у истоков движения Талибан, знаменовал возврат к ситуации, когда главная роль на афганском направлении стала вновь безраздельно принадлежать ISI. Но бывшая ставка пакистанских военных на Г.Хекматьяра вызывала у лидеров талибов недоверие и воспрепятствовала установлению над ними полного контроля со стороны Исламабада.

К тому же у талибов с 1996 г. появился новый благодетель в лице арабского исламиста саудовского происхождения О.бен Ладена. Переехав в Афганистан и не найдя понимания у шиитских радикалов в Тегеране²⁰, он обрел союзников в лице талибов и получил в распоряжение ряд партизанских баз и лагерей в горах у границы с Пакистаном. Под покровительством талибов там расположился центр

ставшей вскоре печально знаменитой *Аль-Каиды*, арабской по составу руководства и интернациональной по ареалу действий исламотеррористической организации. Там же в феврале 1998 г. бен Ладен и группа его сторонников провозгласили создание идейно заостренной суперструктуры в виде «Всемирного исламского фронта борьбы против евреев и крестоносцев».

Внедрение арабского элемента в ряды афганских талибов ослабило пакистанское влияние на них. Вместе с тем Пакистан, поспешивший объявить о дипломатическом признании режима талибов, оказался в определенной мере ответственным за их действия как внутри страны, так и на международной арене²¹. За радикализацией идейной платформы талибов, произошедшей под влиянием «афганских арабов», последовали резкое обострение отношений между правительством талибов и Ираном²² и ракетная атака США на базы «Аль-Каиды» в горах Афганистана в ответ на взрывы зданий посольств США в Восточной Африке (Дар-эс-Саламе и Найроби).

Между тем щупальцы международной террористической сети протянулись из Афганистана также в Центральную Азию. В 1998 г. Т.Юлдашев перенес штаб-квартиру Исламского движения Узбекистана из Пешавара в Кабул. В следующем году туда из Таджикистана приезжал Д.Намангани. Узбекские исламисты не только создали свою агентурную сеть, но и пополнили ряды талибов, набираясь вместе с ними опыта боевых и диверсионных действий²³. При этом расположенные в Пакистане религиозные школы и семинарии (дин-и-мадарис и дар-ул-улумы) служили идеологическим и кадровым тылом для узбекских исламистов. В одной только семинарии Хакканиа в местечке Акора Хаттаке за 1991–1999 гг. прошли обучение около 60 выходцев из Узбекистана, Таджикистана и Казахстана²⁴. Надо иметь в виду, что первые студенты исламских учебных заведений из Узбекистана появились в Саудовской Аравии и Пакистане еще в 1980-х годах, а некоторые из них принимали участие в советско-афганской войне²⁵.

При участии исламистов, базирующихся в Пакистане и Афганистане, Исламское движение Узбекистана стало планировать диверсионно-подрывные операции. Не случайно исламисты были обвинены в совершении ряда крупных актов террора и саботажа, прежде всего в организации взрывов в центре Ташкента в феврале 1999 г.²⁶ В августе того года духовный лидер ИДУ Аз-Зубайр Ибн Абдур Рахим подписал воззвание с призывом к джихаду против режима Каримова и осуждением поддерживавшего его руководства Киргизии²⁷. Известно, что Намангани, опираясь на вышеупомянутую базу в Тавильдаре, в летние месяцы 1999, 2000 и 2001 гг. провел серию крупных диверсионных операций в высокогорных и предгорных районах Узбекистана и Кыргызстана. Уже первая их вылазка в 1999 г. вызвала громкий международный резонанс ввиду того, что они захватили на киргизской территории в качестве заложников группу японских геологов. Приме-

чительно, что местом успешных переговоров об их освобождении был Исламабад. Особенно серьезные размеры действия ИДУ приобрели в 2000 г., после того как Намангани вернулся в Тавильдару из Афганистана с большим подкреплением. В боевых операциях приняли участие несколько сотен вооруженных исламистов. За три года боев с исламскими инсургентами узбекские и киргизские регулярные части и пограничники понесли немалые потери²⁸. В порядке ответной услуги отряды ИДУ оказывали поддержку силам движения Талибан в их ожесточенной войне с противниками из так называемого Северного альянса. Они, в частности, помогли талибам в том же 2000 г. овладеть штаб-квартирой военного лидера альянса А.Ш.Масуда в городе Талука (центр северо-восточной провинции Тахар)²⁹.

Выход талибов и союзных с ними интернациональных исламских сил к границам Центральной Азии побудил власти региональных государств искать пути укрепления совместной безопасности. Основные диверсионные действия боевики из ИДУ, среди которых были представители разных национальностей, населяющих Центральную Азию, осуществляли вдоль горных границ, разделяющих Узбекистан, Киргизию и Таджикистан по направлению к Ферганской долине, также поделенной между ними. Это заставило центральноазиатские власти принять меры по укреплению взаимодействия, хотя накопившиеся противоречия, особенно между Узбекистаном и его соседями, устранены не были³⁰. Роль России возросла в качестве главной внешней опоры системы региональной безопасности. Она вносила решающий вклад в охрану наиболее проницаемой таджико-афганской границы и имела главенствующее положение в антитеррористическом центре Содружества независимых государств (СНГ). Увеличилась также роль Китая в регионе, что выразилось, в частности, в превращении летом 2001 г. организации пяти государств (Шанхайский форум) в Шанхайскую организацию сотрудничества с участием Китая, России и четырех центральноазиатских государств (за исключением Туркменистана)³¹.

Нужно подчеркнуть, что во всех отмеченных региональных процессах Пакистан оказывался на стороне, противоположной большинству центральноазиатских государств и России. К противостоящей ему мягкой коалиции во второй половине 1990-х и начале 2000-х годов добавились Иран, «вечный антагонист» Индия, а до некоторой степени и «испытанный друг» Китай³². Вместе с тем Исламабад использовал свое влияние на движение Талибан и всю радикально-исламистскую сеть для оказания давления на страны центральноазиатского региона, охотно выступая в роли медиатора и примирителя сторон. Таким образом, возникший в результате действий исламистов пакистано-афганский «коридор воздействия» на процессы в Центральной Азии приобрел в годы активных наступательных действий талибов наиболее отчетливый и значимый характер.

¹ Исключением из этого правила является, пожалуй, книга генерала А.А.Ляховского, где приводятся высказывания М.Зия уль-Хака и неоднократно упоминается о действиях пакистанской агентуры против СССР и пришедших ему на смену режимов в центральноазиатских республиках. См.: Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: Аскана, 1995.

² Согласно пакистанским данным, Москва в первой половине 1980-х годов выделила в долг Исламабаду 423 млн. долл., что позволило завершить строительство Пакистанского металлургического комбината, доведя его мощность в 1986 г. до плановой в 1,1 млн. т чугуна и стали. См.: Яковлев А.Д. Особенности экономического развития и внешнеэкономические связи Пакистана. Рукопись кандидатской диссертации. М., 1999, с. 108.

³ Davis A. How the Taliban became a military force – W.Maley ed. Fundamentalism Reborn? Afghanistan and the Taliban. Lahore: Vanguard Books, 1998, с. 44.

⁴ Harrison S.S. South Asia and the US: A Chance for a Fresh Start // Current History, March 1992, с. 96–97.

⁵ Yousaf M. and Adkin M. Afghanistan – The Bear Trap. The Defeat of a Superpower. Barnsley: Leo Cooper, 2001, с. 105.

⁶ Nasr S.V.R. Democracy and Islamic Revivalism // Political Science Quarterly. 1995, vol. 110, № 2, с. 277–278.

⁷ Энциклопедия Пакистана. – М.: Фундаментал пресс, 1998, с. 269–270.

⁸ Metcalf B.D. Islamic Revival in British India: Deoband, 1860–1900. Princeton, Princeton University Press, 1982, с. 87–263.

⁹ Об индийском ваххабизме, его отличиях от аравийского и истории движения Ахл-е хадис в Пакистане см.: Милославский Г.В. Ваххабизм в идеологии и политике мусульманских стран // Ислам и политика. – М.: Крафт+ИВ РАН, 2001, с. 76–80.

¹⁰ Автору приходилось уже указывать на эти обстоятельства. См.: Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в современном политическом мире. Взгляд из Москвы. N.Y.: The Edwin Mellen Press, 2001, с. 136–137; Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. – М.: Международные отношения, 2003, с. 117.

¹¹ Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана, с. 637–639.

¹² В мае 1992 г. в Душанбе утвердилось правительство национального примирения; ряд его членов, в том числе заместитель премьер-министра Д.Усмон, представлял Исламскую партию возрождения Таджикистана. См.: Олимова С., Олимов М. Исламская партия возрождения в межтаджикском конфликте и его урегулировании // Центральная Азия и Кавказ, 2001, № 1, с. 135.

¹³ Одна из попыток вмешаться в ход гражданской войны в Таджикистане была предпринята, по сведениям генерала Ляховского, почерпнутым из агентурных данных, в конце января 1993 г. В Пешаваре прошло совещание представителей мусульманских стран, в том числе, очевидно, Ирана, на котором были рассмотрены меры по оказанию помощи «таджикским братьям» в их «священной войне» и принято решение во главе таджикских боевых отрядов ставить афганцев, обладающих опытом партизанской войны

против советской армии. Таджикским исламистам, кроме того, выделялись значительные материальные средства. См.: Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана, с. 640.

¹⁴ Талибы превратились в военную силу, после того как организованный Н.Бабаром торговый караван отправился в октябре 1994 г. из пакистанского города Кветты в афганский Кандагар, намереваясь проделать путь до Туркмении, и для успеха этой операции к концу года они с боями овладели Кандагаром и всем южным Афганистаном. — A.Davis. How the Taliban became a military force, с. 45–50.

¹⁵ В эти районы были вытеснены силы таджикской оппозиции, обособившиеся главным образом в лагерях близ городов Мазари-Шариф и Талукан. Там летом 1993 г. объявили о создании Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) на базе Партии исламского возрождения и Демократической партии Таджикистана. Характерно, что уже весной 1994 г. под эгидой ООН начались переговоры о перемирии между ОТО и официальными властями в Душанбе. — Олимова С., Олимов М. Исламская партия возрождения в межтаджикском конфликте и его урегулировании, с. 136.

¹⁶ Впрочем, и на этом главном направлении Тегеран, как стало впоследствии известно благодаря публикации в «Нью-Йорк Таймс», изменил тактику. Он отказался от проведения террористических актов против США и сосредоточил свои подрывные усилия на помощи шиитским антиизраильским организациям. Последним антиамериканским актом, согласно обнародованным газетой разведывательным документам США, был взрыв комплекса «Кхобар тауэр» в Дахране (Саудовская Аравия) в июне 1996 г. Однако еще летом 1996 г. к иранским спецслужбам, известным своей причастностью к направленным против США акциям, обращались представители Осамы бен Ладена, незадолго до того перебравшегося из Судана в Афганистан. При этом главным связующим звеном между ними был лидер таджикских исламистов и Объединенной таджикской оппозиции Абдулла Нури, который характеризовался американской разведкой как близкий союзник бен Ладена. Попытки сближения между бен Ладеном и иранской контрразведкой предпринимались и ранее, но закончились неудачей из-за позиции Ирана (см.: Risen J. Bin Laden Sought Iran as an Ally, U.S.Intelligence Documents Say // <http://www.nytimes.com/2001/12/31>). К этому же времени относятся сведения о контактах между таджикскими исламистами и талибами. Как отмечают С.Олимова и М.Олимов, после усиления Талибана в начале 1996 г. произошло сближение Б.Раббани и А.Ш.Масуда с Москвой и соответственно изменилось их отношение к таджикской оппозиции. Она вступила в интенсивные конфиденциальные контакты с талибами, но вскоре прекратила их (см.: Олимова С., Олимов М. Исламская партия возрождения в межтаджикском конфликте и его урегулировании, с. 139). Стоит заметить, что это произошло, по всей видимости, по совету из Тегерана, который принял решение не поддерживать радикальные суннитские движения, к тому же исходящие из Пакистана, и подвигнул таджикскую оппозицию на поиски реального перемирия с Душанбе.

¹⁷ Если до 1994 г. Пакистан и Иран по преимуществу поддерживали соответственно Хекматъяра и Раббани-Масуда, то затем первый сделал ставку на талибов, а второй – на их противников.

¹⁸ Rashid A. Jihad. The Rise of Militant Islam in Central Asia. New Haven and London: Yale University Press, 2002, с. 140.

¹⁹ Ibid., с. 58–59.

²⁰ См. сноску 16.

²¹ Роль Пакистана в судьбах талибов на начальных этапах иллюстрирует присутствие его дипломатов и сотрудников ISI на высшем совете (*Shura*) в Кандагаре в апреле 1996 г., который в обстановке полной секретности продолжался в течение двух недель и завершился избранием муллы Омара руководителем движения Талибан с присвоением ему титула *амир уль-муминин* (вождя правоверных) и принятием программы радикальных действий по введению строгого исламского порядка. – Rashid A. Taliban. Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia. New Haven: Yale University Press, 2000, p.42–43.

²² Оно произошло в августе 1998 г. после штурма отрядами талибов города Мазари-Шарифа и учиненной ими зверской расправы над шиитами-хазарейцами (Rashid A. Taliban, с. 202, 204).

²³ Среди экстремистов, входящих в состав различных радикальных групп, были также выходцы из Таджикистана. Двое из них, члены ваххабитской группы Тафкир, были убиты в марте 1997 г. в столкновении с пакистанской полицией в одном из лагерей беженцев в Пешаваре. Ibid., с. 137.

²⁴ Rashid A. Taliban, с. 91; значение этой семинарии для подготовки кадров талибов и исламистов из различных стран было и остается исключительно большим. Ее возглавляет маулана Сами уль-Хак, наиболее радикальный лидер ДУИ, партии улемов-деобанди.

²⁵ Ibid., с. 149.

²⁶ E.Abdullaev. The Central Asian Nexus: Islam and Politics – B.Rumer ed. Central Asia. A Gathering Storm, N.Y.: M.E.Sharpe, 2002, с. 265; Ислам Каримов заклеил религиозный фанатизм // Время МН, 24.02.99; Дубнов А. Ислам Каримов называет имена // Время МН, 16.03.99.

²⁷ Rashid A. Jihad, с. 247–249.

²⁸ Ibid., с. 162, 172.

²⁹ Ibid., с. 174.

³⁰ Наряду с мерами по совместной защите, по большей части декларативными, узбекские власти предприняли вполне реальные шаги по охране своей территории, минирова границу с Киргизией и Таджикистаном и устанавливая жесткую систему пограничного контроля. Ibid., с. 160–164.

³¹ Системная история международных отношений в четырех томах. 1918–2003. Том третий. – М., 2003, с. 605–606.

³² На этот геополитический расклад указывает А.Рашид (Rashid A. Taliban, с. 77). Практическим его следствием было, например, использование Россией, Ираном и Индией аэродрома в таджикском городе Кулябе для снабжения антиталибских сил А.Ш.Масуда оружием и продовольствием.

РОССИЯ И АФГАНИСТАН

В основе национальных интересов России в регионе Среднего Востока и в Афганистане, в частности, лежит безопасность ее южных границ и территорий ее центральноазиатских союзников – стран-членов СНГ. При этом Россия выступает в качестве гаранта безопасности последних. Что касается самого Афганистана, то Россия провозгласила отвечающие национальным интересам ее самой и государств региона следующие цели своей афганской политики: достижение политической стабильности в Афганистане, искоренение источников международного терроризма и наркобизнеса, сохранение независимости и территориальной целостности страны, поддержание с ней добрососедских отношений, содействие соблюдению прав человека.

Эти цели остались неизменными и после падения режима талибов, в событиях вокруг которого Россия принимала заметное участие. Еще до терактов 11 сентября Москва активно поддерживала различные силы в Афганистане, выступавшие против афганских экстремистов и террористической организации «Аль-Каида», поставляя военную и иную помощь антиталибскому Северному альянсу. Накануне военной операции в Афганистане Россия решительно присоединилась к международной антитеррористической коалиции, разрешив использование своего воздушного пространства для доставки гуманитарной помощи Афганистану. При этом она благоразумно воздержалась от непосредственного участия в военной операции, учитывая негативные последствия собственной оккупации Афганистана в 1979–1989 гг. и попыток его «советизации». Кроме того, по согласованию с Москвой страны Центральной Азии также открыли свое воздушное пространство для авиации США и их союзников, а Узбекистан и Киргизия, а позже и Таджикистан предоставили свою территорию для размещения их войск. При этом президент В.Путин во время своего визита в США в октябре 2001 г. подчеркнул, что Россия намерена сотрудничать с США в Центральной Азии, а не соперничать.

В период еще до свержения режима талибов Москва активно включилась в поиски формулы будущего афганского правительства, предлагая сформировать коалиционное правительство с участием всех политических и этнических групп афганского населения. Целью внешней политики России, заявил президент В.Путин на встрече с президентами Таджикистана и Афганистана соответственно Э.Рахмоновым

и Б.Раббани в Душанбе в октябре 2001 г., «является создание такой ситуации в Афганистане, в условиях которой афганский народ может сам определить свое будущее». Он выразил убеждение, что новое афганское правительство «должно быть дружественным в отношении к своим соседям, включая Российскую Федерацию». При этом он категорически отверг возможность участия в таком правительстве представителей «умеренных» талибов, на чем настаивал Пакистан при негласной поддержке США. «Мы полагаем, – подчеркнул В.Путин, – что движение «Талибан» скомпрометировало себя сотрудничеством с международным терроризмом. Поэтому мы считаем справедливой позицию Исламского Государства Афганистан, исключающей участие талибов в будущем афганском правительстве»¹.

Россия приняла участие и в работе Боннской конференции в декабре 2001 г., где происходил процесс формирования Временной афганской администрации, хотя первую скрипку в этом процессе играли США и ООН. Тем не менее ключевые посты (министры обороны, внутренних и иностранных дел) в новом правительстве заняли представители Северного альянса, чьи интересы на конференции лоббировала Москва. В дальнейшем она продолжала делать ставку на лидеров альянса, и эта позиция стала доминирующей в афганской политике России, что в условиях усилившегося политического и этнического раскола в афганском обществе не способствовало утверждению ее влияния как одного из крупных участников антитеррористической коалиции и ведущей региональной державы.

Впрочем, такая позиция, страдающая определенной неадекватностью, имела свое исторически обусловленное обоснование. Во-первых, Северный альянс представлен народностями, имеющими общие этнические корни с населением стран Центральной Азии, бывших республик СССР. Во-вторых, в период после Второй мировой войны Советский Союз в условиях острого политико-экономического соперничества с США отдавал предпочтение Северу Афганистана, где сооружалось большинство экономических объектов при советском технико-экономическом содействии. Эти районы рассматривались советским руководством как фактическая зона влияния СССР. Кроме того, население, оказавшееся в районах боевых действий между талибами и Северным альянсом, в большей степени пострадало, нежели юг Афганистана. Ставку на «северян» сделали и некоторые соседи Афганистана, оказывавшие военную помощь Северному альянсу в период его борьбы против талибов, – Иран, Таджикистан и Индия.

В целом российское руководство не скрывало своего удовлетворения по поводу состава Временного правительства Афганистана, сформированного на Боннской конференции. Позицию Москвы озвучил министр обороны С.Иванов на следующий день после подписания Боннских соглашений: «Решения, принятые в Бонне, являются зеркальным отражением нашей позиции. Я хотел бы напомнить, о

чем мы говорили более месяца назад: мы поддерживаем формирование широкой коалиции с участием всех этнических групп»².

Еще до окончания военных действий в Афганистане Россия заявила о своей готовности оказать многостороннюю помощь афганскому населению. При этом речь шла в первую очередь о предоставлении гуманитарной помощи, что подтвердил министр иностранных дел И.Иванов после встречи в Душанбе в октябре 2001 г. со своим афганским коллегой д-ром Абдуллоем. «Это то, в чем больше всего нуждается в настоящее время Афганистан, а не в военно-техническом сотрудничестве», – подчеркнул он. Тем не менее он добавил, что «если афганское министерство обороны попросит осуществить поставки оружия или подготовку военных кадров в России, то мы пойдем навстречу»³.

Уже к концу октября 2001 г. в Афганистан было отправлено 75 тонн продовольствия и 10 тонн медицинских препаратов. МЧС России объявило о том, что к концу месяца в Афганистан будет отправлено самолетами и по железной дороге большая партия помощи, в том числе семь электрогенераторов, 1200 обогревателей, а также продовольствие и лекарства для афганских беженцев⁴. К апрелю 2003 г. пакет российской помощи населению Афганистана включал более 420296 т продовольствия, 2198 т медицинского оборудования и препаратов, 15282 кровати, 1200 обогревателей, 13 мини-электростанций, 780 палаток, 11000 простыней, 49674 спальные принадлежности, 11000 предметов кухонной посуды и 9 т моющих средств⁵.

В ноябре 2001 г. в Кабуле было открыто посольство Российской Федерации, которое активно включилось в координацию мероприятий по поступлению и распределению российской гуманитарной помощи Афганистану.

Уже в конце декабря 2001 г. в афганской столице был развернут российский полевой госпиталь на 30 коек. В страну начали прибывать специалисты по разминированию афганской территории (по разным данным, в афганской земле в результате 20-летней войны оставались от 10 до 30 млн. различных мин).

В январе 2001 г. Россия приняла участие в работе международной конференции стран-доноров Афганистана в Токио. И хотя Москва не приняла никаких финансовых обязательств и не оказалась в числе финансовых доноров в силу собственной экономической слабости, не обещая никаких инвестиций в афганскую экономику, но выразила готовность широко участвовать в международной программе восстановления Афганистана, в оказании ему различного рода технико-экономической помощи. На встрече главы российской делегации, заместителя министра иностранных дел С.Орджоникидзе с афганским лидером Хамидом Карзаем последний высказал пожелание, чтобы Россия «концентрировала усилия на особо важных для Афганистана вопросах – снабжении электричеством, строительстве ирригационных сооружений, разминировании».

Однако основные направления сотрудничества России с новым Афганистаном были намечены во время визитов в Москву афганских руководителей. Первым из них был министр обороны М.К.Фахим, прибывший в российскую столицу 11 февраля 2002 г. На встрече с российским министром обороны С. Ивановым он заявил, что Кабул намерен возобновить военно-техническое сотрудничество с Москвой в полном объеме. И хотя конкретная программа такого сотрудничества во время визита не была разработана, тем не менее стороны обсудили целый комплекс мероприятий по участию России в строительстве афганских вооруженных сил. Генерал Фахим не требовал поставки оружия, подчеркнув, что имеющегося в наличии в Афганистане оружия еще советского производства вполне достаточно, чтобы оснастить армию. По мнению афганского министра, афганской армии требовались лишь запасные части к оружию и военной технике советского производства, которая в изобилии находится на территории Афганистана.

По данным доклада Наблюдательной группы ООН по Афганистану, представленного Совету Безопасности ООН, после ухода советских войск из страны в феврале 1989 г. на вооружении правительственных войск и моджахедов оставалось 4880 артиллерийских установок, 2000 безоткатных орудий, 11000 противотанковых орудий, 5000 крупнокалиберных зенитных установок. Если даже часть этого оружия вышла из строя, а остальная представлена устаревшими образцами, тем не менее оно вполне могло бы быть использовано в Афганистане при наличии запчастей.

Однако речь в Москве шла не только о поставках запасных частей. В ходе переговоров все-таки выявилась потребность Афганистана в новых партиях вооружения и военной техники. Речь шла о поставках танков Т-55 и Т-62, боевых машин пехоты, реактивных систем залпового огня «Град», вертолетов Ми-8, модернизированных истребителей МиГ-21.

Кроме того, афганская армия на протяжении последних десятилетий создавалась с помощью СССР, по образцу советской армии и оснащалась советским оружием. Поэтому важным был вопрос и о подготовке военных кадров. И уже летом 2002 г. в военных учебных центрах России появились первые группы афганских курсантов. Одновременно планировалось начать подготовку афганских офицеров на базе 201-й российской мотострелковой дивизии, которая дислоцирована в Таджикистане.

В начале марта в Москве побывал министр внутренних дел Афганистана Ю.Кануни, которому было обещано содействие в организации органов внутренних дел, в первую очередь путем подготовки и переподготовки национальных кадров в учебных заведениях МВД России. Были обсуждены также вопросы об оказании Афганистану различных видов помощи на безвозмездной основе, проблема борьбы с терроризмом и незаконным оборотом наркотиков.

Наконец, 11 марта 2002 г. гостем российской столицы стал глава Временной администрации Афганистана Хамид Карзай. Его визит но-

сил многоплановый характер, но в первую очередь был посвящен четырем основным темам – двустороннему технико-экономическому (в том числе военному) сотрудничеству, программе подготовки афганских кадров в России, взаимодействию в Центральной Азии и борьбе с наркобизнесом. Россия имеет богатый опыт в подготовке афганских кадров: в 1985–1986 гг. в СССР учились одновременно около 5 тыс. афганцев (из них более 15% военных). Упоминались и конкретные объекты сотрудничества на ближайшее время: Россия взялась восстановить созданные при содействии СССР в 60–70-е гг. Кабульский политехнический институт, автомеханический техникум в Кабуле и горно-нефтяной техникум в Мазари-Шарифе. Еще до отъезда в Москву Х.Карзай заявил о том, что в деле послевоенного восстановления Афганистана Кабул «отдает приоритет России в восстановлении тех объектов, которые были в свое время построены советскими специалистами». В первую очередь речь идет об объектах в газодобывающей, сельскохозяйственной, пищевой и легкой промышленности. Стороны подписали в Москве более двух десятков документов – о восстановлении промышленных объектов, об энергоснабжении, о поставках «КАМАЗов» и другие. К сожалению, пока эти планы остаются на бумаге, условий для их практической реализации еще не создано.

Что касается вклада России в создание новой афганской армии, то он оказался весьма незначительным, в основном в силу политических причин: главные функции в этой области взяли на себя США и Франция, которые приступили к созданию новой армии на месте, в самом Афганистане. Сказалось явное финансовое преимущество двух стран перед Россией, а также фактор их непосредственного военного присутствия в Афганистане. К тому же Москва рассчитывала использовать свои старые связи с генералом Фахимом, который пытался реализовать идею создания новой армии на базе вооруженных формирований Северного альянса, которые он возглавляет до сих пор. Однако планы афганского министерства обороны натолкнулись на противодействие со стороны президента Х.Карзая и его американских спонсоров. Поэтому участие России в создании новой афганской армии оказалось весьма ограниченным.

Тем не менее Россия успешно выполняет свои обязательства по оказанию содействия в создании афганских вооруженных сил: идет процесс ремонта и модернизации находящихся в наличии в Афганистане оружия и военной техники. В России готовится младший офицерский состав афганской армии. В сентябре 2002 г. в Кабуле побывал с визитом министр обороны России С. Иванов. Он обсудил со своим афганским коллегой возможности расширения военного сотрудничества двух стран. Российский министр подтвердил намерения Москвы продолжать готовить военные кадры для Афганистана и осуществлять поставки запчастей для боевой техники. С.Иванов сообщил, что на цели оказания военного содействия Афганистану планируется выделить 70 млн. долларов.

В своем стремлении принять участие в восстановлении Афганистана Россия не ограничивается участием в создании Национальной армии. Выступая на конференции, посвященной проблемам Афганистана в сентябре 2003 г. в Нью-Йорке, министр иностранных дел И.Иванов подчеркнул, что «Россия готова оказать помощь во всем, что касается вопросов внутренней и внешней безопасности Афганистана». В частности, в сфере оказания технического содействия в создании новых правоохранительных органов страны. Российский министр сообщил, что только в 2003 г. на строительство вооруженных сил и различных правоохранительных структур Афганистана из российского бюджета выделено 50 млн. долларов. При этом Россия не вступает в конкуренцию с Германией, которая готовит кадры для афганской национальной полиции. Вместе с тем С.Иванов выразил намерение России более тесно сотрудничать в этой области со странами-донорами Афганистана. Переходное правительство Хамида Карзая, заключил свое выступление в Нью-Йорке российский министр, может вполне положиться на поддержку со стороны России⁶.

Недавно военное сотрудничество России с Афганистаном получило новое измерение. Во время посещения выставки оружия в Нижнем Тагиле начальник Генерального штаба Российской армии генерал А.Квашнин заявил о том, что ряд восточноевропейских стран выразил желание модернизировать имеющиеся у них советское и российское оружие и военную технику с целью подогнать их под стандарты НАТО. А.Квашнин отметил, что этот опыт можно распространить и на другие страны, где имеется советское оружие, в том числе и на Афганистан и Ирак. При этом он высказал убежденность, что НАТО может затем поставить боеприпасы для модернизированного на российских военных предприятиях оружия⁷.

Что касается других сфер российского участия в восстановлении и реабилитации Афганистана, то роль России здесь выглядит более чем скромно. Наиболее ощутимой представляется политическая поддержка Россией Афганистана на всех международных форумах, в первую очередь ООН. При этом Москва выступает не только как равный партнер южного соседа, но и как защитник его национальных интересов. Так, не без содействия России афганский президент участвовал в качестве наблюдателя на недавнем (16–17 июля 2004 г.) саммите стран-членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в Астане. Это можно расценивать как явный признак того, что вскоре Афганистан может присоединиться к этой организации на правах постоянного участника, впрочем, как и ряд других стран, претендующих на вступление в ШОС (Иран, Пакистан, Индия).

Гораздо менее масштабным выглядит технико-экономическое содействие России Афганистану. Наиболее активными участниками экономического сотрудничества двух стран все чаще выступают частные российские компании, в основном из нефтегазового сектора. Они

изучают возможности инвестировать в полуразрушенную и фактически заброшенную инфраструктуру газодобывающей отрасли Афганистана с целью ее восстановления. Однако пока это всего лишь проекты. Их реализация тормозится нестабильной обстановкой в стране.

Надо сказать, что при этом государство не самоустраняется от участия в восстановлении Афганистана. Так, в реанимируемом проекте строительства газопровода Туркмения-Пакистан, который пройдет через афганскую территорию, выразил намерение участвовать концерн «Газпром». Стоимость проекта оценивается в 2,5 млрд. долларов. Предполагается, что доля участия российского концерна в международном консорциуме инвесторов во главе с американской нефтяной компанией ЮНОКАЛ (UNOCAL) составит 10%.

Предполагается участие России еще в одном крупномасштабном экономическом проекте – строительстве железных дорог в Афганистане. К этому проявляют интерес и его соседи – Иран и Индия, которые в 1998 г. вместе с Россией и Оманом подписали соглашение о создании международного транспортного коридора «Север-Юг». В 2004 г. к соглашению присоединились еще несколько стран, в том числе Казахстан и Туркмения. При этом Россия, обладая большим опытом разработки технико-экономического обоснования подобных объектов, выступает в качестве главного участника проекта. Предполагается построить трансафганскую железную дорогу, которая соединит страну с сетью железных дорог Ирана, Центральной Азии и, вероятно, Пакистана. В итоге у Афганистана не только появятся новые возможности для внутренних перевозок, но и страна превратится в крупный международный транзитный узел. Излишне говорить о тех выгодах, которые получит Афганистан от такого проекта.

Касаясь отношений между Россией и Афганистаном, следует учитывать ряд объективных и субъективных факторов, которые существенно ограничивают перспективы развития этих отношений. Так, с октября 2003 г. в ходе двусторонних контактов российской стороной все чаще поднимается вопрос о возвращении афганского долга России, который оценивается в 9,2 млрд. долларов. Речь идет о старых, предоставленных еще Советским Союзом займах и кредитах как на поставку советского оружия и военной техники, так и на экономическое развитие Афганистана. Это весьма болезненная проблема для обеих сторон. Россия, считающаяся наследницей СССР и не имеющая достаточных финансовых возможностей, требует возврата долга с тем, чтобы его можно было использовать для оказания помощи Афганистану в настоящее время. Афганистан, со своей стороны, не может сейчас выплатить долг в силу сложного экономического положения. Кроме того, тут примешивается и фактор морального свойства: Россия в глазах многих афганцев, особенно тех, кто провел последние годы в эмиграции на Западе, несет ответственность за тот ущерб, который был нанесен стране (в первую очередь более 1 млн. погибших) во время

советской оккупации Афганистана. Некоторые даже убеждены, что Россия должна выплатить репарации за этот ущерб⁸.

Проблеме афганского долга была посвящена встреча министров иностранных дел двух стран во время визита в российскую столицу главы внешнеполитического ведомства Афганистана д-ра Абдуллы в мае 2004 г. Москва согласилась на сокращение и реструктуризацию долга, однако окончательного решения проблемы пока не найдено.

Сложной и достаточно деликатной проблемой для Москвы представляются ее усилия по «встраиванию» России в структуру международного взаимодействия в Афганистане. Впрочем, она имеет здесь ряд преимуществ: огромный объем технико-экономической помощи, оказанной ею в прежние времена, до сих пор благожелательно оценивается большинством афганцев, не питающих видимой ксенофобии к русским. Западное же присутствие в Афганистане, в том числе и в первую очередь военное, воспринимается неоднозначно, особенно в зоне консервативных по своему духу пуштунских племен, еще не до конца избавившихся от влияния талибской пропаганды и идеологии: многие пуштунские полевые командиры и часть рядовых афганцев, поддерживая в целом правительство прозападного премьер-министра Х.Карзая, весьма болезненно относятся к военному присутствию американцев в стране.

Однако по мере завершения военных действий в Афганистане и последующего вероятного вывода американских войск США по-прежнему, хотя и в другом качестве, останутся в стране как ведущая держава-спонсор и фактический гарант стабильности. Это должна будет учитывать Россия. Не вступая в соперничество с США и другими западными державами, не стремясь вернуться к былому политическому доминированию в Афганистане, Москве придется выработать гибкую формулу взаимодействия с ними, иначе говоря, найти свою нишу в этом механизме с учетом собственных политических, экономических и финансовых интересов и возможностей. Тем более что США и их партнеры по НАТО не идут на активное сотрудничество с Россией в Афганистане и по существу отводят ей роль аутсайдера на афганской политической арене.

Более того, в среде афганской политической элиты доминируют религиозные консерваторы и либералы прозападного толка, которые воспринимают Россию через призму недавнего прошлого. Об этом свидетельствует нежелание афганских властей содействовать возвращению на родину многих эмигрантов, находящихся в России, в первую очередь бывших руководителей и функционеров правившей в 1978–1992 гг. Народно-демократической партии Афганистана. А среди них есть немало квалифицированных специалистов, в которых так остро нуждается сегодня страна.

Не способствует расширению отношений между двумя странами и ситуация с афганской диаспорой в России, насчитывающей около 90 тыс. человек. Афганские беженцы и эмигранты, за редким исклю-

чением, не имеют официального статуса и находятся поистине в бедственном положении. Большинство из них не обеспечено ни работой, ни учебой, ни другими социальными благами, ни адекватным участием в общественной и культурной жизни страны пребывания. Неудивительно, что многие афганские эмигранты, причем самые политически активные и образованные, уезжают из России на Запад.

Есть еще одна сложная проблема, которая связана с Афганистаном, – это наркобизнес. В условиях быстрого роста производства наркотиков в Афганистане Россия оказывается самой крупной жертвой наркоэкспансии: большая часть афганских наркотиков переправляется через страны Центральной Азии в Россию, а затем часть из них – на Запад. По данным председателя Комитета по борьбе с незаконным оборотом наркотиков Н.Черкесова, 70% потребляемого героина в России поступает из Афганистана. За последние 10 лет рынок наркотических веществ в России увеличился в 23 раза, и число лиц, употребляющих наркотики, в 2003 г. составило 4 млн. человек. Основной поток афганских наркотиков поступает в Россию через Таджикистан, затем по территории Киргизии и Казахстана. Несмотря на то, что основная часть таджико-афганской границы охраняется российскими пограничниками, они способны задержать не более 10% проникающих из Афганистана наркосредств⁹. Проблема наркотиков осложняется тем, что на Россию оказывается нажим со стороны Запада с целью заставить ее вывести своих военнослужащих из Таджикистана. В мае 2004 г. Москвой было принято такое решение, которое предусматривает вывод российских частей к 2006 г. Можно вполне предположить, что афгано-таджикская граница вслед за этим станет более прозрачной.

Тем не менее Россия в ближайшем будущем найдет возможности более масштабно участвовать в восстановлении экономики Афганистана. Действительно, здесь у нее широкое поле деятельности. Она может использовать старые, традиционные каналы сотрудничества: за весь послевоенный период при технико-экономическом содействии Советского Союза в стране было построено 193 экономических объекта, причем наиболее крупные из ныне существующих. Большинство из них за годы гражданской войны были не разрушены, а просто запущены. Их следует переоснастить, модернизировать и пустить в эксплуатацию. Для этого потребуются инженерно-технические кадры, сравнительно небольшой объем оборудования и запасных частей. При соответствующей финансовой поддержке международных спонсоров Афганистана Россия сможет это обеспечить.

Еще одно поле деятельности, где Россия может и должна оказать существенную помощь Афганистану, – это социальная сфера. Эта помощь хоть и потребует значительных финансовых расходов, но будет вполне оправдана с точки зрения ее значимости для восстановления нормальной жизни в стране и может принести Москве немалые политические дивиденды. Особое значение может приобрести участие Рос-

сии в расширении и модернизации системы образования, где накоплен большой опыт сотрудничества. Следует также наладить культурные и научные связи России и Афганистана, которые в настоящее время практически отсутствуют. Руины комплекса зданий Советского дома науки и техники в Кабуле зримо напоминают о высоком уровне культурных и научных контактов двух стран в недалеком прошлом.

С известной долей оптимизма можно предполагать и активное развитие торговли между двумя странами, участниками которой могут стать и государство, и отдельные регионы, и частные структуры, и афганские купцы, находящиеся в эмиграции в России. Предметами российского экспорта могут быть не только и не столько оружие и военная техника, сколько транспортные средства, оборудование для промышленных предприятий, энергетических объектов, ирригационных систем, для восстановления дорожной сети, сельскохозяйственной техника, удобрения.

Наконец, Россия может оказать содействие Афганистану в его подключении к региональным экономическим проектам.

Характер и масштабы российского участия в восстановлении Афганистана будут зависеть не только от намерений и возможностей России, но и, во-первых, от потребностей самого Афганистана, во-вторых, от политической обстановки, которая сложится в стране после всеобщих выборов, и, в-третьих, от того, насколько это участие «впишется» в общий механизм международного сотрудничества с Афганистаном. Представляется важным правильно распределить роли среди участников этого сотрудничества, стремиться избегать ненужного соперничества и при этом не преступить грани, за которой начинается вмешательство во внутренние дела.

С учетом этих обстоятельств Россия имеет возможности в перспективе не только восстановить утраченные позиции в Афганистане, но и внести заметный вклад в общие усилия по его восстановлению и превращению страны в зону политической стабильности. Это будет отвечать интересам как России и Афганистана, так и мирового сообщества.

¹ *Putin rejects Taliban – and that's not final* // Asia Times, October 24, 2001.

² *Moscow Got What It Wanted in Kabul* // Moscow Times, December 10, 2001.

³ *Putin rejects Taliban – and that's not final* // Asia Times, October 24, 2001.

⁴ Ibid.

⁵ US Central Command Report. Washington, April 23, 2004.

⁶ *Russia ready to help strengthen Afghanistan's security*. www.pravda.ru, September 25, 2003.

⁷ ИТАР-ТАСС, 10.07.2004.

⁸ Dr.G.Rauf Roashan. *Russia Wants \$ 9,8 Billion From Afghanistan*. www.users.tns.net, September 20, 2003.

⁹ *Drugs From Afghanistan Flood Russia* // Associated Press. Moscow, August 27, 2003.

ПАКИСТАН И АФГАНИСТАН: СМЕНА КУРСА

В самом начале XXI в. под влиянием внешних событий произошел крутой перелом стратегического курса Пакистана, существенно изменилось его положение на международной арене, резко улучшились отношения с США и другими западными державами. В то же время внешние события негативно сказались на внутривнутриполитической ситуации, вызвав сильнейший взрыв недовольства мусульманского населения Пакистана, рост исламского экстремизма и терроризма; впервые в истории страны ее власти начали разностороннюю борьбу с исламорадикализмом.

Как известно, Пакистан во многом содействовал созданию на своей территории религиозного экстремистского движения «Талибан» и выводу его в Афганистан для участия в военно-политической борьбе, которая долгие годы шла в этой стране. Пакистан оказывал талибам широкую помощь и поддержку, защищал их на международной арене, пытался ослабить давление на них мирового сообщества, действия санкций ООН. Пакистан был одним из трех государств, которые официально признавали правительство талибов. К началу 2000 г. талибы захватили 90% территории Афганистана. Правда, к этому времени отношения между Исламабадом и Кабулом ухудшились – талибы по мере своих побед становились малоуправляемыми, слабо считались со своими «благотельями», предпринимали акции, против которых выступал Пакистан, – разрушение статуй Будды в Бамиане, обязательное ношение проживающими в стране индустрами на рукаве оранжевой повязки, запрет пользоваться интернетом и др. Талибы, несмотря на все уговоры Исламабада, отказались выслать из страны «террориста № 1» Осаму бен Ладена. Они отвергали предложения пакистанцев сделать политику Кабула не такой жесткой и более приемлемой для мирового сообщества.

В то же время руководство «Талибана» все больше подпадало под влияние «арабских талибов», самого бен Ладена и его международной террористической организации «Аль-Каида». Естественно, союзнические отношения с таким режимом наносили ущерб имиджу Пакистана, осложняли его положение на мировой арене; в некоторых международных организациях было приостановлено его членство, резко сократилось число государственных визитов в страну. Тем не менее Исламабад оставался одним из немногих союзников «Талибана», оказывающим ему разностороннюю помощь¹.

Как долго продолжались бы подобные отношения, какую форму они бы приняли, сказать трудно. Да это уже и не имеет большого значения. После трагических событий в Америке 11 сентября 2001 г. ситуация в регионе резко изменилась: была создана мощная международная антитеррористическая и антиталибская коалиция, в рядах которой оказался и Пакистан. Все прежние связи с бывшими союзниками были прерваны.

Изменение афганской политики Исламабада, поворот ее на 180 градусов был для Пакистана крайне трудным делом. Вчерашние друзья и союзники стали врагами, а с прежним противником – Северным альянсом следовало налаживать отношения, так же как и со стоящими за ним Россией, Ираном и Индией. Сложной была и внутренняя обстановка в Пакистане – быстрая смена внешнеполитических ориентиров вызвала сильнейший взрыв недовольства, особенно в районах, привлекающих к афганской территории и населенных пуштунами (подавляющее большинство талибов составляли пуштуны). Против новой политики Исламабада, расценивавшейся как «предательство братьев-талибов», проходили массовые демонстрации протеста, носившие как антиамериканский, так и антиправительственный характер. В пуштунских районах страны тысячи жителей переходили границы, чтобы добровольно сражаться на стороне «братьев». Созданные в свое время при помощи пакистанских властей и фундаменталистских партий военизированные исламистские организации для террористической деятельности в Афганистане и Кашмире с осени 2001 г. развернули экстремистскую деятельность в самом Пакистане и стали представлять большую опасность для вскормившего их государства.

Все это обусловило относительно постепенный переход Исламабада на новые позиции в отношении Афганистана и принятие разного рода мер, чтобы этот переход не был слишком вызывающим. Прежде всего Пакистан попытался отделить талибов от бен Ладена и его «Аль-Каиды» и тем самым спасти первых. Сразу же после 11 сентября 2001 г. в Афганистан были посланы две делегации – государственных деятелей и духовных лиц. Они вели переговоры с политическими и религиозными представителями Кабула, призывая их понять серьезность момента и избавиться от сильнейшего раздражителя для США – Осамы бен Ладена и тем самым предотвратить «акцию возмездия» против самих талибов. Однако последние вновь отказались выдворить террориста № 1.

Пакистанцы, пытаясь в какой-то мере уберечь талибов от полного разгрома, стремились ослабить роль и действия Северного альянса, с которым у них самих, особенно на первых стадиях кампании, были довольно неприязненные отношения. Была выдвинута идея о приведении к власти в Афганистане так называемых «умеренных талибов», способных заменить прежнее, негибкое, неспособное к переменам руководство движения «Талибан». Кстати, к этой идее пози-

тивно отнеслись США, которые также не хотели единовластия Северного альянса. В печатных изданиях того времени много говорилось о тайном пребывании в октябре представителей этих кругов талибов во главе с бывшим министром иностранных дел в правительстве «Талибана» В.А.Муттавакилем и об их встречах с находившимся тогда в Исламабаде госсекретарем США К.Пауэллом².

В дальнейшем Пакистан и США, опасаясь усиления Северного альянса, выступали против взятия «северянами» Кабула до формирования новых органов власти, а затем – за демилитаризацию афганской столицы. Оба государства при образовании Временной афганской администрации прилагали меры по усилению в ней «пуштунского» элемента. Так, в начале 2002 г. группа талибов, отошедших от муллы Омара и создавшая по совету пакистанских спецслужб свою организацию, пребывала в Пакистане. С помощью пакистанцев и американцев они вступили в контакт с кабульской администрацией. Однако влиятельная непуштунская часть правящей элиты Афганистана резко воспротивилась каким-либо контактам Кабула с этой группой³. Вопросы «продвижения» пуштунов на политическую сцену Афганистана обсуждались на встрече летом 2003 г. на военновоздушной базе близ Кветты между представителями пакистанской Объединенной военной разведки (ОВР), ФБР и группой талибов⁴. Пакистан, который в период дружбы с талибами разделял их негативное отношение к бывшему королю Захир Шаху, теперь изменил свою позицию и полностью поддерживал афганского экс-короля. Исламабад положительно отнесся к утверждению одного из пуштунских лидеров – Хамида Карзая главой Временной афганской администрации.

В то же время пакистанское руководство стремилось установить связи и с другими афганскими политическими группами и прежде всего с наиболее сильной из них – Северным альянсом. Во время конференции в Бонне представителей основных политических сил Афганистана в конце 2001 г., где формировалась Временная афганская администрация, пакистанский президент П.Мушарраф заявил о поддержке создания в Афганистане правительства на широкой основе и о признании Северного альянса и всех входящих в него групп. Такому шагу предшествовал политический диалог между Исламабадом и руководством Северного альянса; контакт между ними был инициирован при посредничестве Ирана и Турции и получил одобрение США⁵. Разумеется, в дальнейшем в отношениях между этими сторонами имели место осложнения, столкновения, взаимные обвинения. Так, в общеафганском хоре обвинений в адрес Пакистана по тем или иным проблемам особенно громко звучал голос представителей Северного альянса по поводу недостаточной активности Пакистана в общей борьбе против талибов; он обвинялся и в том, что талибы находят приют на пакистанской территории, что там скрываются лидер талибов мулла Омар и бен Ладен и т.д. Ответы Пакистана были также достаточно резки.

Исламабад, исходя прежде всего из внутренней обстановки в стране, не сразу во всем поддержал США, некоторое время он пытался занимать некую «среднюю линию». Переходу к более активным действиям содействовали широкие солидарные международные усилия по проведению антитеррористической кампании в Афганистане и довольно вялая реакция на эти действия со стороны руководства многих мусульманских стран. Но главное, и это быстро поняли в Исламабаде, было то, что участие в антитеррористической кампании открывало перед Пакистаном широкие перспективы сотрудничества с западным миром, улучшение политического имиджа страны на мировой арене, освобождение от тяжелых санкций, наложенных в прежние годы за развитие военной ядерной программы, военный переворот, за поддержку исламского радикализма и терроризма.

Втягивание Пакистана в антитеррористическую кампанию в Афганистане происходило постепенно. Началось с того, что Исламабад блокировал поставки в Афганистан нефтепродуктов, прекратил транзитную торговлю, заморозил банковские счета высокопоставленных талибских деятелей, военных командиров, духовных лиц. Затем была закрыта граница с Афганистаном (насколько это возможно, учитывая ее длину – около 2500 км и сложный характер местности). Наладилось сотрудничество американских и пакистанских спецслужб к их взаимной пользе: информация пакистанской разведки была весьма ценна, поскольку эта разведка долгие годы сотрудничала с талибами, а ЦРУ, за десятилетия работы в Пакистане хорошо знавшее ситуацию здесь, «наводило» его контрразведчиков на деятелей, так или иначе связанных с исламистами. В начале 2002 г. имел место крупный успех совместной акции двух спецслужб – задержание в Пакистане второго по значению человека в «Аль-Каиде» – Абу Зубейды. Пакистан предоставил США свободу действий в своем воздушном пространстве. И, наконец, американцы получили четыре авиационные базы на пакистанской территории, что имело большое значение для США и их союзников.

Одновременно происходило и постоянное свертывание дипломатических отношений Исламабада с правительством талибов. Пакистанское представительство в Кабуле было закрыто вскоре после событий 11 сентября 2001 г. Новая дипломатическая миссия начала свою работу в Кабуле при новом режиме в январе 2002 г. Пакистанские консульства были открыты в Джалалабаде, Кандагаре, Мазари-Шарифе. Осенью 2001 г. прекратило свою деятельность посольство талибов в Пакистане. После падения Кабула в конце ноября 2001 г. Исламабад объявил о разрыве дипотношений с режимом «Талибан» (Пакистан сделал этот шаг последним из трех государств, признававших правительство талибов).

США были удовлетворены действиями Пакистана в Афганистане. Высокопоставленные чины американской администрации расточали в адрес Исламабада комплименты. За словами следовали дела. Уже в

конце сентября Дж.Буш объявил о снятии санкций с Пакистана. Затем США отсрочили выплату процентов по пакистанскому внешнему долгу, предоставили ряд льготных займов. Америка открыла свои рынки для пакистанской продукции. Кроме экономической помощи в Пакистан стала поступать техника двойного назначения и некоторые виды оружия. В 2004 г. США предоставили Пакистану статус основного союзника вне структуры НАТО (союзники США этой категории в военных отношениях с Вашингтоном пользуются режимом наибольшего благоприятствования). США практически не прореагировали на разразившийся в Пакистане скандал, когда стало известно, что под руководством «отца пакистанской атомной бомбы» А.Кафир Хана был создан широкий подпольный рынок, посредством которого пакистанская сторона и другие участники «торговой сети» продавали ядерные секреты, материалы, оборудование и т.д. таким странам, как Ливия, Иран, КНДР. Вашингтон посчитал достаточным заявление пакистанского руководства о том, что эта «торговля» была исключительно делом рук «нечестных и жадных» специалистов, о чем официальные круги якобы не имели никакого представления. Вслед за Америкой важные шаги навстречу Пакистану сделали и другие его традиционные доноры – Япония, Канада, МВФ и др. В результате финансово-экономическое положение страны заметно улучшилось⁶.

Изменилось и внешнеполитическое положение Пакистана, который вышел из изоляции на мировой арене. Исламабад сделался местом важных международных встреч, настоящей Меккой для лидеров многих стран. Президент П.Мушарраф стал желанным гостем во многих столицах. За короткий срок он посетил США, Китай, Японию, Непал, Казахстан и многие другие страны. В феврале 2003 г. состоялся его визит в Москву. В 2002 г. Пакистан был избран непостоянным членом Совета Безопасности ООН. В начале 2004 г. он вновь стал полноправным членом Содружества (бывшее Британское содружество наций).

Отношения между Пакистаном и Афганистаном ныне развиваются как на двусторонней, так и на многосторонней основе. В феврале 2002 г. состоялся первый визит Х.Карзая в Пакистан, а в самом начале апреля последовал визит П.Мушаррафа в Афганистан. В ходе переговоров стороны подтвердили намерение не позволять использовать свои территории друг против друга. Были достигнуты соглашения о совместной борьбе с производством и сбытом наркотиков, а также с терроризмом. Обе стороны договорились о возобновлении транзитной торговли. По просьбе Кабула Исламабад согласился открыть для товаров, направляемых в Афганистан, порт Касим на побережье Аравийского моря, а также снизить транспортные пошлины для афганских товаров. Достигнуто соглашение о восстановлении основных наземных транспортных магистралей и воздушного сообщения. Важным было участие Пакистана в Международной конференции, которая завершилась 22 декабря 2002 г. принятием Кабульской де-

кларации о добрососедских отношениях Афганистана и его соседей – Пакистана, Ирана, Китая, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Вместе с многими странами Пакистан участвует в восстановлении инфраструктуры и энергосистемы соседнего государства.

К сожалению, серьезные экономические трудности препятствуют осуществлению давно вынашиваемого международного проекта прокладки газо- и нефтепровода из Туркменистана через Афганистан в Пакистан (раньше главным препятствием была военно-политическая ситуация в Афганистане). Три страны пытаются привлечь к осуществлению проекта Индию (разумеется, с доведением газопровода в эту страну). Впоследствии к газовой нитке планируется подключить и узбекский газ. Можно представить себе экономическую и политическую значимость этого проекта в случае его реализации. Успешно сотрудничают Пакистан и Афганистан в рамках Организации экономического сотрудничества (ОЭС), в которую входят десять стран Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока и которая активизировала свою деятельность в последнее время.

Между тем отношения между Пакистаном и Афганистаном далеко не безоблачны. Разумеется, не могло бесследно исчезнуть многолетнее сотрудничество Исламабада с талибами. Между Пакистаном и Афганистаном существовали и более старые проблемы. Главная из них – непризнание Кабулом «линии Дюранда», которая фактически является границей между двумя государствами. Этот момент, в свою очередь, являлся причиной многих недоразумений при установлении государственной принадлежности отдельных участков смежной территории. Были и другие раздражители в отношениях двух соседних стран, накопившиеся за многие десятилетия их сосуществования. Неудивительно, что во время своего первого визита в Исламабад Х.Карзай призвал «забыть прошлые обиды и начать новую эру сотрудничества между Афганистаном и Пакистаном»⁷. Конечно, сказать значительно легче, чем сделать. Тем более, что «новая эра» тоже приносила взаимное недовольство и раздражение. Особенно неприятным было, когда новые обиды сливались со старыми.

Пакистан с большой опаской наблюдал за ростом влияния в Афганистане своего главного противника – Индии. Последняя имела преимущества перед Пакистаном не только экономического, но и политического порядка. Индия всегда выступала против талибского режима, имела хорошие отношения с Северным альянсом, его лидерами и командирами. В Исламабаде считали, что, пользуясь этим, Индия ведет в Афганистане антипакистанскую деятельность. Открывшиеся во многих афганских городах индийские консульства представлялись форпостами этой деятельности⁸.

Естественно, крутой политический перелом в Афганистане породил множество разного рода суждений и домыслов. В Исламабаде, разумеется, очень болезненно воспринимали слухи, касающиеся

«линии Дюранда». В Афганистане раздавались голоса о том, что эта «линия» больше не существует, и весь пуштунский северо-запад Пакистана, включая Северо-Западную пограничную провинцию, «полосу племен», Белуджистан вплоть до побережья Аравийского моря должны входить в Афганистан⁹. Кабул заявлял, что все эти слухи распространяются на бытовом уровне и не имеют никакого отношения к официальной точке зрения. Однако это не очень успокаивало пакистанские власти, которые обвиняли афганскую администрацию в бездействии, молчаливом согласии с нагнетанием «страстей и антипакистанских чувств»¹⁰.

Со своей стороны, Кабул обвинял Пакистан в медлительности действий против талибов; в том, что нападения последних на афганскую территорию осуществляются через афгано-пакистанскую границу, что талибы получают поддержку из северо-западных пуштунских районов Пакистана и там же скрывшиеся от правосудия талибы получают убежище, кров, пищу. Утверждалось также, что именно здесь находятся и лидер талибов мулла Омар и руководитель «Аль-Каиды» бен Ладен. Опровержения Исламабада и заверения, что им делается все необходимое, чтобы талибы не использовали пакистанскую территорию как плацдарм для нападения на афганских и американских военных, не убеждали афганскую сторону в том, что Пакистан принимает все меры для пресечения трансграничного терроризма. В свою очередь Пакистан заявлял, что Кабул нарушает имеющиеся договоренности между двумя странами об обмене информацией о передвижении талибов и боевиков «Аль-Каиды».

В такой обстановке любые случайные и ошибочные действия одной стороны на поле боя рассматривались другой стороной как преднамеренные и вызывали с ее стороны резкую реакцию. В апреле 2003 г. специальному представителю президента США в Афганистане пришлось вести переговоры с пакистанскими властями относительно имевших место конфликтов на афгано-пакистанской границе. 8 июля 2003 г. в ответ на заявление афганских официальных лиц о вторжении пакистанских регулярных частей на сопредельную афганскую территорию и столкновении с афганскими подразделениями произошло нападение на посольство Пакистана в Кабуле, которое было после этого закрыто. Х.Карзай выразил сожаление в связи с этим фактом и принес извинения П.Мушаррафу. Стремясь быстрее урегулировать конфликт между основными союзниками по антитеррористической кампании, свои посреднические услуги предложила ООН. Однако конфликт был урегулирован на двустороннем уровне, и 21 июля пакистанское посольство в Кабуле возобновило свою работу.

В дальнейшем произошло заметное улучшение отношений между двумя соседними странами. Этим непосредственно занялись их высшие государственные деятели, а также ответственные американские чины. В декабре 2003 г. в одном из своих выступлений Х.Карзай под-

черкнул, что «наши отношения с Пакистаном основаны на культурных, социальных и исторических связях» и пролил бальзам на главную в то время пакистанскую рану, подчеркнув, что в силу отмеченного, «какими бы благоприятными для нас ни были контакты с Индией, они никогда не будут поддерживаться в ущерб интересам Пакистана»¹¹. 12 ноября 2003 г. состоялся выпуск афганских дипломатов в Дипломатической академии МИД Пакистана. На нем присутствовал и выступил с речью президент П.Мушарраф, призвавший к укреплению отношений двух стран в области борьбы с международным терроризмом. Весьма важным было принятие в сентябре 2003 г. с участием американских военных совместного решения двух соседних стран о размещении дополнительных воинских частей на границе с обеих сторон с целью усиления борьбы с терроризмом, контрабандой, нелегальным переходом границы.

Важными были результаты работы трехсторонней комиссии в составе представителей Афганистана, Пакистана и США, созданной после вооруженных столкновений на афгано-пакистанской границе. На заседании 3 декабря 2003 г. стороны подтвердили свое стремление укреплять стратегическое сотрудничество в борьбе с терроризмом. Были проанализированы результаты проведения операций против боевиков «Аль-Каиды», «Талибана» и группировки Г. Хекматъяра. Принято решение усилить взаимодействие и укрепить связь между афганскими, пакистанскими и американскими воинскими подразделениями, расположенными в приграничных районах, а также создать подкомиссию по координации и обмену разведывательной информацией.

Руководители Пакистана и Афганистана во время официальных визитов и рабочих встреч подчеркивали необходимость укрепления сотрудничества в борьбе с международным терроризмом, обеспечения безопасности, недопущение использования территории двух стран друг против друга. П.Мушарраф неоднократно заявлял, что борьба с незаконным проникновением боевиков через афгано-пакистанскую границу является приоритетом для Исламабада. Исламабад и Кабул договорились интенсивно развивать экономические и торговые связи, расширять сотрудничество в реализации программ по восстановлению хозяйства Афганистана, особенно в областях образования, здравоохранения, дорожного строительства, реконструкции дорог, банковского дела, финансов и почтовых служб. Пакистан предложил свое содействие в реализации в Афганистане ряда проектов, среди которых – создание свободных промышленных зон, строительство цементных заводов, предприятий по производству стройматериалов, химических удобрений, сахара, других продуктов питания, а также лекарств. В августе 2003 г. прошло заседание совместной пакистано-афганской комиссии по экономическим вопросам, на котором были конкретизированы планы экономического сотрудничества. На следующем заседании комиссии в январе 2004 г. было принято

решение увеличить объем двусторонней торговли до 1 млрд. долларов (в 2001 г. она составляла 192,2 млн. долларов)¹².

Проходили встречи руководителей соответствующих ведомств двух стран. Министры внутренних дел занимались проблемами взаимодействия в борьбе с контрабандой оружия и наркотиков, незаконной иммиграцией. Министерство просвещения Пакистана обязалось оказать помощь в строительстве школ; в сентябре 2003 г. было передано 700 тыс. учебников для афганских школьников. Транспортные организации договорились о сотрудничестве в восстановлении основных магистралей Чаман-Джалалабад, Чаман-Кандагар, Торхам-Кабул, Чаман-Герат. Важной договоренностью на правительственном уровне было решение создать «горячую линию» для оперативного решения конфликтных ситуаций, возникающих на границе между двумя странами. Во время визита в Афганистан премьер-министра Пакистана М.З.Х. Джамали в январе 2004 г. помимо вопросов военно-политического характера были обсуждены проблема беженцев и перспективы их репатриации. Было достигнуто соглашение о постепенном освобождении всех пакистанцев, воевавших на стороне талибов и сидящих теперь в афганских тюрьмах; Пакистан, в свою очередь, обещал освободить афганцев, находящихся за различные проступки в его тюрьмах. Афганской стороне были переданы 100 новых автобусов и 200 грузовиков в качестве помощи разрушенному хозяйству. Были обсуждены программы реализации выделенной Пакистаном ранее (на конференции в Токио) помощи в сумме 100 млн. долларов.

В общей форме взаимодействие Афганистана и Пакистана осуществлялось по четырем основным направлениям – борьба с наркобизнесом, экономическое сотрудничество, возвращение беженцев и военное взаимодействие в борьбе с терроризмом. Результаты на первом направлении, пожалуй, самые неутешительные. И дело здесь не только в отсутствии должного внимания к этой проблеме, недостатке сил и средств, брошенных против этого зла, огромной коррупции, связанной с этим феноменом, тесном взаимодействии афганских и пакистанских наркодельцов и т.д. Главное, что эта проблема в условиях данного региона не решаема путем даже самого жестокого принуждения. Она, по сути, представляет собой экономическое явление, и преодолеть ее можно лишь посредством больших инвестиций в сельское хозяйство страны, что сделает более выгодным производство обычных культур. Пока же этого нет, и «южный поток» наркотиков из Афганистана к пакистанским морским портам остается и, видимо, останется еще надолго серьезной опасностью для всего мира.

Экономическое сотрудничество между Пакистаном и Афганистаном развивается в целом успешно, но размеры его не очень значительны, что определяется ограниченными возможностями обеих стран. Настоящим прорывом в этой сфере было бы сооружение отмеченных выше газовых и нефтяных магистралей. Их роль выходит да-

леко за экономические рамки, они существенно содействовали бы решению социально-политических проблем этих стран, укреплению межгосударственных связей в регионе.

Более успешно решается третья проблема – возвращение афганских беженцев на родину. Этому способствуют более стабильная по сравнению с прошлым периодом обстановка в стране, материальная помощь мирового сообщества, реализация с 2002 г. программы ООН «Добровольная репатриация беженцев». За прошедшее время из Пакистана вернулось 1,9 млн. человек, на начало 2004 г. в этой стране оставалось еще от 1 до 1,5 млн. афганских беженцев¹³.

Разумеется, самой главной проблемой для Пакистана является его вовлеченность в военную сферу антитеррористической кампании в Афганистане. Как отмечалось, Пакистан пошел на более широкое участие в этой сфере, кроме посылки своих войск в Афганистан. Вся военная деятельность Пакистана была связана с другими участниками антитеррористической коалиции, но, естественно, ее сердцевину составляло сотрудничество Пакистана с Афганистаном и США. Для координации деятельности, прежде всего военной, была создана трехсторонняя американо-афгано-пакистанская комиссия, которая обсуждала общую деятельность трех стран, текущие вопросы, проблемы материально-технического снабжения, проведения совместных операций, координации деятельности разведслужб и т.д. Комиссия, имевшая подкомиссии, собиралась довольно регулярно. Так, 18 апреля 2004 г. в Равалпинди состоялась седьмая сессия комиссии, на которой пакистанская сторона проинформировала союзников об итогах операции, проведенной в марте в Южном Вазиристане против боевиков «Аль-Каиды» и «Талибана». На этой встрече были рассмотрены также вопросы функционирования тактической радиосвязи между армейскими подразделениями сторон. Участники заседания договорились об укреплении сотрудничества в борьбе против терроризма и перехода боевиков через границу между Афганистаном и Пакистаном.

В процессе борьбы с боевиками в приграничных районах имели место разного рода конфликтные ситуации. Американские военные по ошибке открывали огонь с афганской территории по пакистанским патрулям, находившимся по другую сторону границы. Имели место бомбовые удары по пакистанским пограничникам. Все эти инциденты сопровождались жертвами со стороны пакистанских военнослужащих. Были случаи захода американских военных на пакистанскую территорию. Для минимизации подобных действий в рамках трехсторонней комиссии была проведена работа по отработке лучшего взаимодействия в борьбе с передвижениями террористов в приграничных районах. В частности, представители трех стран посетили ряд пунктов на спорных участках по «линии Дюранда». Специалисты из США провели с помощью аппаратуры глобального позиционирования рекогносцировку на местности с целью фиксации точного местоположения пограничных

постов и недопущения инцидентов, связанных с пересечением американскими войсками или самолетами пакистанской границы¹⁴.

На программу укрепления пограничной охраны Пакистана и усиления его правоохранительных органов США предоставили 73 млн. долл. В ходе реализации программы Пакистану были переданы военные джипы, пикапы, грузовики для перевозки войск, машины скорой помощи, комплекты оборудования ближней и дальней связи. В Пакистан были направлены специалисты для обучения сотрудников местных спецслужб современным методам борьбы с террористами.

Отмеченные выше нарушения американцами пакистанской границы, сопровождавшиеся гибелью военнослужащих Пакистана, вызывали в стране негодование. Любопытно, что такое же недовольство возникало в связи с публикацией американских документов, которые были призваны показать большую роль Пакистана в борьбе с терроризмом. Стремясь не раздражать экстремистов и исламорадикалов, пакистанские власти заявляли, что страна выполняет лишь «вспомогательную роль» в афганской операции многонациональных сил. А доклад Центрального командования ВС США (СЕНТКОМ), опубликованный в мае 2003 г., приводил данные, не соответствующие оценкам пакистанских руководителей. Так, в докладе указано, что почти 58 тыс. вылетов в Афганистан американские боевые самолеты совершили либо с пакистанских аэродромов, либо через его воздушное пространство. Более 8 тыс. морских пехотинцев использовали пакистанские порты в качестве транзитных пунктов по пути в Афганистан. К тому же в докладе было сказано, что пакистанская экономика потеряла примерно 10 млрд. долларов в результате антитеррористической операции в Афганистане (в эту цифру поверить невозможно, поскольку она равняется шестой части ВВП страны; к тому же Пакистан, как отмечалось выше, получил большую материальную выгоду от участия в этой операции и существенно улучшил свое экономическое положение). Исламабад отверг утверждения СЕНТКОМа, а его лидеры заявили, что этот доклад служит явным раздражителем для влиятельных исламистских сил¹⁵.

Ведущие страны антитеррористической коалиции придают большое значение информационно-психологической работе. В этих целях уже в начальный период кампании в Афганистан, Пакистан, Узбекистан и Киргизию были переброшены подразделения регулярной четвертой группы ПсО (психологических ситуаций) сухопутных войск США. Специалисты этой группы развернули радиовещание общим объемом до 10 часов в сутки на средних и коротких волнах. Оно осуществляется на языках дари и пушту как с бортовых радиопередатчиков самолетов, так и со стационарных радиостанций и ретрансляторов, установленных на территории Пакистана, Турции и Киргизии. К ведению информационной кампании привлечены частные пиаровские организации; им выделено около 400 млн. долларов на пропаган-

дистские мероприятия в 78 странах, главным образом мусульманских. Кроме того, США и Англия разместили в Исламабаде коалиционный информационный пресс-центр («медиацентр быстрого реагирования»), в который вошли как официальные военные представители, так и гражданские сотрудники СМИ¹⁶.

После разгрома основных сил талибов и «Аль-Каиды» последние перешли к партизанским методам борьбы. Они использовали труднодоступные районы, нападали на небольшие подразделения противника, вели жестокий террор против тех, кто поддерживал их врагов. Особенно использовались бывшими хозяевами Афганистана его горные районы, примыкавшие к пакистанской территории. Во-первых, они были очень благоприятны для партизанских методов борьбы, а во-вторых, вокруг проживали пуштуны, лояльно относившиеся к талибам. В случае, если боевики попадали в сложное положение, они без труда переходили афгано-пакистанскую границу и растворялись в пуштунском населении Пакистана. Особенно бандитов привлекала «полоса племен», на которую не распространяются пакистанские законы. Хотя этот район подчиняется высшей исполнительной власти страны, повседневная жизнь регулируется здесь советами старейшин, опирающихся на обычное право и традиции. Центральная власть старалась не вмешиваться в жизнь населения «полосы племен».

Вытесненные силами коалиции боевики чувствовали себя в этом районе довольно вольготно. Нельзя сказать, чтобы пакистанские власти не проводили против них никаких операций. Но делалось это редко, мелкомасштабно и как-то вяло. Определялось это общим курсом Исламабада в рамках участия в антитеррористической коалиции (о чем говорилось выше), стремлением сохранить человеческие и материальные ресурсы, надеждой, что все будет решено остальными членами коалиции. Но был еще один момент, который фактически не упоминается в исследованиях. Начальный период афганской кампании совпал с резким ухудшением индо-пакистанских отношений. На «линии контроля» в Кашмире, на других участках границы были сконцентрированы с обеих сторон огромные массы войск, оснащенных баллистическими ракетами, способными нести атомное оружие. Конфликт между двумя ядерными странами казался неизбежным. Естественно, все внимание пакистанского руководства в это время было приковано к этой проблеме. Слабость действий на афганском направлении определялась, помимо всего прочего, желанием Исламабада показать мировому сообществу, что Пакистан не способен в условиях жесткой конфронтации с Индией отвлекаться на другие проблемы, и чтобы сделать это возможным, международному сообществу следует удержать Индию от агрессии и вообще разрешить индо-пакистанский конфликт. Конечно, не в первую, и не во вторую очередь, но этот момент сыграл роль в воздействии мировых держав на участников конфликта и постепенном его ослаблении. Во всяком

случае, активизация Пакистана в афганских делах совпала с этим процессом и улучшением отношений между Индией и Пакистаном.

Правда, после урегулирования отношений с Индией у Исламабада отпало прикрытие его инертности в афганских делах. К тому же в это время со стороны США и других западных стран, а также Афганистана раздалась резкая критика в адрес пакистанских властей по поводу того, что они слабо препятствуют просачиванию боевиков через границу, не предпринимают достаточных мер по их ликвидации, что со стороны Пакистана в Афганистан проходят боевики Г.Хекматъяра; подчеркивалось, что покончить с бандитами в районе афгано-пакистанской границы можно лишь совместными ударами с обеих сторон. В жесткой форме перед Исламабадом ставилось требование изменить подобное поведение и полностью выполнять обязанности члена антитеррористической коалиции.

Резкость постановки вопроса во многом объяснялась и общим осложнением обстановки в регионе в связи с событиями в Ираке, которые, с одной стороны, все больше притягивали внимание и силы западных держав, а с другой, содействовали укреплению международного исламорадикализма. Дело дошло до того, что в Вашингтоне даже припугнули Пакистан, что если он не в состоянии решить свою часть задачи, то это придется сделать США, а для этого им понадобится направить свои войска в беспокойные районы Пакистана. На это, конечно, Исламабад не мог согласиться¹⁷ и вынужден был активизировать свою деятельность в приграничных районах с Афганистаном.

Исламабад направил в «полосу племен» несколько тысяч солдат¹⁸. Старейшины племен, с которыми власти провели переговоры, согласились оказать им поддержку и даже организовать отряды добровольцев. Разумеется, не все заняли такую позицию. Противники создали «совет десяти старейшин», который должен возглавить сопротивление «иноземным захватчикам» и «марионеточному режиму Карзая». А в Исламабаде семьдесят известных улемов-исламистов выпустили фетву, где заявлено, что поскольку операция против «мусульманских братьев» проводится в интересах США, то каждый погибший моджахед становится шахидом и прямиком отправляется в рай, в то время как пакистанским солдатам грозит ад. Фетва запретила чтение поминальных молитв по погибшим пакистанским солдатам¹⁹.

В мае 2002 г. пакистанские войска провели операцию по поиску алькаидовцев и талибов в Южном Вазиристане. Одновременно укреплялась пакистано-афганская граница, в частности, было возведено несколько сот контрольно-пропускных пунктов.

В июне 2003 г. части пакистанской армии совместно с американскими и афганскими военными провели широкомасштабную операцию вдоль пакистано-афганской границы. В октябре была проведена такая же операция. В ходе этих и других антитеррористических мероприятий среди захваченных и убитых боевиков было обнаружено

большое число представителей неместных национальностей – узбеков, чеченцев, арабов и др.; на языках этих народностей часто велись переговоры между бандитами.

Более масштабные операции проводились в 2004 г. Наиболее значительная прошла в марте под кодовым названием «Буря в горах», которая проводилась коалиционными силами под руководством американцев. В ходе ее был убит глава разведки «Аль-Каиды», но в целом ее результаты были незначительны – 167 арестованных (многие из которых, преимущественно местные пуштуны, вскоре были отпущены) и 63 убитых террориста (по разным данным, в районе племен находится до 500 боевиков). Дальнейшие операции также не имели большого успеха, главное, что не было обезврежено ни одного крупного деятеля «Талибана» или «Аль-Каиды». Очевидно, не от хорошей жизни (точнее, работы и ее результатов) был отправлен в отставку генеральный директор Разведывательного управления полковник Башир Вали. МИД Пакистана заявил, что специальные операции в «полосе племен» продолжатся до тех пор, пока не будут задержаны все пособники талибов и лица, причастные к деятельности «Аль-Каиды». Сравнивая поставленную задачу и результаты ее выполнения, можно предположить, что данный вид деятельности пакистанских военных и разведчиков будет не слишком коротким.

Как уже отмечалось, изменение афганской политики Пакистана и участие в международной антитеррористической кампании существенно улучшили его положение на глобальном уровне, а также и на региональном. Хорошие отношения у него сложились со странами, расположенными непосредственно вблизи «афганского котла» (Иран, государства Центральной Азии, дружественные отношения продолжались с Китаем). Прежде всего, конечно, надо отметить налаживание добрососедских отношений с новой афганской администрацией, которая в своей внешней политике уделяет большое внимание развитию связей с Пакистаном и Ираном. Это обусловлено пониманием роли данных стран в послевоенном развитии Афганистана. Иран и Пакистан оказывают влияние на разные, примерно равные, части афганского населения, и заручиться Кабулу их поддержкой – это значит серьезно укрепить собственные позиции. С Пакистаном и Ираном связана еще далеко не решенная проблема афганских беженцев. Выше отмечалось развитие сотрудничества Пакистана и Афганистана на многосторонней основе и в рамках двусторонних отношений. Думается, что нынешний курс двух соседних стран в отношении друг друга (если, конечно, не произойдут какие-либо серьезные изменения, особенно касательно их внутреннего положения) будет продолжаться, поскольку он отвечает их государственным интересам.

Во время талибского правления в Афганистане Иран и Пакистан поддерживали противоположные силы в стране. Это обусловило напряженность их двусторонних отношений. После того, как они ока-

зались в одном лагере, основная причина их враждебности исчезла. Началось развитие сотрудничества на различных уровнях и направлениях. В начале ноября 2001 г. Тегеран посетил П.Мушарраф. В ходе переговоров обе стороны высказались за развитие двусторонних отношений, за принятие совместных мер в Афганистане в новой ситуации. В дальнейшем также происходили встречи президентов, крупных государственных деятелей обеих стран. Среди обсуждаемых вопросов, связанных с положением в Афганистане, развитием двусторонних отношений, особенно в области торговли и бизнеса, была достигнута договоренность о создании совместного технического комитета по строительству и эксплуатации газопровода из Ирана в Пакистан, который далее должен протянуться в Индию²⁰. Сближению Ирана и Пакистана способствовала заинтересованность западных стран в совместных действиях двух ведущих государств – соседей Афганистана – против радикально-террористического исламизма. Естественно, что участие Пакистана в борьбе против радикального суннитского течения в Афганистане, т.е. движения «Талибан», вызвало одобрение влиятельной шиитской общины в Иране, что содействовало улучшению отношений Исламабада и Тегерана.

В ином ключе развивались отношения Пакистана и Индии, которые также стояли по разные стороны баррикад в период правления талибанов. Вступление обоих государств в антитеррористическую кампанию в Афганистане не сблизило их позиции, а в начале еще больше развело. Само участие Пакистана в этой кампании вызвало у индийской стороны недовольство и раздражение, особенно в связи с быстрым ростом союзнических отношений между Вашингтоном и Исламабадом. Пакистан, напротив, опасался тесных связей между Индией и новой афганской администрацией. Исламабад обвинял Индию в антипакистанской деятельности в этой стране, ссылаясь на излишнюю многочисленность персонала индийской дипломатической миссии в Афганистане.

Однако негативные индо-пакистанские отношения в Афганистане лишь в небольшой степени определялись взаимодействием двух государств в этой стране. Основная причина плохих отношений Индии и Пакистана и главный их раздражитель находились в другой части региона – в Кашмире. Именно кашмирская проблема обусловила жесткую конфронтацию двух государств, их отношения с другими странами. В Индии надеялись, что поражение талибов будет означать ликвидацию исламского терроризма и в Кашмире. В реальности происходило обратное. С осени 2001 г. экстремисты серьезно активизировались в этом индийском штате. Одновременно, как уже отмечалось, резко осложнились межгосударственные отношения Индии и Пакистана. Конфликт, однако, не перерос в военное столкновение. Большую роль здесь сыграли руководители КНР, России, США и других стран, убедившие Дели и Исламабад воздержаться от военной эска-

ляции. После этого Пакистан пошел на определенные меры по сдерживанию террористической деятельности в Пакистане и Кашмире. Это было положительно встречено в Дели и повело к улучшению отношений двух стран, возобновлению политического диалога по основным проблемам их взаимоотношений. Общее улучшение индо-пакистанских отношений отразилось и на их взаимодействии в Афганистане, которое заметно изменилось, сотрудничество расширилось, отношения заметно потеплели, исчезли прежние взаимные обвинения, расширились военные контакты.

* * *

Начало XXI в. принесло Пакистану серьезное улучшение международного положения, расширение сотрудничества со многими странами, развитие торгово-экономических отношений и поступление иностранной помощи. Одновременно, к сожалению, эти явления содействовали ухудшению внутривластной обстановки в Пакистане, росту политического ислама, который сейчас представляет внушительную силу и «на улице», и в представительных органах (блок фундаменталистских партий входит в первую тройку партийных фракций в обеих палатах пакистанского парламента). Исламисты направляют все усилия на то, чтобы П.Мушарраф, занимающий два ведущих поста – президента и начальника генерального штаба армии (т.е. ее командующего) – покинул последний. Но в таком случае позиции умеренных кругов будут серьезно ослаблены; как показывает история Пакистана, фундаменталисты получают большие возможности для наступления на власть и насаждение в стране своих порядков. Если так произойдет, участие Пакистана в антитеррористической коалиции со всеми вытекающими из этого благоприятными последствиями окажется под вопросом; отношения с Афганистаном заметно ухудшатся.

В заключение отметим, что основные цели афганской политики Пакистана, несмотря на происшедшие ее изменения, остаются в целом неизменными. Он всегда выступал за урегулирование афганского кризиса, с тем чтобы ликвидировать расположенное рядом огромное пространство нестабильности. Пакистан всегда был заинтересован в установлении в Кабуле дружественного режима. Сейчас в этом плане обстановка довольно благоприятная. Заинтересован Пакистан и в сохранении единства афганского государства, ибо в противном случае это негативно скажется на его государственном устройстве, так как поведет к обострению «пуштунской проблемы». В то же время Исламабад заинтересован в существовании в Афганистане слабого центрального правительства, которому будет не до «Великого Пуштунистана» и которое вообще будет нуждаться в поддержке крупного соседнего государства. В интересах Пакистана существование в Афганистане широкой правительственной коалиции, поскольку участие в ней различных элементов – залог слабости центрального правительства.

Все эти позитивные для Пакистана моменты, несмотря на происшедшие бурные события в Афганистане, сейчас налицо и будут, вероятно, существовать и в дальнейшем. Это создает благоприятную перспективу для сотрудничества двух стран. Помешать этому процессу смогут лишь, по всей видимости, отмеченные выше возможные изменения во внутривластной жизни Пакистана.

¹ Подробнее об этом см.: Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. – М.: Международные отношения, 2003, с. 287–298.

² The New York Times. N.Y., 15.10.2001; International Herald Tribune. Frankfurt, 02.11.2001.

³ Defense Journal. Karachi, October 2003, с. 40.

⁴ Ibid., с. 87; Weekly Independent. Lahore, 19–25.06.2003.

⁵ Dawn. Karachi, 18.10.2001.

⁶ См. специальное экономическое приложение к газете «The News». (Islamabad-Rawalpindi, 01.01.2004: Shahrukh Rafi Khan. Pakistan Under Musharraf (1999–2002). Lahore, 2004, с. 129–159.

⁷ The Nation. Islamabad, 09.02.2002.

⁸ Defense Journal, October 2003, с. 86.

⁹ Ibid., с. 127.

¹⁰ Ibid., с. 123.

¹¹ Коммерсантъ, М., 09.12.2003.

¹² Pakistan Tribune, Karachi, 23.05.2003.

¹³ The Nation, 14.01.2004; 02.04.2004.

¹⁴ Зарубежное военное обозрение. М., 2003, № 9, с. 76; Время новостей. М., 12.08.2003; Пульс планеты. Азиатско-Тихоокеанский регион. М., 31.10.2003, АК-10.

¹⁵ ИТАР-ТАСС. «Пульс планеты». АТР, 06.06.2003.

¹⁶ Зарубежное военное обозрение, 2003, № 3, с. 7–8, 11.

¹⁷ The Statesman. New Delhi, 13.04.2004.

¹⁸ The Daily Yomiuri. Tokyo, 28.03.2004.

¹⁹ Эксперт. М., 29.03–04.04.2004, с. 24.

²⁰ The Nation, 01.12.2001.

**ИРАН И АФГАНСКАЯ ПРОБЛЕМА
(2000–2004 гг.)**

В течение многих десятилетий Иран внимательно отслеживал и отслеживает поныне развитие ситуации в Афганистане и заинтересован в обеспечении своих позиций в стране. Заинтересован и политически, и экономически. Последнюю четверть века руководство ИРИ в зависимости от обстановки вступало в альянс с различными афганскими политическими силами. В 1979–1989 гг. линия Ирана шла в одном русле с политикой Запада, прежде всего США, а также Пакистана, Саудовской Аравии, других мусульманских стран. После захвата власти Движением талибов (ДТ), не скрывавших своих не только антишиитских, но и антииранских настроений, выразившихся, в частности, в захвате в 1998 году Генконсульства ИРИ в Мазари-Шарифе и убийстве нескольких его сотрудников и журналистов, Тегеран практически открыто перешел к поддержке антиталибской коалиции, состоявшей в большей своей части из дариязычных таджиков, а также исповедующих шиизм хазарейцев.

Тем не менее в феврале и ноябре 1999 г. иранское руководство имело неафишируемые контакты с руководителями ДТ. Несколько позже в ИРИ было принято решение об открытии пограничного перехода Ислам-Кала на ирано-афганской границе и возобновлении работы иранского Генерального консульства в Мазари-Шарифе. Отметим, что в интервью иранскому информационному агентству ИРНА министр иностранных дел правительства талибов В.А.Мутавакиль обратился к руководству Ирана с призывом пересмотреть подходы к ситуации в Афганистане. Его призыв в целом не встретил позитивной реакции в Тегеране, однако часть иранских парламентариев поддержала эту идею. После военных неудач отрядов хазарейской Партии исламского единства Афганистана (ПИЕА), ориентировавшейся на Иран, в Тегеране сосредоточили внимание на предоставлении разностороннего содействия силам А.Ш.Масуда – признанного военного лидера антиталибского Северного альянса, оказывавшего весьма эффективное вооруженное сопротивление талибам.

Выступая за ключевую роль ООН в афганском урегулировании, представители Ирана активно сотрудничали с миссией ООН в Афга-

нистане во главе с представителем генсека ООН Лахдаром Брахими и конструктивно работали в составе «Группы 6+2»*.

Что касается реакции Ирана на теракты в США 11 сентября 2001 г., то президент С.М.Хатами и секретарь Высшего совета национальной безопасности М.Роухани осудили их, выразили в официальных заявлениях сочувствие американскому народу, призвав мировое сообщество принять действенные меры по борьбе с терроризмом. При этом нельзя обойти вниманием такой важнейший факт, что радикальное духовенство ИРИ, со своей стороны, открыто и весьма резко критиковало политику США, результатом которой, как широко отмечалось в СМИ, и стали теракты. Когда же было объявлено о подготовке антитеррористической операции в Афганистане, то Иран не только не пошел на предоставление своего воздушного пространства для ее проведения, но и привел в состояние боевой готовности свои вооруженные силы и силы ПВО, дислоцированные вдоль ирано-афганской границы. После начала этой операции в Тегеране высказали серьезную, озабоченность ракетно-бомбовыми ударами по афганской территории, особенно по находящемуся в непосредственной близости от иранской границы г.Герату и его окрестностям, а также в связи с новым притоком беженцев из Афганистана в приграничные иранские провинции. Весьма важно и то, что духовный лидер ИРИ аятолла С.А.Хаменеи в публичных выступлениях в октябре-ноябре 2001 г. однозначно резко осудил США, заявляя, что утверждения Вашингтона о необходимости борьбы с международным терроризмом и военные действия в Афганистане на деле направлены на установление американского господства в регионе. Примерно в том же ключе выступили руководитель Совета по определению целесообразности принимаемых решений и командующий Корпусом стражей Исламской революции. Одновременно тогда же прошли массовые демонстрации под антиамериканскими и антиизраильскими лозунгами, с призывами к объединению мусульман и джихаду против США. Военная операция США и их союзников в Афганистане резко осуждалась и во время пятничных богослужений в большинстве иранских мечетей.

Что касается реформаторов и непосредственно президента С.М.Хатами, то их выступления были иными. Они, в частности, высказывали сожаление о гибели афганского мирного населения и призывали к борьбе с терроризмом под эгидой ООН.

Рассматривая афгано-иранские отношения на современном этапе, видимо, следует обозначить серьезные проблемы, подходы к решению которых представляются весьма важными. Это проблемы

* «Группа 6+2» (Группа друзей и соседей Афганистана) в составе Ирана, Пакистана, Узбекистана, Туркмении, Таджикистана, Китая, а также России и США была создана в 1997 г.

наркотрафика из Афганистана, репатриации афганских беженцев из ИРИ и, наконец, проблема распределения вод реки Гильменд.

Начнем с последней.

Вопрос о распределении вод трансграничной Гильменд является традиционным раздражителем в афгано-иранских отношениях. Спор частично был решен в 1973 г., когда состоялось подписание соглашения, в соответствии с которым Афганистан обязался на постоянной основе выпускать из своих водохранилищ в русло реки Гильменд ежесекундно 26 кубических метров воды. Соглашение в целом выполнялось и при правительстве НДПА и позже до прихода к власти талибов, которые в 1999 г. полностью перекрыли шлюзы водохранилища. В результате озеро Хамун в Иране пересохло, к 2002 г. в районах ИРИ, приграничных с афганской провинцией Гильменд, участились песчаные бури, 124 деревни в Систане и Белуджистане оказались под слоем песка, пастбища и сельхозугодья практически были уничтожены. Вскоре после визита президента Ирана С.М.Хатами в Кабул в августе 2002 г. афганские власти открыли доступ воды в р.Гильменд. Однако затем, не без влияния американцев, шлюзы вновь были перекрыты. Таким образом, проблема распределения водных ресурсов до сих пор не решена.

Важнейшим направлением афганской политики Ирана является проблема наркотрафика из Афганистана. По данным компетентных источников, наркотрафик осуществляется по всей линии ирано-афганской границы. Основными районами переправки наркотиков являются: на севере – вблизи Бирджанда, на юге – около Заболя, в провинциях Систан и Белуджистан. Еще один район переправки наркотиков находится у Серахса, недалеко от границы с Туркменией. На юге Афганистана при талибах выращивание, производство и переработка опия-сырца приобрели промышленные масштабы, чему способствовали налаженные регулярные и прочные связи международной наркомафии с афганскими дельцами. Производство наркотиков было практически узаконено при режиме талибов, взимавших 10-процентный налог с их производства и продажи. Во многом за счет доходов от наркобизнеса на контролировавшейся талибами территории Афганистана возникла интернациональная сеть примерно из 80 опорных баз, тренировочных центров и лагерей по военно-диверсионной и идеологической подготовке боевиков*. Производство и контрабанда наркотиков неуклонно росли. По данным ООН, в 2002 г. в Афганистане было произведено порядка 75% их мирового производства, т.е. более 3500 тыс. тонн. Значительная часть переправлялась в Иран, откуда шла в страны СНГ и Европу.

* См. об этом подробнее монографию «Афганистан на переходном этапе», М., 2002.

После первого этапа антитеррористической операции в Афганистане начался новый всплеск наркопроизводства. Руководство Ирана, его президент С.М.Хатами уделяли и уделяют самое серьезное внимание этой проблеме. Под их контролем силы правопорядка проводят огромную работу по борьбе с контрабандой наркотиков в страну и далеко за ее пределы, в том числе в Европу. Органом, ее координирующим, является созданный в Тегеране Штаб, деятельность которого контролируется президентом. В число членов Штаба входят силовые министры и генеральный прокурор страны. Штаб располагает компьютерной системой, банком данных, где, кроме всего прочего, содержатся сведения о наркодельцах, их деятельности не только в стране, но и на региональном уровне. Штабом разрабатывается и осуществляется общенациональная политика по наркопроблеме, реализуемая на уровне органов законодательной и исполнительной власти и по каналам учреждений здравоохранения, культуры и образования.

В стране преобладают силовые методы борьбы с наркотрафиком: в борьбе с бандами наркокурьеров погибло почти три с половиной тысячи иранских граждан – солдат и офицеров, в том числе и высшего командного состава.

Важным направлением работы ИРИ по борьбе с контрабандой наркотиков из Афганистана является охрана ее границ, в том числе и путем возведения заградительных сооружений. На более уязвимых участках границы построено свыше двухсот наблюдательных башен, передовые посты, проведены десятки километров натяжений колючей проволоки, блокированы барьерами из бетонных плит проходы через границу, вырыто около 200 км глубоких и широких каналов, сделаны земляные насыпи и многое другое. На границе с Афганистаном в 2003 г. созданы около 30 дополнительных погранзастав.

В приграничных с Афганистаном местностях наркоторговцы, кроме всего прочего, активно используют методы террора, запугивают и похищают людей, подкупают должностных лиц для обеспечения контрабанды. В целях безопасности жители некоторых приграничных местностей переселены во вновь построенные деревни.

Рассматривая проблему наркотиков, в Тегеране учитывают, что выращивание мака является одной из немногих оставшихся жизненно важных сторон экономической активности в Афганистане, и интенсивные меры по искоренению наркосодержащих культур и производства наркотиков чреваты усилением нестабильности в стране: недовольство афганских крестьян этими мерами уже проявлялось в их открытых выступлениях, принимавших формы вооруженного сопротивления, перекрытия дорог и т.п. В доходах от наркобизнеса, что очень важно, как видится, заинтересованы полевые командиры, являющиеся практически хозяевами во многих местностях. В этих условиях нет оснований ожидать, что наркопоток из Афганистана может в скором времени сократиться.

Антинаркотические мероприятия в ИРИ требуют огромных затрат. Ежегодно казна расходует на эти цели более 800 млн. долларов США.

Официальный Тегеран, справедливо акцентируя тезис о том, что именно ИРИ первой принимает на себя тяготы и расходы, связанные с наркопотоком из Афганистана, настойчиво апеллирует к мировому сообществу и западным странам, являющимся основными рынками сбыта наркотиков, ставит вопросы об увеличении Ирану материально-технической и финансовой помощи. Руководство страны взаимодействует в этом вопросе с ООН, другими международными организациями, в том числе неправительственными, а также с рядом государств. Подписаны, например, протоколы о сотрудничестве с Испанией, Италией, Англией, Германией, Венесуэлой, Филиппинами и др. Весьма важно, что Тегеран уделяет значительное внимание налаживанию сотрудничества и с афганской стороной, прежде всего в области замещения посевов наркосодержащих растений традиционными сельскохозяйственными культурами, особенно в приграничных с ИРИ провинциях Афганистана.

На сегодняшний день перед Тегераном и Кабулом стоит еще одна серьезная проблема – возвращение афганских беженцев из Ирана. Наибольшее их число на территории ИРИ было зафиксировано в годы правления режима талибов – к 2001 г., по официальным данным, их было свыше 2 млн. 300 тысяч человек, главным образом таджики и хазарейцы, что объясняется пропущенной политикой руководства Движения талибов. После их свержения иранская сторона, для которой пребывание афганских беженцев представляет серьезную социально-экономическую проблему, предприняла усилия для организации процесса их репатриации. 3 апреля 2002 г. и 16 апреля 2003 г. были заключены соглашения, подписанные представителями ИРИ, Афганистана и Управления верховного Комиссара по делам беженцев (УВКБ) ООН, установившие параметры гарантированной репатриации афганцев из ИРИ. При этом весьма серьезно встал вопрос о незарегистрированных беженцах. По имеющимся данным, их число на 2003 г. составило порядка 1 млн. человек. В Иране в 10 городах созданы и функционируют центры добровольной регистрации беженцев. Ныне этот вопрос решается.

Несмотря на наличие отмеченных серьезных проблем, руководство ИРИ практически с самого начала стало предпринимать конкретные шаги, направленные на установление и развитие двусторонних отношений, причем развитие в позитивном русле. Еще в 2001 г., учитывая, что обострение ситуации в Афганистане и его будущее в целом тесно связаны с интересами Ирана, его несомненной озабоченностью возможным осложнением обстановки в пограничных с ИРИ афганских провинциях, руководство Тегерана заняло весьма конструктивную позицию в вопросе подготовки и достижения соглашений в

Бонне в декабре 2001 г. Тегеран поддержал создание в Афганистане Временной администрации во главе с Х.Карзаем. При этом в Иране весьма позитивно оценили активность ООН в афганских делах в целом и в вопросе о постконфликтном политическом урегулировании, а на Токийской конференции в 2002 г. четко обозначили намерение принять участие в международных усилиях по экономическому восстановлению страны.

Важным шагом, демонстрирующим серьезное внимание Тегерана к афганской проблеме, несомненно является и тот факт, что в ИРИ создан и функционирует Штаб по Афганистану, координирующий деятельность различных ведомств на афганском направлении. В его состав входят представители канцелярии лидера Ирана С.А.Хаменеи, министерств иностранных и внутренних дел, обороны, информации, Корпуса стражей исламской революции. Филиалы этого Штаба созданы в приграничных с Афганистаном провинциях.

Говоря о позиции ИРИ в афганском вопросе, на наш взгляд, ни в коей мере нельзя обходить вниманием и то, что в ответ на выдвинутые американцами обвинения в поддержке Тегераном антиправительственных сил в Иране опровергли это и словом, и делом. Так, были предприняты конкретные шаги, однозначно продемонстрировавшие позитивное отношение руководства ИРИ к нынешней афганской администрации. В Тегеране и Мешхеде были закрыты представительства выступавшего против кабульских властей Г.Хекматяра, известного лидера Исламской партии Афганистана. Сам он был помещен фактически под домашний арест, а затем выдворен из ИРИ. Следует отметить и то, что МИД Ирана 20 марта 2002 г. официально опроверг заявления директора ЦРУ США Дж.Теннета об укрывательстве на иранской территории членов Движения талибов и «Аль-Каиды», сообщив при этом о передаче находящимся в Тегеране посольствам ряда западных и арабских стран нескольких задержанных граждан этих стран, подозревавшихся в связях с талибами и «Аль-Каидой». Подтвердить поддержку Ираном кабульского правительства был призван и визит в Афганистан президента ИРИ С.М.Хатами в августе 2002 г., в ходе которого обсуждался и решался широкий круг проблем, касающихся борьбы против терроризма, наркотрафика, помощи в восстановлении афганской экономики и т.п. Что касается помощи Афганистану в восстановлении его экономики, то в соответствии с заявлением на Токийской конференции Тегеран подтвердил свое намерение выделить сроком на 5 лет около 500 млн. долларов. В 2002 г. уже было освоено около 110 млн. Заметна роль Ирана и как координатора международной помощи, принявшего активное участие в организации международной выставки-ярмарки в Мешхеде, посвященной восстановлению Афганистана. В ней приняли участие 400 иранских компаний, международные организации, ОАЭ, Турция, Италия, Франция, Германия, Англия. В мае 2003 г. состоялись трехсто-

ронние ирано-афгано-индийские переговоры, в результате которых были подписаны меморандумы о расширении торговли, весьма значительном снижении таможенных пошлин и создании базовых условий для транзита по территории трех стран.

Важным событием регионального масштаба было проведение в июне 2003 г. саммита с участием президентов Ирана, Афганистана, Таджикистана и Узбекистана, в результате которого его участники подписали документы по вопросам транзита и развития торговли.

Развивается двусторонняя торговля. Товарооборот между Ираном и только одной Гератской провинцией Афганистана составил в 2002 г. примерно 200 млн. долларов. На обновление таможенного терминала в Догаруне и строительство автомагистрали Догарун-Герат ИРИ выделила 43 млн. долларов. В Герат с апреля 2003 г. по сниженным ценам поставляется иранская электроэнергия. В январе 2003 г. в ходе визита в Тегеран афганского министра торговли М.Каземи были подписаны двусторонние соглашения о торговле и транзите. В мае 2003 г. состоялась первая иранская торгово-промышленная выставка в Кабуле, где были представлены 140 иранских компаний. Иранский автоконцерн «Иран-ходроу» в мае 2003 г. заявил о намерении не только начать экспорт автомобилей в Афганистан, но и содействовать в перспективе создания афганского автомобилестроения. Можно привести и некоторые другие примеры.

Таким образом, несмотря на весьма сложные проблемы и серьезные разноплановые ограничители их решения, есть основания полагать, что в целом процесс развития двусторонних афгано-иранских отношений идет в позитивном русле, что способствует не только интересам обеих стран и их народов, но во многом и стабилизации политической ситуации в макрорегионе Юго-Западной и Центральной Азии.

ИНДИЯ И АФГАНИСТАН

После трагических событий 11 сентября 2001 г. Афганистан оказался в эпицентре мировой политики. Именно на эту страну была возложена главная вина за террористические акты, совершенные в Нью-Йорке и Вашингтоне, так как именно здесь, на контролируемой талибами территории нашел убежище идеолог и организатор этих преступлений Осам бен Ладен.

Одним из государств, выразивших готовность участвовать в «антитеррористическом интернационале» и оказывать содействие США и Великобритании в осуществлении ими карательных акций в отношении талибов, была Индия. Принимая это решение, индийские лидеры руководствовались целым рядом причин, в первую очередь, долгосрочными стратегическими интересами, в рамках которых Афганистан занимал и продолжает занимать видное место.

Индия находится с Афганистаном в едином геополитическом пространстве, поддерживает с ним традиционные связи в политической, торгово-экономической и культурной областях, рассматривает Афганистан как находящийся в сфере ее жизненных интересов. Стабильность, прекращение вооруженных столкновений внутри Афганистана, сохранение его территориальной целостности и незыблемости существующих границ – необходимые условия для нормализации обстановки во всем центральноазиатском регионе, от которых зависит и решение многих внутренних проблем Индии, характер ее взаимодействия с соседним Пакистаном. Для многонациональной, поликонфессиональной Индии как федеративного государства с прямой угрозой сепаратизма в ряде стратегически важных регионов обострение ситуации в сопредельном Афганистане может стать серьезным фактором дестабилизации обстановки как внутри страны, так и на ее границах.

Индия и Афганистан разделены территорией Пакистана, который находится в состоянии длительной конфронтации с Индией и в течение десятилетий непосредственно вовлечен в конфликт противостоящих сил в Афганистане. И хотя, как утверждает посол Индии в Афганистане В.Катджу, Пакистан не является «фактором» в разработке афганской политики страны, и Индия «не смотрит на Афганистан сквозь очки какой-либо третьей страны», тем не менее в Дели не могут не учитывать роль Пакистана в развитии событий в Афгани-

стане и вокруг него еще с конца семидесятых – начала восьмидесятых годов прошлого века. В противостоянии различных группировок в Афганистане Индия традиционно поддерживала в политическом и военном отношении Северный альянс, представленный преимущественно этническими таджиками, т.е. силы, враждебные Пакистану². Более того, руководство Индии не без оснований обвиняет Пакистан в том, что с его территории продолжается проникновение через линию контроля в штате Джамму и Кашмир боевиков для организации террористических действий на индийской территории, и значительная часть их – афганские экстремисты.

Афганская политика Индии осуществляется с учетом интересов населяющего ее «мусульманского меньшинства», которое насчитывает более ста двадцати миллионов. Поэтому приход к власти в Афганистане движения «Талибан» объективно укреплял позиции исламских экстремистов и сепаратистов в самой Индии. Индия рассчитывает также и на то, что территория Афганистана впредь не будет использоваться как тренировочный лагерь для кашмирских боевиков и станет реальной возможностью осуществления контроля над потоками контрабанды, наркотиков и «грязных» денежных масс, проходящих через территорию Афганистана.

Выступая в феврале 2004 г. на тему «Мир, стабильность и безопасность в Азии: взгляд из Индии», советник по национальной безопасности индийского правительства Брадеш Мишра отмечал, что для окончательной победы над терроризмом необходимо тесное международное сотрудничество в деле предотвращения взаимодействия террористических групп, базирующихся на Ближнем Востоке, в Южной, Юго-Восточной и Центральной Азии. В этой связи Б.Мишра упомянул прежде всего необходимость урегулирования обстановки в Афганистане. Отметив определенные позитивные сдвиги в развитии ситуации в Афганистане (укрепление позиций президента Х.Карзая, расширение восстановительных работ, намечающиеся в скором времени выборы и др.), он в то же время выразил серьезную обеспокоенность Индии в связи с активизацией талибов на юге и юго-востоке страны, продолжающимися вооруженными столкновениями между различными группировками, использованием территории Афганистана для концентрации и переправки оружия, боеприпасов, финансовых средств, обученных в специальных лагерях боевиков и т.д. в горячие точки не только соседних и сопредельных стран, но и государств Европы и Америки. Как считает Б.Мишра, страна переживает критический период истории, и мировое сообщество должно отнестись к развитию ситуации в Афганистане с особым вниманием³.

Обеспокоенность индийского высокопоставленного эксперта по проблемам безопасности имеет серьезные основания. Складывается впечатление, что в связи с событиями внутри и вокруг Ирака Афганистан не только стал гораздо реже упоминаться на страницах мировой

пресса, но и отошел на второй план во внешнеполитических приоритетах многих стран. Это не относится к Индии, которая после свержения режима талибов проявляет готовность оказать всестороннюю помощь и политическую поддержку тем силам, которые пришли к власти в Афганистане.

11 октября 2001 г. тогдашний министр иностранных дел Индии Джасвант Сингх сообщил о решении его правительства предоставить Афганистану гуманитарную помощь, в том числе один миллион тонн пшеницы, палатки, легкие и теплые одеяла и др. Индия выразила готовность оказать также медицинскую помощь и предоставить возможность реабилитации жертвам террора и военных действий, а позднее участвовать в восстановлении народного хозяйства страны, ее инфраструктуры, системы образования и здравоохранения, главным образом в рамках существующей с 1979 г. Индийской организации по вопросам технического и экономического сотрудничества. Возобновилась деятельность посольства Индии в Афганистане и вновь приняла пациентов финансируемая Индией крупнейшая в Кабуле больница имени Индиры Ганди.

Индия принимает активное участие в различных международных проектах по восстановлению и реконструкции Афганистана, включая встречу на министерском уровне в Токио в январе 2002 г.; встречи группы поддержки Афганистана; заседания в Бонне; встречи в Женеве для обсуждения проблем восстановления структур безопасности Афганистана; саммит министров иностранных дел в Нью-Йорке для обсуждения ситуации в Афганистане 13 сентября 2002 г. Так, еще в середине января 2002 г. на токийской конференции доноров Афганистана Индия заявила о предоставлении 200 млн. долларов и выразила готовность оказать помощь Афганистану в подготовке государственных служащих, в том числе дипломатов, полицейских и других служб безопасности, а также содействовать в строительстве школ и медицинских учреждений, развитии сельского хозяйства и внедрении современных информационных технологий.

Важным шагом вперед в развитии отношений между Индией и Афганистаном стал состоявшийся в марте 2002 г. двухдневный визит в Индию афганской делегации в составе 20 человек во главе с руководителем временной администрации Афганистана Хамидом Карзаем. Эта поездка важна по целому ряду причин. Прежде всего теплый прием в индийской столице продемонстрировал заинтересованность и готовность Индии установить контакты и поддерживать отношения с новым временным руководством Афганистана, во главе которого находится глава временной администрации – пуштун по происхождению.

Официальный представитель министерства иностранных дел Индии специально отметил заинтересованность его страны в «восстановлении традиционных тесных связей с пуштунами», разорванных в период правления талибов.

Индийские аналитики обратили внимание на то, что перед посещением Дели афганский руководитель совершил поездку в Пакистан, цель которой, как они считают, – попытаться предотвратить возможные действия Пакистана, направленные на дестабилизацию обстановки в Афганистане и осложнение положения временного руководства страны, в том числе и в связи с укреплением афгано-индийских отношений. Особо подчеркивается, что цель индийской дипломатии в Афганистане сводится не только к тому, чтобы свести до минимума влияние там Пакистана, но добиться того, чтобы Афганистан не превратился вновь в «трамплин для терроризма, направленного против Индии». В опубликованной в еженедельнике «Индия тудей» статье известный журналист С.Гупта ссылается на точку зрения генерального секретаря ООН Кофи Аннана, по мнению которого Кабул должен придерживаться «паритета в его дипломатических связях с Индией и Пакистаном»⁴.

В ходе визита Х.Карзая индийская сторона подтвердила готовность оказывать Афганистану ощутимую экономическую и гуманитарную помощь, предоставить специальный дар в сумме 10 млн. долларов на неотложные нужды и оказывать содействие в подготовке дипломатов и сотрудников ведомства, обеспечивающего внутреннюю безопасность.

Обещания индийской стороны начали активно реализовываться в апреле 2002 г., когда в ходе визита в Дели представителей министерства транспорта Афганистана им были переданы первые двадцать пять из пятидесяти автобусов фирмы ТАТА для афганских городов, прежде всего Кабула. Остальные двадцать пять автобусов были переданы в середине июля 2002 г. (всего Индия предоставила 274 автобуса). Кроме того, 10 июля Индия направила правительству Афганистана 10 млн. долларов для обеспечения бюджетных расходов. Достигнута договоренность о передаче Индией трех самолетов для афганской гражданской авиакомпании Ариана, а также о предоставлении необходимого оборудования для образовательного компьютерного центра. Первая группа афганских полицейских уже проходит курс обучения в Индии⁵.

В начале мая 2002 г. состоялся визит в Дели министра обороны Афганистана М.К.Фахима, который обсуждал со своим индийским коллегой, тогдашним министром обороны Индии Дж.Фернандесом перспективы сотрудничества в военной области. Индийская сторона заявила о готовности оказать содействие Афганистану в создании и обучении его вооруженных сил, в том числе в использовании военной техники российского производства, например, танков Т-55 и др. Афганский министр посетил подразделения индийской армии и авиации в Бангалоре и Пуне, а также крупные государственные предприятия Hindustan Aeronautics Limited и Bharat Electronics Limited⁶.

10–12 августа 2002 г. Афганистан посетил министр иностранных дел Индии Яшвант Синха, причем он прибыл туда на одном из трех пассажирских самолетов, передаваемых Индией афганской авиакомпании Ариана. Состоялись встречи руководителя индийского внешнеполитического ведомства с высшим руководством Афганистана, он посетил больницу им. Индиры Ганди и лицей Хабибия, куда были переданы подарки для учеников и оборудование для научных кабинетов. Была достигнута договоренность о том, что Индия дополнительно предоставит 4 млн. долларов для ремонта помещения, модернизации медицинского оборудования и закупок медикаментов для больницы им. Индиры Ганди. Кроме того, 7 афганских врачей будут направлены для специального обучения во Всеиндийском институте медицинских исследований, и будет увеличено число индийских врачей, работающих в кабульских медицинских учреждениях и больнице им. Индиры Ганди.

Индия выделяет сумму в 1 млн. долларов для обновления оборудования лабораторий и создания центра информационных технологий в школе Хабибия, а также обеспечит полную реконструкцию этого престижного учебного заведения, в котором обучались многие афганские руководители. Будет поставлено также 8000 специальных индивидуальных комплектов для школьников. Была достигнута договоренность о поставках Афганистану 1 млн. тонн пшеницы, из которого 85517 тонн будут переработаны и поставлены в виде специального печенья объемом 9500 тонн с высоким содержанием протеина для питания школьников.

В ходе пресс-конференции руководитель индийского МИДа сообщил, что посещение им Герата, Мазари-Шарифа и Кандагара открыло широкие возможности для дальнейшего сотрудничества с различными группами и слоями афганского общества и отдельными регионами страны. Он еще раз подтвердил заинтересованность Индии в сильном, объединенном, независимом и суверенном Афганистане, сотрудничество с которым будет развиваться в самых различных областях. Министр особо выделил такие сферы, как восстановление плотин и дамб, создание ирригационных систем, подготовка специальных образовательных программ для взрослых, обновление оборудования для диагностики и лечения в больницах, поставки современного оборудования для университетских лабораторий, обучение специалистов в учебных и научных учреждениях Индии и др.⁷

2 декабря 2002 г. государственный министр по иностранным делам Индии Д. Сингх принимал участие в проходившей в Бонне конференции «Восстановление Афганистана, мира и стабильности», где еще раз были подтверждены планы Индии по оказанию помощи Афганистану.

Была также достигнута принципиальная договоренность об участии Индии в работах по восстановлению на территории Афганистана одного буддийского храма, одного гурдвара (индуистского храма) и одной мечети⁸.

Серьезной проблемой для развития экономики Афганистана и укрепления его связей с внешним миром, в том числе с Индией и государствами Центральной Азии, остается обеспечение торговых путей и коммуникационных связей в рамках региона, в особенности с учетом его географического положения и сложностей в отношениях с Пакистаном.

Расширение торговых отношений между Афганистаном и Индией осложняется тем, что прямые сухопутные пути лежат через территорию Пакистана, который часто блокирует транспортировку индийских товаров в Афганистан, включая и те, которые идут в рамках оказания экономической и продовольственной помощи. Поэтому приходится использовать пути через территорию Ирана или переправлять товары самолетами афганской авиакомпании «Ариана», совершающими полеты дважды в неделю. Такой путь является наиболее дорогостоящим. Не случайно министр иностранных дел Афганистана А.Абдулла выразил надежду, что противоречия между различными странами не будут отражаться на положении Афганистана, и развитие индо-пакистанских отношений в духе сотрудничества отвечает интересам всего региона⁹.

Отвечая на специальный запрос в верхней палате индийского парламента, государственный министр по иностранным делам Индии В.Кханна заявил, что Пакистан препятствует транзиту через его территорию индийской гуманитарной помощи Афганистану, которая переправляется через иные доступные коммерческие каналы. Так, использование для поставок Афганистану дороги через иранский порт Бендер-Аббас занимает не менее 4–6 недель¹⁰. Пакистанская сторона не дала разрешения на проезд через территорию Пакистана транспортных средств, предназначенных для национальной армии Афганистана (всего предполагается поставить 300 автомашин)¹¹.

Пути преодоления этого препятствия стали предметом обсуждения на трехсторонней встрече представителей Индии, Ирана и Афганистана, которая состоялась 4–5 января 2003 г. в Тегеране. Обсуждались проблемы транзита, устранения барьеров на пути развития торговли, обеспечения безопасной, быстрой и недорогой транспортировки грузов между тремя странами. По итогам встречи был подписан Меморандум о создании инфраструктуры для развития транзита и транспортировки товаров через пункты Чахарбахар 12 (порт) – Милак-Деларам, что обеспечит доступ к территории Афганистана¹².

5–8 марта 2003 г. состоялся официальный визит в Индию президента Афганистана Х.Карзая, в ходе которого состоялись его встречи с высшим руководством страны. Ему был передан третий пассажирский самолет, который будет использоваться авиакомпанией «Ариана». Было объявлено о предоставлении Индией дара в сумме 70 млн. долларов для реконструкции дороги Зарандж-Деларам. Достигнута договоренность о прохождении курса обучения в Индии группы из 250 аф-

ганских офицеров полиции и кадетов с июля по сентябрь 2003 г. Стороны подписали двустороннее соглашение о торговых преференциях, предусматривающее предоставление Индией 50–100% тарифных льгот для 38 наименований афганских товаров, таких как свежие и сухие фрукты, фисташки, семена, лечебные травы, драгоценные камни и др. Индия получила возможность беспошлинно поставлять такие товары, как черный чай, продукция фармацевтической промышленности, аюрведические и гомеопатические лекарства, рафинированный сахар, цемент и др. Х.Карзай выразил намерение использовать опыт Индии в подготовке конституционной Лоя джирги 2003 г. и проведении выборов в 2004 г.¹³

19–23 октября 2003 г. председатель избирательной комиссии Афганистана вместе с представителем миссии ООН в Кабуле посетили Дели, где состоялись их переговоры с представителями избирательной комиссии Индии, цель которых – использование опыта Индии в подготовке и проведении выборов. Кроме того, правительство Индии направило 65 электронных избирательных машин, которые будут использованы в процессе подготовки к проведению конституционной Лоя джирги в декабре 2003 г. и четырех экспертов для оказания технической помощи в их использовании¹⁴.

11 мая 2004 г. правительство Афганистана дало официальное согласие на начало банковских операций в стране Национального банка Панджаба – одного из крупнейших в Индии.

Оказание Индией многосторонней помощи Афганистану не остается незамеченным и в Пакистане. По мнению индийских аналитиков, отношения между Индией и Пакистаном и взаимодействие обеих стран с Афганистаном являются важными компонентами при решении проблем безопасности и стабильности Афганистана. Со стороны Пакистана наблюдается даже элемент соревнования с Индией в том, чья помощь масштабнее и заметнее.

В ходе визита в Кабул в августе 2003 г. пакистанский министр иностранных дел К.Казури неоднократно комментировал оказание Индией помощи Афганистану и утверждал, что помощь со стороны Пакистана также значительна, но не «столь заметна, как автобусы, перевозящие людей на улицах».

Более того, после открытия индийских консульских представительств в Герате, Мазари-Шарифе, Кандагаре и Джалалабаде пакистанские власти выступили с обвинениями в том, что Индия использует эти консульства для антипакистанской деятельности, в том числе и для подстрекательства местных армейских подразделений к вооруженным действиям против Пакистана. Комментируя эти заявления, индийский посол отметил, что сами Индия и Афганистан, а не «третьи страны» будут определять уровень и характер индийского дипломатического присутствия в стране. Афганский министр иностранных дел А.Абдулла со своей стороны заявил, что деятельность индийских консульств не

выходит за рамки обычной дипломатической деятельности и «соответствует международным нормам и принципам»¹⁵.

После прошедших в Индии парламентских выборов в мае 2004 г. президент Афганистана заявил о необходимости «как можно скорее» установить контакты с новым правительством в Дели. С этой целью 30 мая в индийскую столицу прибыл помощник президента Афганистана по вопросам национальной безопасности З.Расул, который встретился с министром иностранных дел Индии Натвар Сингхом и советником по национальной безопасности Дж.Н.Дикшитом. Стороны подтвердили взаимную заинтересованность в дальнейшем укреплении взаимодействия между двумя странами в политической и экономической областях и их готовность к совместной борьбе против терроризма и распространения наркотиков.

Вырабатывая позицию в отношении Афганистана, индийское правительство учитывает мнение России – стратегического союзника Индии, также непосредственно заинтересованной в стабилизации обстановки внутри и вокруг Афганистана.

Традиционно Индия и Россия придерживались в целом сходных или близких позиций в оценке ситуации в Афганистане. Приход к власти талибов расценивался как в Москве, так и в Дели как угроза их стратегическим интересам в регионе. Совпали их взгляды и при обсуждении вопроса о будущем этой страны после ликвидации режима талибов. В октябре 2000 г. была создана совместная индийско-российская рабочая группа по Афганистану, которая регулярно проводит консультации и разрабатывает рекомендации по урегулированию афганской проблемы.

Россия и Индия разделяют взгляды о необходимости формирования в Афганистане правительства, пользующегося широкой поддержкой основных слоев и групп населения страны. Афганская проблема детально обсуждалась в ходе встреч на высшем уровне руководителей России и Индии в 2001–2003 гг. Президент России В.Путин выражал уверенность в том, что Индия должна непосредственно участвовать в процессе урегулирования афганской проблемы, в решении будущего Афганистана. Стороны подписали специальную Декларацию по борьбе с международным терроризмом.

28 марта 2003 г. в Москве состоялось шестое заседание совместной рабочей группы по Афганистану, в которой с обеих сторон участвовали первые заместители министров иностранных дел: с индийской – Канвал Сибал, с российской – В.Трубников. Стороны обсудили ситуацию в Афганистане и принимаемые мировым сообществом меры, направленные на восстановление страны. Была выражена озабоченность в связи с угрозой региональному миру и стабильности вследствие террористической деятельности на территории страны и в регионе и увеличения производства и незаконного оборота наркотиков; обсуждался вопрос о необходимых мерах для предотвращения актов международного терроризма и расширения наркобизнеса. Ин-

дия и Россия выразили удовлетворение развитием ситуации в Афганистане после создания переходного правительства во главе с Х.Карзаем в июне 2002 г. Решающим фактором в деле восстановления мира и стабильности стороны признали невмешательство внешних сил во внутренние дела Афганистана и активизацию роли ООН. Наконец, было отмечено, что сотрудничество между Россией и Индией в решении проблемы сдерживания международного терроризма является важной составной частью российско-индийского стратегического партнерства¹⁶.

¹ Aunohita Mojumdar. Indo-Pak. Rivalry in Afghanistan // Hindu, Madras, 11.09.2003.

² Security Situation in Afghanistan: India's Options // SAPRA India Monthly Bulletin. September 2003, с. 2–4.

³ Peace, Stability and Security in Asia: India's Perspectives // Speech by Mr. Brajesh Mishra, National Security Advisor, at the 40th Munich Conference on Security. 07.02.2004.

⁴ Sudha Ramachandran. Karzai negotiates diplomatic minefield // Asia Times. OnLine. 02.03.2002.

⁵ India Gifts 25 buses to the people of Afghanistan. 29.04.2002; Gifting of the second set of 25 buses to the Transitional Islamic Government of Afghanistan. 13.07.2002. Discover India, <http://www.meadev.nic.in>.

⁶ India, Afghanistan discuss defence ties // Rezaul H. Laskar, Indo-Asian News Service. Yahoo News. New Delhi, 06.05.2002.

⁷ External Affairs Minister, Sh. Yashwant Sinha Visits Afghanistan. 10–12.08.2002. Press opportunity at Indira Gandhi International Airport on arrival from Kabul, 12.08.2002. <http://meaindia.nic.in>; Siddhartha Kumar. Schools to Roads: India shining in Afghanistan // The Asian Age, 20.04.2004.

⁸ Lok Sabha Q&A's. Construction of Temples In Afghanistan Answer the Minister of State in the Ministry of External Affairs (Shri Digvijay Singh). 29.07.2003.

⁹ Aunohita Mojumdar. Indo-Pak. Rivalry in Afghanistan // Hindu, Madras, 11.09.2003.

¹⁰ Rajya Sabha Q&A's. 24.07.2003.

¹¹ Rajya Sabha Q&A's. 11.12.2003.

¹² Overland Trade Between India and Afghanistan. Lok Sabha Q&A's. 19.02.2003; Trilateral Meeting Between India, Iran and Afghanistan. Rajya Sabha Q&A's. 20.02.2003.

¹³ Transcript of Press Briefing by the Official Spokesperson (Incoming Visits of the President of Afghanistan). 06.03.2003; Rajya Sabha Q&A's. 24.04.2003.

¹⁴ Rajya Sabha Q&A's. 11.12.2003.

¹⁵ Aunohita Mojumdar. Indo-Pak. Rivalry in Afghanistan // Hindu, Madras, 11.09.2003.

¹⁶ 6th Meeting of India-Russia Joint Working Group on Afghanistan, Joint Statement. 28.03.2003.

**АФГАНИСТАН-ИРАК-США:
СТАБИЛЬНАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ**

Академик Вячеслав Степин обрисовывает сложившуюся в глобальном масштабе ситуацию следующим образом: «Человек, усложняя свой мир, все чаще вызывает к жизни такие силы, которые он уже не контролирует и которые становятся чуждыми его природе... Можно говорить об антропологическом кризисе, который характеризуется исчезновением традиционных параметров человеческого бытия, хаотическим ростом бессистемной, разрушительной информации, распадом коммуникативных связей. Этот кризис касается и социальных групп, и личности». Современное развитие мирового сообщества, по мнению академика, стоит на перепутье: одно направление предлагается апологетами «западной, техногенной культуры», другое – сторонниками «восточной, традиционалистской». Первые считают, что основной целью развития человека является истина, которая стоит выше нравственности, а высшей ценностью – права человека и личная свобода. Восток же отдает приоритет процессу духовного очищения человека. Только пройдя через него, личность может приблизиться к истине, которая должна восприниматься как коллективная ответственность человечества за использование результатов, достигнутых в ходе его развития. Отсутствие взаимопонимания между сторонниками этих двух подходов ведет к углубляющемуся междоцивилизационному конфликту¹.

Кризисная ситуация в Афганистане и Ираке представляет собой достаточно яркий пример последствий игнорирования интересов враждующих сторон, которые в первую очередь настраиваются на решение политико-экономических вопросов с узкоэгоистическими целями. В предыдущие десятилетия, в годы жесткого противостояния между США и СССР политики обеих стран чувствовали обоюдную угрозу, исходящую от противника, и понимали глобальную опасность ядерного конфликта. Они контролировали друг друга. После распада СССР контроль над миром попал в одни руки, и Соединенные Штаты, упиваясь своим превосходством, взяли на себя миссию «истины в последней инстанции», определяя, кто прав, кто виноват. Администрация США, по сути, считает себя неподконтрольной.

25 апреля текущего года президент Афганистана Хамид Карзай, прибыв в свой родной город Кандагар – оплот экстремистского движения «Талибан» (ДТ), сделал неожиданное заявление, пригласив

талибов принять участие в намеченных на сентябрь с.г. выборах президента и парламента страны. Ответ пришел почти незамедлительно. Командующий отрядами талибов мулла Дадупла сразу же отверг предложение Х.Карзая и повторил угрозы, содержащие намерение руководства помешать проведению выборов.

В начале мая появились сообщения о расколе в рядах исламистской оппозиции. 2 мая в Кабуле состоялась пресс-конференция Халида Фаруки, который представил себя как лидера «исполнительного органа» Исламской партии Афганистана (ИПА), а именно фракции ИПА, порвавшей контакты с Гульбеддином Хекматьяром уже «три года тому назад». Другой член этой фракции, бывший мэр Джалалабада Абдул Гафар Карьяб заявил, что после «секретных переговоров» с представителями правительства его группа приняла решение присоединиться к мирному процессу стабилизации обстановки в стране². Сведений о том, насколько велика и влиятельна эта группа «ренегатов» из ИПА, не приводится, однако сам факт по-своему знаменателен, хотя он может означать стремление части «хекматьяровцев» вскочить «на подножку уходящего поезда» и попытаться зарезервировать для себя место в руководстве страны.

Мы все чаще становимся свидетелями настойчивых попыток конфликтующих в сегодняшнем мире сторон отыскать пути к взаимопониманию. К сожалению, пока эти усилия редко дают положительные результаты, поскольку преобладают центробежные силы, которые раскручивают витки насилия, зародившиеся в процессе становления новых государственных образований и усиливающие тенденции национализма и религиозной нетерпимости. Опасение вызывает укрепляющееся чувство запоздалости в предотвращении ужесточающихся акций экстремистов, действия которых приобрели международные масштабы.

Террористические акты против США, произошедшие 11 сентября 2001 г., побудили администрацию Вашингтона демонстрировать свою готовность к решительным военным действиям против своих противников в исламском мире. Организатором терактов администрация США назвала Осаму бен Ладена. 7 октября 2001 года американские войска и их союзники по НАТО приступили к осуществлению антитеррористической операции в Афганистане, где якобы и скрывается «враг номер один».

Западные политологи, исследуя кризисные события последних лет на мусульманском Востоке, как правило, начинают их описание с ввода советских войск в Афганистан, настаивая, что именно этот шаг Советского Союза породил цепь катастрофических последствий, ввергнувших афганцев в пучину жестокой войны и закончившихся развалом СССР. При этом аналитики «забывают» упомянуть, что Осама бен Ладен – это «плоть от плоти Соединенных Штатов, десятилетиями заигрывавших с экстремистами в исламском мире, поро-

дение той политики двойных стандартов, которая проводилась во многих районах мира»³.

Афганистан, по мнению известного пакистанского журналиста Ахмеда Рашида, оказался расколотым по многим параметрам: «по этническому и по религиозному признакам, на горожан и сельских жителей, на образованных и необразованных, на тех, у кого есть оружие, и тех, у кого оно отнято. Экономика стала черной дырой, сосущей соки из соседей и обессиливающей их через контрабанду, торговлю наркотиками и оружием... Ложные отношения власти и авторитета, складывавшиеся веками, были полностью разрушены. Ни одна фракция и ни один лидер в отдельности не имеют достаточной легитимности, чтобы объединить страну. Не национальная, племенная или родовая, а территориальная или региональная самоидентификация стала определяющей... Пуштунская племенная структура была разрушена с утратой общей племенной собственности и пастбищ, а также вследствие войны и множества беженцев. Непуштуны связывают свою жизнь с отдельным полемым командиром и с той долиной, где они родились...

Племенные вожди, прежде помогавшие разрешать конфликты, погибли или ушли в изгнание. Старая образованная правящая элита бежала после советского вторжения, и на ее месте не возникло никакой другой элиты, способной договориться о мире. Нет политического класса, способного на сделки и компромиссы».

Кто виноват? А.Рашид считает так: «Основную вину за продолжение войны несут внешние силы, которые продолжают поддерживать своих ставленников в расширяющейся спирали вмешательства и насилия»⁴.

К анализу вышеизложенной трагической ситуации прибавить, очевидно, нечего. Эскалация насилия продолжается. Россия уже давно не имеет прямого военного отношения к этому процессу. Страдают американцы и европейцы. Мы в отличие от них не испытываем чувства злорадства, которое было присуще политикам на Западе в те годы, когда в Афганистане погибали наши солдаты. Как недавно писал журналист И.Елков, «по-человечески жалко каждого погибшего собрата-солдата из стран Восточной Европы. Но ведь они пошли туда добровольно, вслед за Новым Старшим Братом. (Мы в свое время их с собой в Афганистан не потащили). А раз добровольно, то, видимо, придется испить сию чашу до дна»⁵.

Первые сообщения об издевательствах и пытках, которым подвергались заключенные в афганских тюрьмах, начиная с 2002 г., появились на сайтах Интернета приблизительно за месяц до публикаций в международных СМИ информации и фотоснимков о пытках заключенных в иракских тюрьмах⁶. Противозаконные действия совершались также военнослужащими США и Великобритании, входящими в состав коалиционных сил.

Администрация США ощущает политическое давление внутри и вне своей страны, которое принуждает ее не только выступать с из-

винениями, но и с обещанием отступить от категорического намерения оставаться в Ираке (возможно, и в Афганистане) до некоего победного конца. 14 мая 2004 г. на встрече министров иностранных дел стран «большой восьмерки» в Вашингтоне госсекретарь США Колин Пауэлл неожиданно сообщил о готовности его страны вывести свои войска из Ирака, если иракцы сами об этом попросят.

В опубликованной 6 мая с.г. газетой «Интернэшнл Геральд Трибьюн» статье известного американского эксперта по Афганистану Б.Рубина проводится сравнительное исследование складывающейся ситуации в Афганистане и Ираке. В его изложении развитие ситуации выглядит следующим образом⁷.

На международной конференции по Афганистану, состоявшейся в начале апреля 2004 г. в Берлине, Хамид Карзай представил правительствам «более богатых и более мощных стран» список того, в чем он нуждается для достижения успеха в восстановлении Афганистана. Он это сделал, несмотря на то, что государства-доноры, включая Германию – хозяина конференции, – с самого начала сопротивлялись подобной постановке вопроса. Тем не менее их правительства не только приняли предложения Карзая, но даже повысили уровень финансирования на текущий и последующие годы. Однако до настоящего времени им не удалось обеспечить даже отправку в Афганистан дополнительных воинских резервов для укрепления позиций правительства в Кабуле и обеспечения мер безопасности в провинциях.

В Ираке партизанские отряды, действующие против американских и коалиционных войск, захватывают и убивают заложников, и сложившаяся обстановка «поставила на грань риска осуществление навязанного военными действиями проекта администрации Буша по демократизации Ирака и вообще Среднего Востока».

В Афганистане в течение нескольких последних недель экстремисты усилили атаки против американского контингента в приграничных районах. Но главным драматическим обстоятельством является то, что в борьбе по проблеме централизации власти друг другу противостоят правительство и региональные авторитеты.

Несмотря на хроническую нестабильность обстановки в Афганистане, эту конфронтацию пока удастся сдерживать, и ни одна из участвующих в конфликте сторон открыто не оспорила легитимность правительства. Карзай послал обученные американскими инструкторами части Национальной армии Афганистана (НАА) в два региона страны для стабилизации обстановки и пытается – при поддержке ООН, США и НАТО – решить проблемы с помощью политического урегулирования. Подготовка к выборам, которые были назначены на сентябрь 2004 г., а затем перенесены на октябрь, продолжается, однако регистрация населения затруднена из-за отсутствия мер безопасности в восьми городах и на периферии.

Как в Афганистане, так и в Ираке война против иностранных войск идет параллельно с борьбой вокруг определения статуса государства. Однако разница заключается в том, что афганское правительство получило внутреннее и международное признание, что позволяет ему осуществлять процесс политической и экономической реконструкции. Афганские власти были избраны путем организованных при помощи ООН переговоров в Бонне в конце 2001 г., работают в рамках системы, подтвержденной на двух Лоя джиргах, действуют на основе утвержденной в январе 2004 г. конституции. Международное сообщество в лице ООН выражает поддержку целям, объявленным Афганистаном, и методам их достижения. Легитимность и суверенность афганского правительства дали ему возможность представить в Берлине мировому сообществу конкретный план мероприятий, обосновывающий необходимость выделения для восстановления страны в течение последующих семи лет 28 млрд. долларов.

В Ираке же министерство обороны США через коалиционную временную администрацию добивается осуществления собственных приоритетных целей, и намерено так действовать до конца июня, когда, как предполагается, власть будет передана иракцам в ходе процесса, руководимого ООН. И даже после этой передачи власти США планируют сохранить свой контроль над фондом в сумме 18,4 млрд. долларов, предназначенной для восстановления страны (только на один год). Они не намерены делить их с новым иракским правительством. Если оно не возьмет на себя управление процессом восстановления страны, как это сделали афганцы, то данное мероприятие окажется чисто символическим и, возможно, заранее обреченным на провал.

Но и в Афганистане, если не будут приняты меры по безопасности, попытки восстановления страны также могут провалиться. Афганская армия и медленно формируемая национальная полиция еще нуждаются в помощи со стороны международных сил в области разоружения частных вооруженных формирований и обеспечения безопасности политического процесса в стране. Если Германия и другие члены НАТО обеспечат присутствие таких сил, то Афганистан может добиться успеха, считает Б.Рубин. Без такой помощи легитимные афганские власти не в состоянии осуществить планы по реконструкции. Неудача в этом деле дискредитирует все международные усилия в процессе мирного строительства.

Сумма помощи, выделенная Афганистану, конечно, внушительная, но вызывает сомнение, что она не будет, во-первых, разворована, а во-вторых, что она не станет еще большим раздражителем при инвестициях в отдельные провинции. Представитель каждого этноса будет «тянуть одеяло на себя», поскольку до настоящего времени в глазах депутатов, министров, провинциальной администрации Афганистан ощущается децентрализованным государством, где нет авторитетного лидера, который мог бы сплотить разрозненные традици-

онные этнические образования. Они столетиями жили в обстановке взаимного недоверия и вражды, подогреваемой не только этнонациональными различиями, но и социальным неравенством. Для преодоления отчужденности потребуется, видимо, очень много времени.

Передача кабульскому правительству права распоряжаться фондом, собранным в Берлине для Афганистана международным сообществом, представляется верным шагом, однако порядок распределения средств из этого фонда, несомненно, станет «яблоком раздора». При этом США, конечно же, будут всячески вмешиваться в это дело, настаивая на выделении особых сумм тем, кто выражает лояльность к находящимся в стране иностранным войскам.

Политика администрации США, проводимая в Афганистане и Ираке в основном с опорой на военную силу, уже дискредитировала провозглашенные президентом Дж.Бушем лозунги борьбы против деспотизма, за свободу и демократию в странах мусульманского Востока. На фоне фактически не прекращающихся вылазок террористов эти лозунги выглядят блефом. Демократия, выстроенная по западному образцу, без учета традиционного образа жизни, никогда не была и не будет понята и воспринята.

США предстают в роли неперменного участника (скорее всего, инициатора) большинства международных конфликтов, и недоверие, перерастающее временами в ненависть к американцам, несомненно, негативно сказывается на авторитете ООН и Совета Безопасности.

10 мая 2004 г. в Вашингтоне состоялся семинар ведущих экспертов в области политического ислама под названием «Исламистский терроризм, Средний Восток и Центральная Азия: невидимая связь». Участники семинара констатировали, что администрация Буша подрывает собственные усилия по демократизации в странах Среднего Востока и Центральной Азии по причине своей неспособности уловить различие между понятиями «международный джихадизм» и «исламско-националистическая» борьба⁸.

Эти термины применил в своем выступлении директор по исследованиям Французского национального центра научных исследований Оливье Руа. Он считает, что консерваторы, доминирующие в администрации Дж.Буша, рассматривают события в данных регионах через призму «международного джихадизма». Придавая такую окраску содержанию происходящих там событий, они настраивают правительства этих стран на применение репрессий, в то время как требуются политические и экономические реформы. Полагаться на репрессии, чтобы сдержать деятельность исламистских радикалов, означает лишь раскручивание пагубного цикла, который «ведет к дальнейшей напряженности и насилию».

Акты насилия, отмеченные, например, в Ираке и Узбекистане, имеют (в лучшем случае) крайне незначительное отношение к международному джихадизму, в который входят такие группы, как «Аль-Каида».

Иракское восстание – это в основном национальный конфликт, даже если согласиться с тем, что иностранные добровольцы принимают участие в борьбе против американской военной оккупации. Применение иракскими партизанами тактики террора не скрывает того факта, что это – борьба местного значения, а не международного, как это имеет место в случае с джихадистами. Последние ставят перед собой международные стратегические цели, осуществляют акции за пределами своих государств, по большей части имеют западное образование. «Аль-Каида» предстала как группа, члены которой связаны между собой узами совместной борьбы в Афганистане в конце 80-х годов, а впоследствии – с талибами. Их целями являются объекты, расположенные на Западе. Они иногда могут оказать профессиональную поддержку тем же палестинцам и иракцам, но обычно стараются избегать вовлечения в национальные дела.

Узбекские власти утверждают, что мартовские инциденты в Ташкенте и Бухаре являются результатом международного террористического заговора. США активно поддерживают эту версию узбекских властей. О.Руа считает, что узбекские события в марте – это в большей степени реакция на деспотизм и коррупцию, практикуемую властями Ислама Каримова. Сторонники версии о джихадистском характере попыток восстаний в Узбекистане указывают на использование атаковавшими методов самоподрыва. Однако О.Руа отвергает мнение о том, что тактика самоубийства при помощи взрывного устройства, закрепленного на теле, используется только международным джихадистским движением. Он указывает на тяжелые экономические, социальные и политические условия жизни, сложившиеся в Узбекистане, которые могли толкнуть людей на экстремистские действия, и приводит примеры, когда самоубийства часто использовались как форма протеста в Центральной Азии, в особенности женщинами.

О.Руа сомневается в том, что за этими событиями стоит какая-то конспиративная джихадистская группа. Об этом свидетельствует даже то, что нападавшие были плохо вооружены, а применявшиеся ими бомбы были грубо сработанными устройствами. Другим подтверждением местных причин восстания в Узбекистане является то, что целями нападений были представители местной администрации И.Каримова и офицеры полиции. Именно они ответственны за притеснения, заключавшиеся в изгнании из бизнеса мелких предпринимателей, которых облагали поборами и фактически разоряли. Людям не к кому было обратиться за защитой от притеснений. Нежелание США признать местный характер причин вооруженного выступления в Узбекистане повышает возможность новых взрывов экстремистских нападений, которые дестабилизируют обстановку.

Европейский банк реконструкции и развития предлагал наказать администрацию И.Каримова за провал в осуществлении реформ. Но США никак на это не отреагировали. Во время своего визита в Таш-

кент в конце февраля 2004 г. министр обороны США Д.Рамсфелд заявил, что США стремятся к «укреплению экономических отношений с администрацией Каримова».

В таких условиях, а также принимая во внимание разразившийся скандал вокруг издевательств и пыток, применяемых американцами в иракских тюрьмах, существует возможность того, что международный джихадизм и исламский национализм придут к соглашению об объединении против США. Причем свою роль сыграет и продолжающееся равнодушное отношение Запада к репрессиям и нарушениям законности в странах Среднего Востока и Центральной Азии.

Выводы О.Руа, авторитетного исследователя ислама и исламских течений в независимых государствах бывшей советской Средней Азии, несомненно, заслуживают пристального внимания. В первую очередь, важно его замечание (хоть и с оговорками) об опасности сближения (и, может быть, даже слияния) международных джихадистов-террористов с исламскими националистами. Последние не испытывают желания примыкать к террористам, но, видя, что реформы, предназначенные для удовлетворения нужд всего народа, выливаются в неслыханное обогащение «семей» и «кланов», они могут поддерживать террористов. У них не остается другого выхода, кроме как перенять методы борьбы за свои права у террористов-профессионалов.

Приблизительно такое же развитие событий наблюдается в Афганистане, где продолжают действовать талибы и последователи «Аль-Каиды», которых так и не смогли ликвидировать ни американский, ни пакистанский спецназ. Если правительство Х.Карзая не сможет найти выход из сложной политико-экономической ситуации, в которой находится общество, раздираемое этнонациональным конфликтом, то Афганистан обречен на перманентную нестабильность.

¹ Чего в науке больше – истины или нравственности? // Известия, 20.03.2004.

² Eurasia Insight: AFGHANISTAN: AS KABUL APPEALS TO OPPOSITIONS, RADICAL FACTION MAKES PEACE GESTURE. Jeffery Donovan: 5/07/04 – EURASIANET.org

³ Ладыгин Ф. Предварительные оценки антитеррористической операции США и их союзников в Афганистане // Вестник аналитики, 2002, № 2 (8), с. 98.

⁴ Ахмед Рашид. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии. Пер. с англ. – М.: Библион – Русская книга, 2003, с. 288–289.

⁵ Трибуна, 15.05.2004. – С. 1.

⁶ http://hrw.org/reports/2004/afghanistan0304/3.html#_Toc64778175

⁷ Barnett R. Rubin. In Kabul, the government owns peace. Afghanistan vs. Iraq // International Herald Tribune, May 06, 2004.

⁸ Eurasia Insight: EXPERT: US FAILURE TO COMPREHEND ISLAMIC RADICAL MOTIVATIONS UNDERMINES DEMOCRATIZATION HOPES FOR MIDDLE EAST, CENTRAL ASIA. – 5/13/04, A EurasiaNet recap.

НАТО В АФГАНИСТАНЕ

Международные силы содействия безопасности в Афганистане (ISAF – International Security Assistance Forces) имеют мандат в соответствии с главой 7 Хартии ООН, утвержденной Советом Безопасности ООН в резолюциях 1386, 1413 и 1444. По мандату ООН, роль ISAF заключается в оказании содействия в установлении безопасности для оказания помощи Афганской переходной администрации и ООН в Кабуле и его окрестностях.

ISAF были созданы в соответствии с Боннским соглашением от 6 декабря 2001 г. Военно-техническое соглашение между командованием ISAF и афганской Переходной администрацией предусматривало, что ISAF будут осуществлять свои функции по меньшей мере до завершения процесса, начатого в Бонне, а именно, до всеобщих выборов, намечавшихся на июнь 2004 г. Дата выборов была перенесена на октябрь. Причина – отсутствие гарантий безопасности для электората и кандидатов на пост президента страны.

На политическом уровне ISAF действует в контакте с афганскими властями, Миссией ООН по оказанию помощи Афганистану (UNAMA), агентствами ООН, международными организациями и неправительственными организациями. Силами ISAF созданы узлы связи во всех департаментах как переходной администрации, так и в UNAMA.

ISAF призваны осуществлять проекты военного и гражданского сотрудничества в столице, оказывая содействие в обеспечении города водой, электроэнергией и улучшая инфраструктуру, разрушенную в течение 23 лет конфликта. Структуры ISAF занимаются также реорганизацией медицинской службы и восстановлением школ. Они осуществляют патрулирование территорий 16 полицейских участков в Кабуле и близлежащих районах совместно с городской полицией Кабула.

Первую миссию ISAF возглавляли подразделения вооруженных сил Великобритании, которыми командовал генерал-майор Джон Маккол. Вторая была возложена на Турцию (генерал-майор Зорлу). В состав третьей миссии, начавшей свою работу в феврале 2003 года, вошел 1-й германско-нидерландский корпус во главе с генерал-лейтенантом Норбертом ван Хейстом.

С 11 августа 2003 года миссию ISAF выполняло первое натовское соединение от Объединенного центра штабов, прибывшее из Гейдельберга (Германия), во главе с германским генерал-лейтенантом

Гоецом Ф.И.Глимеротом (Goetz F. E. Gliemerth) и канадским генерал-майором Эндрю Лесли (Andrew Leslie) в качестве его заместителя. На штабном уровне в работе участвуют 15 представителей разных стран и более 600 солдат, включая вспомогательный персонал. Штабы ISAF работают в режиме оперативного командования миссии.

Национальный состав вооруженных сил ISAF довольно разнообразен. По количественному составу первое место занимают канадцы, бригаду которых возглавлял бригадный генерал Питер Девлин. Из 31 подразделения, состоящего из военнослужащих разных наций, на долю Канады приходится 1900 человек из общего состава коалиционных сил, которые имеют три специальные боевые группы, возглавляемые немцами, французами и канадцами. Кабульская многонациональная бригада отвечает за тактическое командование наземными войсками.

Личный состав ISAF в Кабуле в 2003 г. насчитывал более 5000 солдат, моряков и авиаторов, также представляющих 31 национальность. В миссию входят представители Албании, Австрии, Азербайджана, Бельгии, Болгарии, Канады, Хорватии, Дании, Эстонии, Финляндии, Франции, Македонии, Германии, Греции, Венгрии, Исландии, Ирландии, Италии, Латвии, Литвы, Нидерландов, Норвегии, Новой Зеландии, Румынии, Испании, Швеции, Швейцарии, Турции, Великобритании, США и Чехии.

До 11 августа 2003 г. отдельные представители государств добровольно возглавляли миссию ISAF, сменяясь каждые шесть месяцев. Официальное вовлечение НАТО в решение конфликта, по замыслу его руководства, должно демонстрировать долговременные национальные обязательства по стабилизации обстановки и обеспечению безопасности Афганистана. Кроме того, принятие НАТО руководства миссией на себя подразумевает преодоление проблем в отношении подбора через каждые шесть месяцев «очередника» на пост главы миссии. Метод определения главы ISAF рассчитывается, исходя из возможности долговременного (затяжного) решения проблемы. Кроме того, «стажировка» в роли командира, как полагает натовское командование, будет полезной для представителей небольших национальных контингентов, входящих в ISAF, в смысле приобретения опыта.

16 апреля 2003 года, по инициативе Германии, Нидерландов и Канады – ведущих национальных контингентов в составе ISAF – коалиция приняла решение передать лидирующую роль НАТО¹. Это свидетельствует о намерении НАТО осуществить важные изменения в сфере совершенствования мер безопасности, используя натовские опыт и практику в планировании и руководстве сложными многонациональными операциями с привлечением как сил НАТО, так и вооруженных сил государств-не членов НАТО. Операции, проводимые силами Коалиции, будут продолжаться в пределах срока действия мандата ООН в соответствии с ее резолюциями. Нынешний мандат ограничивает операции ISAF Кабулом и его окрестностями. Ранее, не-

смотря на то, что мандат на деятельность ISAF исходит от ООН в соответствии с Боннским соглашением, ISAF действовали по приказам своих национальных руководств. Теперь же политическое направление и координация будут зависеть от решений НАТО через органы, обладающие правом принятия решений – Североатлантическим советом (Брюссель, Бельгия). Они будут работать в тесном взаимодействии с нечленами НАТО, принимающими участие в ISAF, включая, в случае необходимости, проведение специальных совещаний. После принятия политического решения стратегическое командование и контроль осуществляется главным военным штабом НАТО – SHAPE (Supreme Headquarters of Allied Powers in Europe – Высшие штабы объединенных сил в Европе), расположенном в Монсе (Бельгия). Начальником SHAPE – командующим объединенными силами в Европе (Supreme Allied Commander Europe) – является генерал Джеймс Джонс, дважды прилетавший в Афганистан для инспекции ISAF.

На низшей ступени, после SHAPE, находится другая штаб-квартира – AFNORTH (Allied Forces North Europe – Объединенные силы Северной Европы), ответственная на оперативном уровне за укомплектование, подготовку, развертывание и поддержку ISAF. Большинство натовских солдат, составляющих часть контингента ISAF, привлечены из натовского северного региона. AFNORTH является оперативным командованием на уровне между SHAPE и ISAF. Действующие штабы, отобранные для дислокации в Кабуле, сведены в Объединенный штабной центр, переведенный из Гейдельберга. Это будет первая возглавляемая НАТО миссия вне пределов Европы.

В течение последних 10 лет Центр часто руководил проведением кризисных, так называемых ответных (реактивных) операций. Солдаты, находившиеся в его подчинении, входили в состав натовских Сил обеспечения (IFOR), а затем – в штаб Сил стабилизации (SFOR) в Сараево (Босния-Герцеговина). При проведении других операций на Балканах Центр располагался в Приштине (Косово), в Скопье (Македония) в командовании KFOR. Роль Центра в KFOR и SFOR заключается в аккумулировании опыта для содействия стабилизации положения в афганской столице, который будет использоваться международными контингентами ISAF в деле осуществления кризисных («антитеррористических») операций.

На территории Афганистана в настоящее время дислоцируется около 18 тысяч военнослужащих международной антитеррористической коалиции, большинство которых приходится на личный состав ВС США, 2 тысячи – ВС Канады. В Кабуле располагаются 6100 военнослужащих ISAF, в их числе 300–350 английских военнослужащих.

ISAF пользуется авиабазой Баграм (около 70 км к северу от Кабула), где дислоцируется подразделение боевой поддержки № 452.

Продолжаются попытки создания Национальной армии Афганистана (НАА), численность которой должна составить 70 тысяч воен-

нослужащих. Американские представители в Кабуле обещали довести численность состава НАА до 10 тысяч и сил полиции – до 100 тысяч человек к июню 2004 г., т.е. ко дню намечавшихся ранее президентских выборов. Наблюдатели сомневались в возможности достижения этой цели, указывая на дезертирство рекрутов². Новобранцы в афганской армии получают 50 долларов в месяц во время прохождения обучения и 70 долларов – после. Инструкторами в НАА работают офицеры из США, Великобритании и Франции. По сообщениям на середину января 2004 г., около 3 тысяч солдат дезертировали из армии.

В целях стабилизации обстановки в провинциях, начиная с ноября 2002 г., США приступили к созданию «бригад по восстановлению провинций» (Provincial Reconstruction Teams) – БВП³. В их задачи входит оказание помощи в восстановлении порядка и стабилизации положения в провинциях. В январе 2004 г. насчитывалось 5 таких групп численностью до 60–80 человек во главе с представителями вооруженных сил стран НАТО. К марту 2004 г. намечалось довести их число до 12.

Замена руководства ISAF натовскими генералами свидетельствует, по меньшей мере, о двух кардинальных задачах, поставленных США на ближайшие годы:

- втягивание в конфликты как можно большего числа государств, которых таким образом можно «повязать» коллективной ответственностью;

- привлекать к участию в боевых действиях представителей вооруженных сил стран, не являющихся членами НАТО, под видом выполнения функций миротворцев. Они будут голосовать в ООН за резолюции, предусматривающие увеличение срока пребывания «миротворческих сил» на чужих территориях. В эти силы сейчас добровольно (но на государственном уровне) вливаются подразделения в основном из бедных стран, расходы (и немалые!) по содержанию которых (с «дальним прицелом») берут на себя США и НАТО.

Отсюда следует вывод: НАТО продолжает политику расширения и продвижения своих сил, начатую после распада СССР. Если ранее этот шаг именовался как «расширение НАТО на Восток», что в географическом плане означало продвижение вооруженных сил Североатлантического альянса в страны Восточной Европы и Прибалтику, то теперь – после натовских операций на Балканах, в Афганистане и Ираке, после закрепления отдельных подразделений НАТО в Средней Азии и на Кавказе – планы постепенного и последовательного охвата России с Юга становятся очевидными.

Заверения США, что натовские войска уйдут из указанных стран и регионов после выполнения миссии по борьбе с терроризмом, укреплению безопасности, стабильности и т.п. рассчитаны на простак. Волна терроризма не спадает и вряд ли спадет даже в отдаленном будущем. В течение второй половины XX века США принимали

активное участие именно в стратегической дестабилизации обстановки в мире. Столкновение с исламским миром только увеличивает масштабы террористических акций, вызывая ответную реакцию со стороны НАТО, которая принимает затяжной характер.

Представители стран-членов Организации Североатлантического договора встретились 11 марта 2004 г. для обсуждения складывающейся непростой ситуации в Афганистане и поиска путей по улучшению сотрудничества. До начала официальной встречи представители некоторых стран НАТО признавали, что для полного осуществления намеченных реформ не хватает ресурсов, а также сказывается нехватка вертолетного парка. Выступивший перед журналистами верховный главнокомандующий войсками НАТО в Европе генерал Джеймс Джонс заявил, что проблемы в данной области уже разрешены, но одновременно дал понять, что члены альянса должны повесить свои обязательства в деле оснащения войск и, в особенности, в сфере реализации целей по расширению провинциальных команд возрождения. Увеличение числа таких команд потребует соответственно увеличения количественного состава натовских войск.

По словам Хикмета Четина (бывшего министра иностранных дел Турции, который ныне занимает пост главного гражданского представителя НАТО в Афганистане), основной задачей Северо-Атлантического альянса в Афганистане является обеспечение безопасности, поскольку именно с решением этой проблемы связаны перспективы стабильности политического и экономического развития. Х.Четин назвал проводимые в этом направлении акции «прогрессивной экспансией» НАТО в афганские провинции⁴. Структура, призванная обеспечить достижение этой цели, предполагает наличие следующих компонентов: 1) воинского контингента НАТО (национальные подразделения ISAF и части армии США); 2) осуществление программы «Разоружение-Демобилизация-Реинтеграция» (РДР); 3) интенсификация деятельности ПКВ с охватом всех провинций; 4) реструктуризация и обучение Национальной армии Афганистана (НАА); 5) осуществление 5-летнего плана «Национальной стратегии контроля за производством наркотиков».

Предварительные итоги и координация дальнейших действий НАТО в Афганистане были рассмотрены на очередной встрече представителей стран-членов НАТО, которая состоялась в Стамбуле в конце июня 2004 г.

Представитель американских военных кругов Б.Хилфerti 12 марта 2004 г. заявил, что 7 марта американские войска начали крупномасштабную операцию, в которой задействованы 1350 военнослужащих и военно-воздушные силы. Операция, получившая название «Буря в горах» (Mountain Storm), осуществлялась с учетом координации действий с пакистанскими воинскими подразделениями в районах пакистано-афганской границы и в качестве одной из задач включала

захват Осамы бен Ладена и/или Мухаммада Омара, а также первого заместителя бен Ладена д-ра Аймана аль-Завахири и лидера Исламского движения Узбекистана (ИДУ) Тахира Юлдашева. 31 марта поступила информация о размещении на территории провинции Урузган 2-тысячного контингента морской пехоты США, который был призван поддержать наступление. Итого, к тому времени войска коалиции составили (вместе с ранее дислоцированными частями в количестве 15500 военнослужащих коалиционных сил) 17 500 человек⁵.

Сводки, поступающие с места ведения боевых действий, были крайне противоречивы. Не известно, например, действительно ли присутствовали в рядах талибов и членов «Аль-Каиды», организовавших якобы мощное сопротивление пакистанским военнослужащим в провинции Южный Вазиристан, террористы из числа чеченцев, уйгуров и узбеков, хотя в начале операции об этом писали многие обозреватели. Не сообщалось также о результатах допросов пленных боевиков, которые могли бы подтвердить или опровергнуть первоначальные сведения.

В ходе продолжавшейся почти в течение месяца поисковой операции с привлечением спецназа американского контингента, прибывшей команды из состава группы «Альфа» и специальных частей пакистанских вооруженных сил на территории провинции были арестованы более 200 боевиков. Пакистанская сторона утверждала, что число убитых боевиков и солдат превысило 100. В 20-х числах апреля военное руководство Пакистана заявило о прекращении боевых действий против племен в округе Южный Вазиристан (СЗПП) и завершении переговоров с племенем вазиров, которые привели к «широкому взаимопониманию» конфликтовавших сторон. Командующий армейским корпусом в Пешаваре генерал-лейтенант Сафар Хусейн объявил о договоренностях, которые предусматривают возвращение жителей Южного Вазиристана в места своего проживания и одновременный запрет на оказание жителями поддержки подозреваемым в связях с террористами элементам, которые могли бы совершать нападения на афганскую территорию с пакистанской стороны. Сообщается о намерении освободить 163 члена племени, которые были арестованы в ходе столкновений. Результат переговоров был одобрен Мауланой Мираджуддином – главой влиятельного антиамериканского альянса шести исламских оппозиционных партий Пакистана, завоевавших большинство мест в местном парламенте СЗПП. Согласно заявлению Мираджуддина, непкистанцам, проживающим в данном регионе, разрешено оставаться в данной местности с условием ведения мирного образа жизни и отказа от использования пакистанской территории для акций против других стран. Данное условие, однако, не относится к таким личностям, как Осам бен Ладен, Айман аль-Завахири и лидер ИДУ Тахир Юлдашев⁶.

Среди союзных войск НАТО, дислоцированных в Афганистане, наблюдались продолжающиеся до нынешнего дня явные трения, вы-

званные нежеланием представителей некоторых из них принимать непосредственное участие в боевых действиях. С августа прошлого года, когда было принято решение о взятии НАТО руководства анти-террористической операцией на себя, национальные части ISAF не желали заниматься проблемами безопасности вне Кабула, поскольку это угрожало им прямыми столкновениями с отрядами местных полевых командиров и авторитетами. За разнородными национальными подразделениями ISAF было закреплено кураторство и участие в деятельности БВП (в северных провинциях), а американский контингент был полностью сосредоточен на ведении боевых действий в зоне пуштунских племен (юг и восток) и поимке бен Ладена.

Союзникам тогда не удалось решить вопрос о дате президентских и парламентских выборов. Дж.Буш настаивал на сохранении даты, предусмотренной Боннскими соглашениями, – июнь 2004 г. Большинство других, ссылаясь на отсутствие безопасности как для кандидатов на пост президента, так и электората, предлагали сначала кардинально решить вопрос безопасности, т.е. как минимум нейтрализовать влияние полевых командиров и отбить у талибов «охоту» к нападениям на воинские подразделения ISAF, сотрудников миротворческих миссий и неправительственных организаций, занимающихся вопросами восстановления и реконструкции важных хозяйственных объектов.

Профессор Военного колледжа армии США Ларри Гудсан в январе с.г. констатировал, что Пентагон пересмотрел свое прежнее решение и расширил «миротворческую миссию» натовских войск, поставив ее под командование НАТО⁷. Однако за пределами Кабула угроза безопасности значительно возросла в 2003 г. в масштабах всего Афганистана по мере активизации деятельности «Аль-Каиды», неоталибов, торговцев наркотиками, отрядов полевых командиров и других противников режима. В прошлом году были убиты и ранены сотни солдат из американских и международных сил, афганских правительственных войск, сотрудников миссий международной помощи и жителей. Несколько провинций, находящихся вдоль пакистанской границы, практически полностью вышли из-под контроля кабульских властей. Несмотря на повторные военные чистки, проводившиеся американскими войсками, эти районы представляются очень опасными.

Ни планируемое расширение возглавляемых НАТО подразделений ISAF за пределами Кабула, ни Национальная армия Афганистана не обеспечивают решение растущей проблемы беззакония и угрозы безопасности в стране. НАТО, по мнению Гудсана, проявляет равнодушие в отношении реализации своей расширенной роли в Афганистане, и подготовка НАА как силы, способной противостоять местной милиции полевых командиров, происходит очень медленно. Большинство американских сил, писал он, будет вынуждено занять позиции в опасных южных и восточных провинциях, одновременно воюя с мя-

тежниками и содействуя усилиям по реконструкции и возрождению в этих местностях. Такой подход, по его мнению, может создать основу в деле повышения уровня поддержки местным населением кабульского правительства. Пентагон должен направить в 2004 г. в Афганистан еще одну дивизию американских войск. Эти войска волеются в дополнительные шесть БВП, обеспечат пополнением маневренные батальоны в пуштунских провинциях, окажут помощь в патрулировании дорог, нажмут на полевых командиров, заставляя их ускорить процесс роспуска своей милиции.

Л.Гудсан не одинок в своей убежденности о необходимости увеличения численности зарубежных «миротворцев» в Афганистане. Члены Парламентской Ассамблеи НАТО, побывавшие в июне в Кабуле, также считают необходимым пополнить ISAF 3,6 тысячами натовских военнослужащих для обеспечения безопасности в Афганистане на время выборов. Премьер-министр Бельгии Ги Верхофстадт сообщил о намерении удвоить число бельгийских десантников в период с августа по октябрь с.г. Сейчас в контингент натовских сил входит 300 бельгийцев⁸.

В целом перед воинским контингентом натовского альянса, базирующимся в Афганистане, возникает несколько трудноразрешимых проблем. Вопрос не в том, надо ли там дислоцировать союзные «миротворческие» войска. Командование ISAF просто не знает, как действовать в обстановке, когда центральное правительство является переходным, а внутри его наблюдаются явные разногласия по этнонациональному признаку. Политические лидеры нацменьшинств (Исмаил-хан, А.Р.Достум, Атта Мухаммад, Хаджи Мухаммад Мохаккек, А.Р.Саяф и другие) имеют свои «частные» армии и контролируют как промышленную экономику «своих» регионов, так и опиумные плантации и наркотрафик. Они особо упирают на свои заслуги, заявляя, что именно отряды «Северного альянса» внесли решающий вклад в дело победы над талибами (преимущественно пуштунами) и требуют от американцев признания своей особой роли в помощи, оказанной ими США при проведении «антитеррористической операции». Возникают серьезные конфликты при распределении донорской помощи провинциям, и каждый из авторитетов «тянет одеяло на себя».

Американскому контингенту не удалось «отловить» Осаму бен Ладена и его «лейтенантов», а следовательно, не выполнена задача, поставленная президентом Дж.Бушем. Многонациональные части ISAF, которые не принимали участия в операции «Буря в горах» и должны были сконцентрироваться на стабилизации ситуации в провинциях, также не добились более или менее заметных успехов в установлении режима безопасности даже в столице. Авторитет ISAF подорван также уже подтвержденной официально информацией о пытках, которым подвергали афганцев сотрудники ЦРУ на американских базах в Баграме и Асадабаде (провинция Кунар).

Недавно в Афганистан было переброшено еще одно воинское соединение армии США – 25-я пехотная дивизия, ранее дислоцировавшаяся в казармах Скофилд на Гавайях. Ее личный состав не участвовал в боевых действиях со времен войны во Вьетнаме, т.е. с 1975 г. В состав этой дивизии входят два подразделения коммандос под названиями «Блэк СОФ» – Black SOF (Special Operation Forces) и «Уайт СОФ». Задача первого заключалась в захвате бен Ладена (UBL – Usama ben Laden – так его называют на армейском жаргоне в спецвойсках США)⁹. Личный состав «Уайт СОФ» имел задание противостоять наркотеррористам. Как сообщает Р.Новак, в это подразделение входят около 100 солдат, одетых под афганцев и с длинными бородами. Им приданы военнослужащие из спецподразделений Великобритании и Новой Зеландии, десантников ЦРУ и Агентства США по борьбе с наркотиками. Первая задача не была выполнена, а осуществление второй сталкивается с большими трудностями и не приносит ощутимого успеха.

Беспокойство нарастает и в связи с последним террористическим актом: убийством и ранением 11 китайских рабочих, прибывших на восстановление шоссейной дороги Кундуз-Кабул. Поскольку в Кундузе несут службу 200 солдат германского бундесвера, на которых была возложена миссия по восстановлению безопасности, в Германии вновь разгорелся спор: вообще выводить из Афганистана немецких солдат или же, наоборот, увеличивать их число, следуя за американцами, а следовательно, – выполнять приказы командования НАТО.

Деятельность террористов, которых здесь именуют остатками талибов и боевиками «Аль-Каиды», не прекратилась, несмотря на проведенную в приграничных районах операцию. Как и в Ираке, целями для уничтожения живой силы в Афганистане являются военнослужащие натовских войск, затем иностранцы – сотрудники различных гуманитарных организаций, руководители местной администрации и, как всегда, – «случайные» жертвы. Есть основания предполагать, что выбор целей для нападений координируется единым органом, если вспомнить, что Осама бен Ладен призывал европейцев вывести свои войска из стран ислама, дабы не увеличивать опасность для своих граждан. Это касается и многонациональных сил НАТО в Афганистане.

Подавляющее большинство наблюдателей, обозревателей, военных журналистов и независимых журналистов, политических и военных экспертов сходятся в том, что администрация и военное командование США и НАТО не понимают обстановки в этой чуждой для них стране и, соответственно, не могут «подобрать ключ» ни к военным победам, ни к успехам в мирной реконструкции страны¹⁰. Они не в силах уяснить менталитет народа, который стреляет и взрывает тех, кто якобы, хотя и с оружием в руках, но несет ему «свободу и демократию». Тех, кто пытается строить школы и печатать для афганских детей учебники, прославляющие американскую демократию и

доблесть вооруженных сил США. Тех, кто тратит миллиарды долларов на закрепление своих войск в Афганистане и близлежащем регионе, который должен стать новым стратегическим опорным пунктом американской империи на Востоке.

¹ Информацию об истории создания и действий ISAF можно найти на сайте ISAF через <http://news.google.com> и <http://www.afghan-web.com>

² Thousands of recruits desert Afghan army. 12/01/2004. ABC News Online.

³ Aijaz Rahi. NATO Takes Over Mission in Afghanistan. January 6, 2004. The Associated Press.

⁴ Abubaker Saddique. NATO's "Progressive Expansion" in Afghan Provinces Required for Greater Security // A Eurasia Net Q&A with Hikmet Cetin, 3/12/04/.

⁵ Stephen Graham. Marines to Step Up AFGHAN Al Qaida Hunt // World – AP Asia, March 31, 2004.

⁶ Abubaker Saddique from Peshawar, 3/30/2004 – "Barnett R. Rubin" <brr5@nyu.edu>

⁷ Larry Goodson. U.S. Strategy in Afghanistan. January 13, 2004. – <http://www.journalofdemocracy.org/>

⁸ НАТО планирует увеличить свое присутствие в Афганистане. – Afghanistan.ru 25.05.2004 (Источник: KM.ru).

⁹ Подробно см.: Robert Novak. U.S. is lost in Afghanistan // Chicago Sun-Times (suntimes.com), May 31, 2004.

¹⁰ Там же.

**ПАКИСТАНО-АФГАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ:
ИСТОКИ КОНФЛИКТНОСТИ**

Проблема сложных отношений между Пакистаном и Афганистаном, порожденная коллизиями прошлого, продолжает оставаться актуальной и в начале XXI века. После вывода советских войск из Афганистана, падения режима Зия уль-Хака в Пакистане и восстановления в стране номинальной демократии, казалось, должны были возникнуть условия для нормализации отношений между двумя соседними странами. Однако этого не произошло. В Афганистане после падения просоветского режима президента Наджибуллы и прихода к власти моджахедов гражданская война не прекратилась. Начались военные действия между различными группировками моджахедов. Теперь врагами стали бывшие союзники. И тогда появилась «третья сила» – движение «Талибан». У афганцев возникла надежда, что именно это движение установит в стране анархию, произвол, насилие, так как руководители талибов именно этим обнадружили население.

Территория Пакистана, в основном районы, населенные пуштунами, была базой не только вооруженных формирований моджахедов. Именно там, на этой территории и возникло движение «Талибан». Оно было взращено не только афганскими исламскими радикалами, но и их пакистанскими собратьями. В вооруженных формированиях талибов принимали участие и сами пакистанцы, большинство которых было жителями Северо-Западной пограничной провинции Пакистана (СЗПП), полосы «независимых племен». Находившееся тогда (в 1994 г.) у власти правительство Наваза Шарифа явно делало ставку на то, что руководство талибов после прихода к власти признает «линию Дюранда» в качестве государственной границы между двумя странами.

Однако заняв большую часть территории Афганистана, талибы явно не спешили оправдать надежды пакистанских спонсоров. Они почувствовали себя свободными от своих обещаний быть послушными тем, кто вывел их «в люди». Надежды Исламабада оказались напрасными.

Тем временем обстановка в самом Пакистане радикально изменилась. 12 октября 1999 г. там произошел новый переворот, совершенный военными, теперь уже во главе с генералом Первезом Мушаррафом. Вскоре новые, военные правители Пакистана перестали безоговорочно поддерживать талибов, а после событий 11 сентября 2001 г.

Пакистан под нажимом США присоединился к международной анти-террористической коалиции.

После разгрома талибов Исламабад стал строить новые отношения с администрацией Х.Карзая, активно включившись в процесс восстановления Афганистана. Однако нынешние отношения между двумя соседями продолжают оставаться далеко не безоблачными: Пакистан пытается занять доминирующие позиции в Афганистане, вступив в соперничество с другими его соседями за влияние в стране, в первую очередь с Индией. Общественное мнение в Пакистане в отношении Афганистана расколото: консервативно настроенная часть населения, ведомая исламистскими партиями, продолжает поддерживать лидеров афганских экстремистов, которым также симпатизируют Межведомственная разведка Пакистана (ISI) и некоторые круги военных, несмотря на решимость президента П.Мушаррафа покончить с терроризмом в регионе, не решена проблема национальных прав восточных пуштунов и «линии Дюранда». Есть немало других факторов, препятствующих сближению двух стран. Таким образом, на пути нормализации пакистано-афганских отношений есть еще немало подводных камней, расчистка которых во многом зависит от политической воли пакистанских руководителей, общественных настроений в стране и международной обстановки в регионе.

Противоречия между двумя странами имеют глубокие корни, их предпосылки возникли задолго до образования государства Пакистан в 1947 г. и обусловлены последствиями развала единого афганского государства – Империи Дуррани в конце XVIII в. и последующим отторжением британскими колонизаторами части афганской территории, населенной пуштунами и ныне входящей в Северо-Западную пограничную провинцию Пакистана.

К 20-х гг. XIX в. в Панджабе сложилось сильное сикхское государство во главе с махараджей Ранджит Сингхом. Уже в 1818 г. начались сикхские завоевания земель восточных пуштунов. Попытки афганских эмиров вернуть себе эти территории не увенчались успехом. В 1838 г. в районе г. Банну была построена крепость, и Ранджит Сингх (а после его смерти в 1839 г. – наследники) стал полным сюзереном этих земель.

Одновременно в начале XIX в. в регионе Южной Азии начинается экспансия британской Ост-Индской компании, стремившейся поставить Индию под свой политический контроль. Правитель Кабула эмир Дост Мухаммад-хан не без основания считал, что основная угроза его землям исходит больше всего от Великобритании. Ее ставленник – бывший правитель Кабула Шах Шуджа, нашедший убежище в Британской Индии, готовился к вторжению в Афганистан. В 1838 г. объединенная армия Ост-Индской компании вступила на территорию страны, однако эта авантюра, известная как первая англо-афганская война 1838–1842 гг., закончилась полным провалом, и войска интервентов вынуждены были покинуть территорию Афганистана.

В 1845–1849 гг. власть Ост-Индской компании распространилась на княжество Панджаб, включавшее пуштунские районы правобережья Инда. С 1858 г., после поражения Великого индийского восстания, Индия перешла под полное управление Британской Короны, а после второй англо-афганской войны 1878–1881 гг. ее контроль над территориями восточных пуштунов был закреплен и распространился на примыкавшую к ним полосу горных пуштунских племен. По Гандамакскому договору 1979 г., подписанному афганским эмиром Якуб-ханом и представителем британских колониальных властей, Афганистан лишился права самостоятельно проводить внешнюю политику. Именно после этой войны произошло то, что через несколько десятков лет определило характер будущих пакистано-афганских отношений.

В 1893 г. была определена граница между Британской Индией и Афганистаном. Она прошла по так называемой «линии Дюранда», названной по имени представителя вице-короля Индии сэра Мортимера Дюранда, проводившего ее демаркацию. В результате большая часть «независимых» афганских племен осталась под британским сюзеренитетом. Афганский эмир Абдурахман (1880–1901) вынужденно, под угрозой войны признал границей «линию Дюранда», несмотря на то, что она закрепила положение, при котором половина пуштунов оставалась за пределами территории Афганистана¹. Это событие до сих пор рассматривается в Афганистане как национальная трагедия.

В 1901 г. административные округа территорий восточных пуштунов, входившие в Панджаб, были выделены в отдельную Северо-Западную пограничную провинцию с центром в г. Пешавар². Провинция была сформирована из этих округов и полосы «независимых племен». Округа управлялись сначала британскими чиновниками, а затем по Закону об управлении Индией 1935 г., наряду с британским губернатором – демократически избранным Законодательным Собранием, формировавшим правительство провинции. В полосе же племен управление осуществлялось местными ханами и маликами, находившимися под контролем британских политических агентов – чиновников, подчинявшихся вице-королю Индии.

В 1919 г. в результате третьей англо-афганской войны Афганистан под руководством эмира Амануллы-хана добился полной независимости. В этой войне пуштуны СЗПП поддерживали Афганистан. Однако Аманулла заплатил дорогую цену за свою победу: он был вынужден признать «линию Дюранда» государственной границей Афганистана.

Антиколониальная борьба пуштунских племен СЗПП всегда вызывала симпатии населения Афганистана. В 1921 г. влиятельные улемы Британской Индии объявили ее «страной врага» («Дар уль-харб») и призвали мусульман Северной Индии переселяться в Афганистан, что создало немало проблем для афганского правительства: не хватало свободных земель для переселенцев, финансовых средств, местный климат оказался слишком суровым для прибывавших из Индии.

В 1921 г. в СЗПП была создана первая массовая политическая организация «Анджуман-и ислах-и афагина» – «Общество просвещения афганцев»³. Само название общества говорит о том, что население провинции этнически не отделяло себя от пуштунов Афганистана. Основателями общества являлись будущие выдающиеся деятели национального движения пуштунов СЗПП – Абдул Гаффар-хан и его брат Хан Сахиб. В 1926–1927 гг. они создали новую организацию «Пахтун Джирга» – «Пуштунская Конференция» (или «Пуштунская Лига»), а затем приступили к формированию отрядов «Худай Хидматгаран» – «Слуги Господни», которых британские власти называли «краснорубашечниками» по цвету их униформы⁴.

Логика антиколониальной борьбы привела пуштунских националистов к объединению с созданным в 1885 г. Индийским национальным конгрессом (ИНК), считавшим себя не конфессиональной, индусской, а общенациональной организацией. В Индии возникали и мусульманские движения, а в 1906 г. была создана Всеиндийская мусульманская лига. Вплоть до введения Закона об управлении Индией 1935 г. и выборов 1937 г. в законодательные собрания провинций в соответствии с этим законом Мусульманская лига была маловлиятельной организацией, и особых разногласий с ИНК у нее не возникало. Многие члены Лиги одновременно входили в ИНК. Так, отец-основатель Пакистана Мухаммад Али Джинна, ставший в 1916 г. бессменным лидером Мусульманской лиги, сам был до 1921 г. членом ИНК.

Серьезные противоречия между Лигой и Конгрессом начались после выборов 1937 г. и усилились во время Второй мировой войны, когда Лига поддержала правительство Великобритании, а Конгресс высказался против, как выражались его лидеры, «участия Индии в империалистической войне».

23 марта 1940 г. сессия Мусульманской лиги в Лахоре приняла резолюцию, объявлявшую целью создание государственных образований в тех частях Индии, где мусульмане составляли большинство населения. Позже сторонниками единой Индии эта резолюция была названа «Пакистанской», хотя само слово «Пакистан» в ней отсутствовало.

Итак, в СЗПП наряду с другими, менее многочисленными политическими организациями, действовали провинциальные организации как ИНК, так и Лиги. Но ни до сессии Лиги в 1940 г., ни после нее ни одна из них не ставила своей целью возвращение территорий восточных пуштунов в лоно Афганистана после деколонизации Индии. Организация Конгресса боролась за единую Индию, организация Лиги – за создание независимого государства Пакистан.

В 1946 г. в результате выборов в провинциальное Законодательное Собрание СЗПП организация Конгресса одержала блестящую победу⁵. Эти выборы в сущности определяли принадлежность провинций в случае раздела субконтинента на Индию и Пакистан. Однако после объявления руководством Мусульманской лиги прямых дей-

ствий за создание Пакистана и «калькуттской резни» 16 августа 1946 г. в СЗПП началось острое противостояние провинциальных организаций Конгресса и Лиги, а мусульманские фанатики развязали террор против индусского и сикхского населения. Прямые действия за Пакистан в СЗПП превратились в кампанию гражданского неповиновения, направленную против конгрессистского правительства провинции.

Назначенный в феврале 1947 г. новый вице-король Индии лорд Маунтбэттен к маю того же года пришел к выводу о невозможности сохранения единства страны после передачи власти от британской администрации местным, национальным властям. Правительством Великобритании был разработан план, в соответствии с которым колония делилась на два доминиона – Индию и Пакистан. Он вошел в историю как «План Третьего июня». В соответствии с ним вопрос о принадлежности СЗПП Индии или Пакистану должен был решаться на референдуме. Руководство ИНК вынуждено было пойти на этот шаг, и это было ударом для конгрессистов провинции, считавших, что вопрос был решен в результате выборов 1946 г. В новых условиях конгрессисты СЗПП вышли из ИНК и развернули движение «За Свободный Пуштунистан». Предполагалось, что это государство либо останется суверенным, либо присоединится к Индии или к Пакистану. О воссоединении с Афганистаном речи не шло.

Политическая борьба в СЗПП не могла не коснуться Афганистана. «Линия Дюранда» признавалась не каждым правительством этой страны. Что же говорить о ее населении, особенно об афганских кочевниках, посезонно перегоняющих через нее свои стада туда и обратно. Пресса и радио Кабула начали кампанию за возвращение земель восточных пуштунов в состав Афганистана. И хотя Абдул Гаффар-хан и его сторонники требовали независимости для СЗПП, а не воссоединения ее с Афганистаном, Кабул поддержал их требование о создании «Свободного Пуштунистана»⁶.

Британский посол в Кабуле, имевший статус министра, сообщил госсекретарю по иностранным делам в Лондон о кампании афганской прессы за независимость СЗПП. Он также сообщил, что министр иностранных дел Афганистана Али Мухаммад дал понять, что его правительство выступает против присоединения СЗПП к Индии или к Пакистану вопреки воле ее населения.

16 июня 1947 г. Али Мухаммад заявил, что если на референдуме будет поставлен вопрос о присоединении СЗПП к Индии или к Пакистану, то афганское правительство будет считать, что ее население должно иметь возможность решить, хочет ли оно воссоединиться с Афганистаном или создать самостоятельное государство, имеющее полную независимость. В связи с получением Индией независимости, полагал он, необходимо заключить об этом соответствующий договор⁷.

21 июня и 6 июля 1947 г. четыре влиятельных в политических кругах Кабула афганских сардара – Хафизулла, Инаятулла-хан, Хабибул-

ла-хан и Мухаммад Якуб-хан обратились к правительству Великобритании с требованием дать возможность народу СЗПП создать свое государство. Ссылаясь на сообщения некоторых британских газет, писавших, что Россия подталкивает Афганистан к требованиям предоставления независимости СЗПП, сардары заявили, что сваливать свою вину на плечи других – это плохая британская политика. Они выразили надежду, что США и Россия помогут свободному государству пуштунов.

В донесении британского дипломата в Кабуле правительству Индии говорится, что в беседе с ним министр иностранных дел Афганистана гарантировал, что афганские интересы в СЗПП являются чисто идеологическими, чтобы в будущем иметь с ее населением хорошие отношения. Поэтому афганскому радио и прессе было позволено вести свободные дискуссии по вопросу о будущем восточных пуштунов. Этот вопрос с послом СССР не обсуждался, однако проводились консультации с американской миссией в Кабуле. Он также сообщил, что афганское правительство желало бы послать миссию для переговоров с индийскими политическими лидерами⁸.

В письме Маунтбэттену от 23 июня губернатор СЗПП О.Кэроу полагал, что возможное вмешательство Кабула в дела провинции вряд ли представит какую-либо угрозу британским интересам в регионе. Он также выразил уверенность в том, что такие действия инспирированы лидерами отделения Конгресса СЗПП и некоторыми афганскими кругами во время посещения Кабула политическим лидером восточных пуштунов Абдул Гаффар-ханом. В телеграмме же от 27 июня правительству Индии британский посол в Кабуле прямо отметил, что афганское правительство действует в противовес ирредентистским требованиям, т.е. требованиям территориального и лингвистического объединения страны.

В письме министра иностранных дел Афганистана от 10 июля 1947 г. послу Великобритании в Кабуле повторялись требования и предложения афганского правительства. В ответ британский представитель заявил, что такие действия афганцев вызовут недовольство его правительства, и стремился убедить афганского министра прекратить кампанию в прессе и на радио, смотреть не назад, а вперед⁹.

Афганский министр предлагал послать миссию или приехать самому для переговоров в СЗПП, но его предложения спускались на тормозах, а британское правительство давало понять, что оно не принимает претензий Кабула на право участия в решении судьбы СЗПП. После же того, как стало ясно, что итоги референдума будут в пользу Пакистана, британское правительство предпочло дать совет Кабулу налаживать отношения с будущими правительствами Индии и Пакистана¹⁰.

В ответ на просьбу Абдул Гаффар-хана и его сторонников включить в бюллетень референдума кроме пунктов о присоединении СЗПП к Индии или к Пакистану пункт о создании «Свободного Пуштунистана» Маунтбэттен ответил, что он включит его, если на то согласятся как

лидер ИНК, так и лидер Лиги. Однако основатель Пакистана Мухаммад Али Джинна такого согласия не дал. В результате референдума административные округа СЗПП вошли в состав Пакистана. Через некоторое время при посещении СЗПП М.А.Джинной согласие на вхождение в Пакистан дали ханы полосы «независимых племен». Таким образом, надежды Афганистана на ликвидацию последствий отторжения колонизаторами земель восточных пуштунов после деколонизации Индии не осуществились, и это послужило причиной возникновения напряженных отношений между Пакистаном и Афганистаном.

Кто же был прав и кто виноват в сложившихся тогда отношениях между двумя государствами? Думается, что в то время уже поздно было искать виноватых. Движение «За Свободный Пуштунистан» потерпело неудачу. Так или иначе, но население СЗПП высказалось за присоединение к Пакистану. О воссоединении с Афганистаном вопрос не стоял. В любом случае населению СЗПП было выгодно быть в составе Пакистана: за время колониального господства обе части бывшей Британской Индии стали экономически гораздо более развитыми, чем Афганистан, все еще остававшийся страной с преобладанием феодальных, да и дофеодальных пережитков.

Но нужно понять и афганцев. Исконно афганские земли были насильственно отторгнуты завоевателями. Пуштунов постигла судьба разделенных народов. Оскорбленное чувство национального достоинства удовлетворено не было. Для народа Афганистана «линия Дюранда» до сих пор воспринимается как ущемление его национальных интересов, как национальная трагедия.

Ни один завоеватель в своих авантюрах не задумывается о судьбе народов, которым он навязывает свою волю. Однако в конце концов их завоевательские амбиции терпят фиаско. Где ныне государство Ранджит Сингха или Британская Индия? Рассчитываться же за авантюры тех, кто возомнил себя вершителями судеб мира, приходится покоренным народам, чаще всего потомкам. И в данном случае как народу Пакистана, так и Афганистана.

¹ Ганковский Ю.В. Народы Пакистана (Основные этапы этнической истории). – М., 1964, с. 216.

² Spain J.W. The Pathan borderland. Columbia University, 1963, с. 149.

³ Ганковский Ю.В. Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. – М., 1967, с. 165.

⁴ Ганковский Ю.В. Народы Пакистана (Основные этапы этнической истории). – М., 1964, с. 219.

⁵ Janssoon E. India, Pakistan or Pakhtunistan. Uppsala, 1981, с. 151.

⁶ The Transfer of Power. Vol. XI, с. 262.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid., с. 577–578.

⁹ Ibid. Vol. XII, с. 495.

¹⁰ Ibid., c. 595.

АФГАНСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В РОССИИ

Масштабная миграция из Афганистана на территорию Российской Федерации началась после падения режима Наджибуллы в 1992 г. Многие афганцы – государственные служащие, военные, учителя, врачи, представители творческой и технической интеллигенции стремились покинуть свою родину и перебраться на территорию бывшего Советского Союза, ранее оказывавшего военную помощь и всяческое содействие режиму Наджибуллы. Путь многих афганских беженцев в Россию пролегал через территории Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана, Казахстана и государств Закавказья. Некоторые оседали на территории этих государств, другие стремились переехать в Москву или другой крупный российский город. Численность афганцев, находившихся на территории нашей страны в конце 1990-х гг., оценивалась примерно в 100 тыс. человек. В настоящее время число мигрантов из Афганистана уменьшилось, так как многие из них уезжают в страны Запада. Однако немало афганцев по разным причинам хотело бы остаться в России. На данный момент можно говорить о существовании афганской диаспоры на территории нашей страны.

Проблемы афганских мигрантов в России уже затрагивались исследователями-востоковедами, социологами, психологами. Исследования и статьи освещали отдельные и общие аспекты жизни граждан Афганистана, волею судьбы оказавшихся на территории нашей страны. Есть публикации, посвященные различным проблемам, с которыми сталкиваются все мигранты из Афганистана, а некоторые статьи акцентируют внимание на трудностях определенных социальных групп афганцев, например женщин и детей.

Большинство мигрантов из Афганистана приехало в Россию со своими семьями. Как известно, афганские семьи довольно большие – в них в среднем по 4–5 человек детей. Семьи с 1–2 детьми встречаются редко¹. В связи с этим можно говорить о том, что афганская диаспора в России по своему возрастному составу относительно молодая – большую ее часть составляют представители молодого поколения.

Как живет афганская молодежь, с какими проблемами она сталкивается в России, каково ее будущее – это лишь некоторые вопросы, которые мы попытаемся осветить в этой небольшой статье. Сейчас, когда идет процесс восстановления дружественных отношений и экономических связей между нашей страной и Афганистаном, очень важ-

но, чтобы настроения афганцев были положительными. А это зависит и от того, как к ним относятся в нашей стране, поскольку многие из них поддерживают контакты со своими родными и знакомыми на родине. В этой связи проблемы афганской молодежи в России должны интересоваться не только исследователей, но и представителей власти. Ведь не исключено, что в будущем представители современной афганской молодежи, живущей в России, будут играть важную роль в определении политических судеб своей страны.

Некоторое представление о жизни молодого поколения афганцев в Москве автор этой статьи смог получить, работая в одной из организаций, действующей в рамках программы УВКБ ООН (Управление Верховного Комиссара по делам беженцев). Афганская молодежь, проживающая в России, во многом сталкивается с теми же проблемами, что и представители старшего поколения. Это юридические, социальные, бытовые и культурно-психологические проблемы.

Условия жизни большинства афганцев тяжелые – обычно несколько семей вынуждены снимать по комнате в двух- или трехкомнатной квартире или жить в лагерях временного размещения вынужденных мигрантов – «Зеленоградский» и «Вербилки».

Главная проблема всех афганцев, проживающих на территории России – их неопределенный юридический статус. На начало 2000 г. только 540 человек получили официальный статус беженца². Остальные, по сути, являются лицами, ищущими убежища, и по закону не имеют права жить и работать на территории России. Тем не менее десятки тысяч афганцев продолжают оставаться в нашей стране и в настоящее время. Находясь практически на нелегальном положении, они не могут получать медицинскую помощь и образование.

Для афганской молодежи в России одна из основных проблем – трудности с получением образования. Далеко не все молодые люди имеют возможность даже думать об учебе. Многие афганские дети вынуждены работать, помогая своим родителям. Как правило, они заняты неквалифицированным трудом – работают на рынках помощниками продавцов или даже грузчиками. Девушки, как и взрослые женщины, обычно занимаются изготовлением недорогих украшений или вышивкой.

Для тех, у кого есть время на учебу и чьи родители хотят, чтобы их дети посещали школу, возникает проблема выбора школы – российской общеобразовательной или «афганской».

В 1998–1999 гг. в Москве начали действовать образовательные центры для детей афганских мигрантов – «Кузьминки», «Перово», «Зеленоградский», в гостинице «Севастопольская», где афганцами ведется активная торговля и где расположены офисы глав общины и редакции эмигрантских газет, в 2001 г. открылась школа.

Все эти образовательные центры действуют по программе, осуществляемой Автономной некоммерческой организацией «Эквилибр-

Солидарность» в рамках общего проекта представительства УВКБ ООН в России. В школах изучают русский язык и предметы, входящие в учебные программы русских общеобразовательных школ, а также языки дари и пушту и другие дисциплины, которые обычно изучают в Афганистане. В некоторых из этих центров организованы курсы русского языка для взрослых.

Все вышеперечисленные центры – это так называемые «афганские» школы. В них наряду с русскими учителями преподают афганцы. Одна из целей учебного процесса – воспитание молодежи в соответствии с ценностями традиционного афганского общества. Учащиеся получают представление об истории, культуре и обычаях своей родины. Среди дисциплин важное место уделено изучению Корана. Число учащихся этих школ невелико – обычно не больше ста человек в каждой.

Многие афганцы, отдающие своих детей в эти школы, придерживаются традиционных взглядов и стремятся к тому, чтобы их дети не забыли родной язык и национальную культуру. Поэтому большое внимание уделяется проведению национальных и религиозных праздников. Как правило, это большое событие для всей общины и в том числе для учащихся, которые на каждый праздник исполняют национальные песни или танцы.

Не все представители молодого поколения афганцев могут посещать такие образовательные центры. Гораздо большее число афганских детей ходит в общеобразовательные школы, где получает образование по российским стандартам. При этом еще несколько лет назад далеко не все школы соглашались принимать детей мигрантов из Афганистана.

Положение изменилось в 2001 г., когда министерством образования г. Москвы был издан указ о принятии в средние учебные заведения детей, чьи родители не имеют регистрации. Так что афганские дети получили возможность получать образование по российским стандартам. Представительство УВКБ ООН приняло деятельное участие в этом процессе. С 2002 г. начал действовать новый проект «Этносфера», который призван способствовать получению образования молодым поколением мигрантов (в основном афганцев) в общеобразовательных школах.

Конечно, не все афганцы хотят отдавать своих детей в российские учебные заведения, так как они опасаются, что те переймут русскую культуру. Поэтому многие родители предпочитают отдавать своих детей в «афганские» школы, где им хотя бы частично прививаются традиции родной страны.

В течение нескольких последних лет в российском обществе активно развивались недоброжелательные настроения по отношению к мигрантам из стран Азии и Африки. Это было связано с наплывом выходцев с Кавказа и республик Центральной Азии в крупные города.

В среде части российской молодежи стали заметны экстремистские тенденции. В Москве уже произошло несколько погромов на рынках, где в основном торгуют выходцы из Азербайджана и южных регионов России. Объектами нападений становятся все, кто имеет темный цвет кожи, и в том числе афганцы. Такие случаи стали нередки. Это вызвало обеспокоенность как в общинах, проживающих на территории России, так и в российских государственных структурах.

В 2001 г. правительством России была принята федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе». Программа должна действовать до 2005 г. Один из ее аспектов посвящен проблемам мигрантов и их отношений с местным населением. Особое внимание уделяется работе с российской молодежью, в том числе и той ее частью, которая сейчас учится в школах.

В этой связи действия представителя УВКБ ООН и правительства Москвы по постепенной интеграции молодого поколения афганцев в российское общество представляются вполне своевременными и целесообразными. То, что афганская молодежь будет учиться вместе с российскими школьниками, должно способствовать формированию более терпимого отношения к афганцам, да и к другим мигрантам в будущем.

Программа, по сути, призвана ускорить культурную адаптацию афганцев в российском обществе. Она является долгосрочной, поскольку должно пройти несколько лет, пока те афганские дети, которые сейчас поступили в общеобразовательные школы, закончат их.

Сейчас можно говорить о том, что проблема получения среднего образования афганской молодежью в России сопряжена с меньшими трудностями, чем это было несколько лет назад. Но высшее образование пока что остается труднодоступным для молодых афганцев. Во-первых, большинство из них вынуждено идти на работу сразу же после окончания средней школы, чтобы помочь своим родителям. Во-вторых, отсутствие необходимых документов закрывает дорогу в ВУЗы тем из них, кто может и хочет учиться. Нужно отметить, что таких немало – очень многие молодые афганцы проявляют большой интерес к учебе и относятся к ней ответственно. В целом получить высшее образование имеют возможность лишь единицы, для других учеба заканчивается получением справки или аттестата об окончании средней школы, училища или колледжа. Многие афганские девушки даже не могут доучиться до получения аттестата, так как родители выдают их замуж.

Есть еще целый ряд проблем, с которыми сталкиваются любые мигранты, живущие в чужой стране. Это проблемы психологического и культурного плана. Почти каждый человек, ставший вынужденным мигрантом, испытывает эмоциональный дискомфорт, находясь вдали от родины в чуждой ему обстановке. Многим людям, оказавшимся в

таком положении, очень важно ощущать себя частью родной культуры, которую они стараются сохранить. Это относится и к афганцам, живущим сейчас в России. Они хотят, чтобы их дети также не забывали о традициях и обычаях своей родины.

Значительное число молодых афганцев знает о своей стране лишь понаслышке. Многие из них родились уже в России, поэтому русский язык для них как родной: они с одинаковой легкостью могут общаться как на нем, так и на одном из языков своей страны – дари или пушту. Обучаясь в российских школах и общаясь со своими русскими сверстниками, афганская молодежь быстро перенимает культуру нашей страны. Молодое поколение афганцев носит одежду европейского типа, с удовольствием слушает российскую и западную популярную музыку, увлекается современными компьютерными и видеоиграми, посещает дискотеки. Соблюдение религиозных исламских норм становится чистой формальностью. Многие вообще не соблюдают никаких религиозных предписаний.

Нужно отметить, что молодые люди в большей степени, нежели взрослые, подвержены влиянию российской и западной культуры. Девушки в основном придерживаются традиционных ценностей. Это происходит во многом потому, что родители считают, что девушкам необходимо лишь дать основы знаний, получаемых в школе. Да и в целом женская половина мигрантов из Афганистана более консервативна, как отмечают психологи⁵.

Можно говорить о том, что в настоящее время сложились условия для культурной адаптации молодого поколения афганцев в России. Однако процесс социальной адаптации молодых людей, как и старшего поколения, сталкивается со многими препятствиями. Это прежде всего отсутствие определенного юридического статуса у большинства афганских мигрантов, живущих в нашей стране. Молодые люди, которые заканчивают общеобразовательные школы и колледжи, не могут найти применение своим знаниям. Они вынуждены заниматься торговлей на рынках, как и старшее поколение их соотечественников. Лишь очень немногим, получившим специальность в колледже или в институте, удастся получить работу дизайнера или программиста. Трудности с социальной адаптацией молодого поколения афганцев в России являются серьезным препятствием для их интеграции в российское общество. Многим молодым людям свойственно ощущение собственной ущербности, психологи отмечают у части из них наличие так называемого маргинального синдрома. Все эти факторы снижают возможности самореализации афганской молодежи в обществе. В связи с этим усилия по культурной интеграции мигрантов из Афганистана могут оказаться бесплодными, поскольку нет условий для социальной адаптации. Пока что не достигнуто успехов в предоставлении большинству мигрантов статуса беженцев, хотя попытки решить эту проблему предпринимались неоднократно как

представителями общины, так и международными правозащитными организациями – прежде всего УВКБ ООН.

Каковы перспективы афганской молодежи в России? Это во многом зависит от будущего всей афганской общины в Москве и нашей стране. В настоящее время идет процесс переселения некоторых афганских мигрантов из России в страны Запада. Переселение проходит при непосредственном участии УВКБ ООН. Многие афганцы желают уехать в одну из стран Европы, США или Канаду. Процесс оформления документов занимает много времени, большому числу мигрантов отказывают в переселении в ту или иную страну. Так что в ближайшее время большинство афганцев по-прежнему будет оставаться в России. При этом многие из них хотели бы остаться здесь или даже вернуться в Афганистан.

Что касается афганской молодежи, то она во многом разделяет позицию своих родителей. И хотя многие молодые афганцы говорят, что хотели бы уехать на Запад, есть и такие, которым нравится жить в России. При этом тех и других объединяет желание служить своей родине.

Действительно, молодые афганцы, живущие в России, могут оказаться очень полезными для своей страны. По уровню образованности они выгодно отличаются от своих сверстников в Афганистане. Это – элита всего афганского молодого поколения. При нынешней нехватке образованных кадров в государственных структурах и различных учреждениях Афганистана возвращение туда хотя бы части образованных людей, и в том числе молодежи, могло бы решить одну из многочисленных проблем этой страны.

Однако в настоящее время очень немногие афганцы вернулись на родину из России. Будет ли этот процесс в дальнейшем идти активнее и примет ли молодежь деятельное участие в нем – вопрос будущего.

В заключение мы хотели бы сделать некоторые выводы.

Молодое поколение составляет по меньшей мере половину от общей численности афганской общины в России. Многие его представители получают образование по российским стандартам и подвергаются сильному воздействию русской и западной культуры. Их приверженность традиционным ценностям значительно слабее, чем у старшего поколения афганских мигрантов.

Есть ряд факторов, которые препятствуют успешной интеграции афганской молодежи в российское общество. Это прежде всего проблемы правового плана – неопределенный юридический статус, отсутствие четких программ по социальной адаптации молодого поколения афганских мигрантов.

Перспективы афганской молодежи в России на данный момент представляются неопределенными. Вопрос, останутся ли эти люди в нашей стране, пока что остается открытым. Афганская молодежь в России находится на перепутье, и, похоже, это переходное состояние приобретает затяжной характер.

Литература

1. Положение беженцев в мире. 1997–1998. – М.: Интердиалект+, 1998.

2. Психологическая помощь мигрантам. – М.: Смысл, 2002.

Статьи

3. Абрамов А. Афганские беженцы в России // Мигранты из дальнего зарубежья, № 3. – М.: Изд-во МГУ, 2000.

4. Бойко В. Афганская диаспора: облик и судьба // Азия и Африка сегодня. М., 1995, № 10.

5. Валитов В. Социальные сети: взаимоотношения и взаимодействия в афганской общине // Мигранты из дальнего зарубежья, № 5. – М.: Изд-во МГУ, 2000.

6. Икбал А. Афганские женщины в условиях эмиграции // Мигранты из дальнего зарубежья, № 7. – М.: Изд-во МГУ, 2001.

7. Попков В. Афганцы в Москве: миграционные пути и особенности адаптации // Мигранты из дальнего зарубежья, № 11, 12, 13. – М.: Изд-во МГУ, 2003.

8. Солдатова Г., Шайгерова Л. Женщины-афганки в России: группы взаимопомощи // Мигранты из дальнего зарубежья, № 3. – М.: Изд-во МГУ, 2000.

¹ Абрамов А.В. Афганские беженцы в России. – Мигранты из дальнего зарубежья, № 3. – М.: Изд-во МГУ, 2000, с. 16.

² Психологическая помощь мигрантам. – М.: Смысл, 2002, с. 10.

³ Солдатова Г., Шайгерова Л. Женщины-афганки в России: группы взаимопомощи // Мигранты из дальнего зарубежья, № 3. – М.: 2000, с. 31.

SUMMARY

This book presents and analyses different problems of modern Afghanistan. So far, most significant problems of the country have been seeking solution due to the efforts of international players: Afghanistan has accumulated energy and resources of more than thirty states which are engaged in its reconstruction and in the fight against terrorism on its territory. It's them who practically determine the very nature of these processes. That is why the policy and positions of close and distant neighbors of Afghanistan – Russia, the US, India, Pakistan, Iran and Tajikistan are dominating in the articles.

The authors who review international situation in and around Afghanistan are anxious mostly about geopolitical reality being generated in the region by the policy of «friends of Afghanistan». Does it lead to peace and stability in the Middle East and the Central Asia or create new threats and challenges? Who will play here a dominating role – the US, Russia, Iran or Pakistan? Will rivalry among them increase or will they find an acceptable formula of cooperation in the interests of the Afghan people? The authors try to analyze this problem.

Also significant are the problems of internal development of Afghanistan, which draw much attention of the authors. Their articles deal with issues related to political instability, lack of security, chaotic process of national, political and social rehabilitation.

The analysis of Afghanistan's economic reconstruction in the book is considerably restricted because of the fragmented nature of the national economy itself. The authors observe the mere objectives and possible mechanism of their practical realization through international ties of Afghanistan.

Finally, the authors present a chapter considering ethnic and religious minorities of Afghanistan whose participation in public and political life of the country will demonstrate how effective rights and freedoms of the citizens are, that have been proclaimed by the new Afghan constitution.

The articles presented clearly show how hard the destiny of the country is, the country risen from ashes and moving towards peace and stability.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	
В.Г.Коргун	
Афганистан после талибов	8
В.Н.Пластун	
«Новая стратегия» Хамида Карзая и его заокеанских спонсоров	20
Г.П.Ежов	
Будущее – в прошлом? (вопросы экономики)	37
А.А.Князев	
Северо-восток Афганистана и сопредельные страны: перспективы экономического сотрудничества	47
Л.А.Аристова	
Международные транспортные пути и Афганистан	67
Х.Хашимбеков	
Лоя джирга как представительный орган государственной власти Афганистана	73
А.А.Князев	
Афганские киргизы	80
Н.М.Емельянова	
Исмаилиты в Афганистане	88
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	
В.Я.Белокреницкий	
Из Пакистана и Афганистана в Центральную Азию. Пути распространения исламского радикализма	99
В.Г.Коргун	
Россия и Афганистан	115
В.Н.Москаленко	
Пакистан и Афганистан: смена курса	125
М.Р.Арунова	
Иран и афганская проблема (2000–2004 гг.)	142
Т.Л.Шаумян	
Индия и Афганистан	149
В.Н.Пластун	
Афганистан-Ирак-США: стабильная нестабильность	158
В.Н.Пластун	
НАТО в Афганистане	166
Ю.Н.Паничкин	
Пакистано-афганские отношения: истоки конфликтности	176
А.Ю.Лавров	
Афганская молодежь в России	183
Summary	190